

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 22. № 3

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тема номера: / Theme:

«Современное переводоведение: максимы, константы и векторы развития»
“Modern Translation Theory: Maxims, Constants and Development Vectors”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 22. No. 3

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

Том 22. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023

Volume 22. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023. Vol. 22. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Theme: “Modern Translation Theory: Maxims, Constants and Development Vectors”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

At the invitation of the Chief Editor,

Assoc. Prof. *E.M. Sheptukhina*,

Prof., Dr. *V.A. Mityagina*

takes the position of the Executive Editor

of the present issue (Volgograd)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,

N.M. Vishnyakova, *M.V. Gayval*

Editors of English texts: *O.S. Volkova*, *D.A. Novak*

Making up *O.N. Yadykina*

Technical editing *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing May 18, 2023.

Date of publication: August 10, 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 13.0. Published pages 14.0.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–32).

Order 82. «C» 17.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023. Т. 22. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Современное переводоведение: максимы, константы и векторы развития»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Пряхорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

По приглашению главного редактора доц. Е.М. Шептухиной выпускающим редактором номера является д-р филол. наук, проф. *В.А. Митягина* (г. Волгоград)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль*

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка *О.Н. Ядыкиной*

Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 18.05 2023 г.

Дата выхода в свет: 10.08.2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 13,0.
Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32).
Заказ 82. «С» 17.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОД

КАК ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

<i>Митягина В.А., Наумова А.П., Новожилова А.А.</i> Транслатологическое обоснование создания многоязычных ресурсов Интернета	5
<i>Новикова Э.Ю., Попова О.И.</i> Переводческая экосистема региона: детерминанты, признаки, особенности	19
<i>Ремхе И.Н., Неведова Л.А.</i> Матричная модель кооперативного перевода	30
<i>Бредихин С.Н., Сидоренко С.Г.</i> Рекурсивное сравнение как основа поиска трансляционных эквивалентов в агглютинативных и флективных языках	43
<i>Гавриленко Н.Н.</i> Синтезирующий этап в деятельности отраслевого переводчика: детерминация отрасли и технология формирования необходимых компетенций	57

ПЕРЕВОД

В ПОЛИЛОГЕ КУЛЬТУР

<i>Гусейнова И.А., Горожанов А.И.</i> Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях	67
<i>Сдобников В.В.</i> Является ли перевод средством обеспечения межкультурной коммуникации? [На англ. яз.]	77
<i>Белоглазова Е.В.</i> Перевод транскультурного текста: двойной перевод культуры	86
<i>Серебрякова С.В., Милостивая А.И.</i> Поэтическая трансляция как герменевтический диалог переводчика с исходным текстом (опыт интерпретации разновременных переводов «Казачьей колыбельной песни» М.Ю. Лермонтова)	97
<i>Камилова С.Э.</i> О стратегии художественного перевода (на материале узбекской прозы)	108
<i>Поликарпов А.М., Латышева О.Е.</i> Перевод фольклорных текстов как средство сохранения ненецкого языка: интегративный подход	118
<i>Фадеева М.Ю., Волкова И.Д.</i> «Свое» – «чужое» – «межкультурное»: прагматика перевода (на материале текстов, посвященных творчеству С. Дягилева) [На англ. яз.]	129

CONTENTS

TRANSLATION

AS A FACTOR OF GLOBALIZATION

<i>Mityagina V.A., Naumova A.P., Novozhilova A.A.</i> Translatological Grounds of Creating Multilingual Internet Resources	5
<i>Novikova E.Yu., Popova O.I.</i> Translatological Ecosystem of the Region: Determinants, Constituents, Features ...	19
<i>Remkhe I.N., Nefedova L.A.</i> Matrix Model of Cooperative Translation	30
<i>Bredikhin S.N., Sidorenko S.G.</i> Recursive Comparison as a Basis to Translation Equivalents Search in Agglutinative and Inflectional Languages	43
<i>Gavrilenko N.N.</i> Synthesizing Stage in the Activities of an Industry Translator: Branch Determination and Technology for Forming Required Competences	57

TRANSLATION

IN THE POLYLOGUE OF CULTURES

<i>Guseynova I.A., Gorozhanov A.I.</i> Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation	67
<i>Sdobnikov V.V.</i> Is Translation a Means of Cross-Cultural Communication?	77
<i>Beloglazova E.V.</i> Translating Transcultural Literature: Cultural Translation Squared	86
<i>Serebriakova S.V., Milostivaya A.I.</i> Poetic Translation as a Hermeneutic Dialogue of a Translator with the Source Text (On the Analysis of Multi-Temporal Translations of M.Yu. Lermontov's "Cossack Cradle Song")	97
<i>Kamilova S.E.</i> The Specificity of Literary Translation Strategy (Based on the Material of Uzbek Prose)	108
<i>Polikarpov A.M., Latysheva O.E.</i> Translation of Folklore Texts as a Means of Preserving the Nenets Language: An Integrative Approach	118
<i>Fadeeva M.Yu., Volkova I.D.</i> Domestic – Foreign – Intercultural: Pragmatics of Translation (On the Material of the Texts Devoted to S. Diaghilev's Artworks)	129

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>

UDC 811.1'25:004.774
LBC 81.40-8

Submitted: 11.11.2022
Accepted: 03.04.2023

TRANSLATOLOGICAL GROUNDS OF CREATING MULTILINGUAL INTERNET RESOURCES

Vera A. Mityagina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Anna P. Naumova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Anna A. Novozhilova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article analyses the determined character of forming multilingual Internet space in terms of the status of language in the system of world languages and in the set of languages of website content. Multilingualism is considered as a new stage in the development of web communication, replacing the brief periods of English dominance and the emergence of Internet segments in national languages. The tendency towards representation of content in different languages reflects an attitude towards considering users as participants in institutional discourses. The study uses the examples from material that has undergone a detailed interpretation stage in translation classes and during the preparation of final qualification papers by students in translation. The basis of translationalogical logistics of a multilingual resource consists in the fact that a site hypertext is objectively conditioned by a set of linguistic characteristics of the original content and the pragmatics of creating translated versions. Therefore, creating a global version in English involves not only changing the site structure, reducing texts and neutralising linguistic and cultural markings, but also ensuring that content is understandable to a wide audience owing to appropriate translation techniques application. Translation into German may be driven by marketing factors, French versions occur in response to high demands of linguistic “purism” in the state and society, while translation into Russian allows expanding the audience of potential users. It is revealed that the use of machine translation in the material reviewed is restricted by the purposes of the discourse and the sociopragmatics of the recipient of the translated version. The refusal to translate using a built-in browser extension reflects the sender’s focus on effective communication and his desire to meet the recipient’s “horizon of expectations”. It is stated that the Internet space development is not determined by regulatory mechanisms, but by the orientation of resources towards the objectives of discourses and the needs and capabilities of their participants.

Key words: Internet communication, globalization, localization, translation pragmatics, English, German, French, Russian.

Citation. Mityagina V.A., Naumova A.P., Novozhilova A.A. Translatological Grounds of Creating Multilingual Internet Resources. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 5-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЗДАНИЯ МНОГОЯЗЫЧНЫХ РЕСУРСОВ ИНТЕРНЕТА

Вера Александровна Митягина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Анна Петровна Наумова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Анна Алексеевна Новожилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье анализируется детерминация формирования многоязычного интернет-пространства статусом языка в системе мировых языков и в комплексе языков контента сайтов. Многоязычие рассматривается как новый этап развития коммуникации в веб-пространстве, который пришел на смену кратким периодам господства английского языка и становления сегментов Интернета на национальных языках. Тенденция к представленности контента на разных языках отражает установку на учет фактора пользователей как участников институциональных дискурсов. В исследовании используются примеры из материала, который прошел этап детальной интерпретации на занятиях по письменному переводу и подготовке выпускных квалификационных работ студентов-переводчиков (всего около 1,5 тыс. контекстов). Показано, что объективная обусловленность гипертекста сайта совокупностью языковых характеристик оригинального контента и прагматикой создания переводных версий составляет основу транслатологической деятельности по формированию многоязычного ресурса. Установлено, что создание глобальной версии на английском языке предполагает не только изменение структуры сайта, сокращение текстов и нейтрализацию лингвокультурной маркированности, но и обеспечение понятности контента широкой аудитории с помощью соответствующих этой задаче приемов перевода. Перевод на немецкий язык может быть обусловлен факторами маркетинга, на французский – действующими в государстве и обществе требованиями «языкового пуризма», на русский – потребностями создателя ресурса в расширении аудитории потенциальных пользователей. Выявлено, что использование машинного перевода в изученном материале ограничено целями дискурса и социопрагматикой получателя переводной версии. Отказ от перевода с помощью встроенного расширения браузера отражает установку отправителя на эффективную коммуникацию и его стремление соответствовать «горизонту ожидания» получателя. Констатируется, что развитие многоязычного интернет-пространства определяют не регулятивные механизмы, а ориентированность ресурсов на задачи дискурсов, потребности и возможности их участников.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, глобализация, локализация, прагматика перевода, английский язык, немецкий язык, французский язык, русский язык.

Цитирование. Митягина В. А., Наумова А. П., Новожилова А. А. Транслатологическое обоснование создания многоязычных ресурсов Интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 5–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>

Введение

Современные коммуникативные процессы характеризуются увеличением в геометрической прогрессии скорости и объема передаваемой информации, что зависит от уровня развития технологий: свыше 90 % информации в Интернете сгенерировано за последние два года. При этом не происходит порождения нового знания, имеет место только оперирование, обмен информацией.

Тренд последних лет – увеличение количества аудио- и видеоматериалов, но в институциональной интернет-коммуникации по-прежнему востребован графический текстовый контент. Установка на предоставление равных возможностей для всех участников такой коммуникации реализуется в интернет-пространстве в сложной взаимосвязи разных прагматических факторов, ведущими из которых выступают прагматика отправителя, прагматика получателя и прагматика ситуации.

После недолгого абсолютного доминирования английского языка и развития веб-пространств на национальных языках новым этапом развития интернет-коммуникации стало многоязычие. Оно отражает стремление создателей веб-ресурсов к максимальному учету интересов пользователей – агентов и клиентов функционирующих в ней дискурсов. Многоязычный контент формируется экстенсивно, что обусловлено рядом объективных факторов.

1. Согласно принятой Генеральной ассамблеей ООН в 2003 г. «Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству» [Рекомендация о развитии...] и реализующей ее программе ЮНЕСКО «Информация для всех» [Информация для всех...] все институциональные структуры должны обеспечивать доступ к информационным ресурсам на всех актуальных для общества языках. Выполнение этой рекомендации осложняется цифровым неравенством: более половины населения планеты не имеет доступа к интернету по экономическим, политическим и прочим причинам [Internet for All...]. Предпринимаются различные попытки создания информационной инфраструктуры, одной из самых заметных стала инициатива «Интернет для всех» [Geissbauer et al., 2014], и можно констатировать, что за два десятилетия реализации рекомендации ООН относительно расширения доступа к киберпространству достигнут значительный прогресс. При этом все острее становится вопрос о качестве информационно-коммуникационных потоков.

2. Многоязычность сайтов является атрибутом цифровой реальности уже достаточно давно. Лингвистические и транслатологические аспекты глобализации и локализации вербального контента исследуются, прежде всего, в коммуникативно-прагматическом и технологическом аспектах [Лингвистическая и транслатологическая логистика..., 2016; Sandrini, 2005], однако вне исследовательского интереса остается проблема соответствия текстов переводных версий качеству оригинального контента.

Весьма развернутый и аргументированный анализ проблем создания многоязычного сайта предложен директором интернет-аген-

тства ИНТЕРВОЛГА С.А. Овчинниковым в статье «Многоязычный сайт. 16 проблем и 5 способов решения» [Овчинников, 2014], размещенной в его блоге еще в 2014 году. Данная публикация сохраняет свой программный характер в обусловленном параметрами интернет-пространства и актуальных информационно-коммуникационных технологий транслатологическом обосновании многоязычного веб-ресурса: «Что такое правильный и полноценный перевод сайта на другой язык? Будем перфекционистами и максималистами. Сделаем так, чтобы иностранец, не владеющий основным языком сайта, не испытал неудобств» [Овчинников, 2014].

Первой задачей в создании многоязычного ресурса С.А. Овчинников считает формирование контента («Контент – король. Все для него, ничего без») и перевод («Более того, я бы не советовал браться за реализацию мультязычности сайта, если вы не видите реальной работы по переводу. Зачем нужны дорогие мертворожденные игрушки?»). Отметим, что в рассуждениях С.А. Овчинникова есть указание на возможность выполнить перевод двух-трех самых важных страниц, который станет базой многоязычного ресурса.

Вторая задача – прагматически адекватное оформление текстов переводных версий, ориентированное на заданную аудиторию. Доводы автора вполне соответствуют требованиям лингвопрагматики, но связаны в первую очередь с выбором новостного и рекламного контента [Овчинников, 2014].

Третья задача вытекает из первой – это оформление структуры сайта, которая лишена однородности, потому что некоторые разделы «должны присутствовать только на некоторых языковых версиях» [Овчинников, 2014], что связано с интерактивными функциями (оформление заказа, поддержка чата, оформление меню и т. п.).

Достаточно распространена ситуация, когда на многоязычном сайте даются комментарии пользователей на разных языках (так называемый user generated контент), но «вавилонское столпотворение» не критично и не требует перевода.

Полноценный перевод специальных (документных) текстов, релевантных для пользователей с конкретным языком – публичной

оферты, правил обслуживания, юридических текстов – сопряжен с локальной институциональной адаптацией. С.А. Овчинников подчеркивает, что для документных текстов требуется создание печатной формы, соответствующей требованиям местного законодательства, иногда отдельного интерфейса, связанного с основным сайтом.

Для создания многоязычного сайта значимость приобретает разница в длине текстов на разных языках. Текст на русском языке будет длиннее, чем на английском, на немецком длиннее, чем на русском и т. д.

Справедливые замечания разработчика многоязычных сайтов являются инициальными тезисами для максимально эффективного лингвистического и транслатологического обоснования формирования мультилингвальных интернет-ресурсов.

Материал и методы

Материалом исследования служит многоязычный контент сайтов компаний, организаций и учреждений разной направленности (SB, SF, SR):

– <https://rusal.ru/> – РУСАЛ – российская транснациональная компания (на русском и английском языках);

– <https://www.samsung.com/> – Samsung – южнокорейская группа компаний, производитель высокотехнологичных компонентов, интегральных микросхем, телекоммуникационного оборудования, бытовой техники, аудио- и видеоустройств (на английском, русском, немецком и французском языках);

– <https://www.pushkinmuseum.art/> – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (на русском, английском, немецком и французском языках);

– <https://www.rudn.ru/> – Российский университет дружбы народов (на русском, английском и французском языках);

– <https://www.who.int/> – WHO, World Health Organization – Всемирная организация здравоохранения (на английском, русском и французском языках).

Многоязычие цифровых платформ и онлайн-сервисов способствует реализации принципов инклюзивности, формированию новых социоэкономических и социокультурных пат-

тернов, обеспечивающих возможность равноправного доступа граждан к информации, товарам, услугам, технологиям (подробно см.: [Mityagina, Volkova, Walter, 2022]). Выбор языков, формирующих контент, мотивирован статусом исходного языка в рейтинге глобальной языковой системы, ролью языков перевода в достижении целей компании / учреждения / организации, а также их местом в топ-10 языков интернет-коммуникации.

Изучение многоязычных ресурсов, функционирующих в пространстве дискурса СМИ, презентационного, рекламного, туристического дискурсов, дискурса международных организаций связано со стремлением лингвистов показать общую ориентированность участников интернет-коммуникации на доступность информации в разных сферах деятельности.

Глобальная языковая система, по мнению голландского исследователя А. де Сваана, опирается на теорию мировой системы и представляет собой иерархию, состоящую из 4 уровней:

1) периферийные (98 % языков мира, на которых говорит менее 10 % населения Земли);

2) центральные (около 100 языков, на которых говорит 95 % мирового населения);

3) суперцентральные (13 языков: арабский, китайский, английский, французский, немецкий, индостанский, японский, малайский, португальский, русский, испанский, суахили, турецкий);

4) гиперцентральный язык – английский [Swaan, 2001].

В топ ведущих языков интернет-коммуникации [Usage Statistics...] входят 11 из выделенных А. де Свааном языков: гиперцентральный английский язык (57,2 % контента) и 10 суперцентральных языков: русский (5,2 %), испанский (4,6 %), французский (4,1 %), немецкий (3,9 %), японский (3,3 %), турецкий (2,5 %), персидский (2,1 %), португальский (1,9 %), китайский (1,6 %).

Тот факт, что 11 языков «обслуживают» почти 90 % контента сайтов, свидетельствует в пользу многоязычия коммуникации и его прогрессивной роли в развитии Интернета. Достижение информационной доступности на известном / комфортном для потребителя языке можно расценивать, как важное кон-

курентное преимущество для владельца ресурса. Скорость информационно-коммуникационных процессов создала объективную потребность в быстром переводе текста, созданного на одном, исходном языке. Появление автоматизированного перевода контента сервисами браузеров стало ответом на вызовы социокультурной глобализации. Притом возможны различия в качестве трансфера контента, связанные с выполнением отличных по масштабу и характеру задач. Представляется необходимым провести анализ коммуникативно-прагматической и лингвокультурной ориентированности переводных (вторичных, не исходных) текстов многоязычного ресурса и сравнить эффективность создания вторичных языковых версий по следующим моделям:

- отдельный гипертекст;
- полностью автоматизированный перевод с помощью встроенного расширения браузера (Google Translate, Яндекс Переводчик, Reverso и т. п.);
- переводы текстов оригинальной версии, выполненные переводчиком (как с помощью автоматизированного перевода и последующим редактированием, так и без него (подробно см.: [Novozhilova et al., 2021]), и тексты только на языке данной версии;
- переводы текстов оригинальной версии, выполненные переводчиком, и автоматизированные переводы текстов оригинальной версии.

Вариативность в технологии создания гипертекста на языках, избранных для мультилингвального присутствия сайта в интернет-пространстве, обусловлена двумя векторами экспансии дискурсов в сети: глобализацией и локализацией (подробно о них см.: [Novozhilova et al., 2021; Popova, Volkova, Fadeeva, 2021]). Перевод на гипер- и суперцентральный языки выводит ресурс на уровень глобальной аудитории пользователей, но перевод на один из суперцентральных языков всегда ориентирован на конкретные лингвоэтносоциумы, и выбор средств создания текстов подчинен необходимости учета прагматических и культурных детерминаций. В статье приведены наиболее показательные из корпуса примеров, включающего более 1,5 тыс. контекстов на английском, немецком, французском и русском языках.

В исследовании сайтов как новых медиа эффективным является комплексный методологический подход, что отмечают прежде всего лингвисты [Сарна, 2014]. В работе использованы дискурсивный и лингвокультурологический анализ. Наряду с ними применялись общенаучные приемы индуктивного и дедуктивного методов для обобщения собранных теоретических данных; дефиниционный анализ для формулирования ключевых понятий исследования. Сравнение исходного текста и текста перевода осуществлялось при помощи интент- и контент-анализа.

Результаты и обсуждение

Англоязычная версия сайта: универсальный глобальный контент

Английский язык уже давно имеет статус языка международного общения и поэтому практически любой многоязычный сайт представляет свой контент прежде всего на английском языке. Для крупных международных корпораций и всемирных организаций английский – всегда язык оригинала, на котором составляются тексты, и при локализации они переводятся на другие языки. Создатели сайтов небольших национальных компаний и учреждений, как правило, формируют контент сначала на национальном языке, а затем переводят его на английский и, по возможности, на другие языки. В этом случае англоязычная версия зачастую представляет собой контент, который прагматически адаптирован переводчиками для глобального получателя [Volkova, 2019] и не содержит информации, релевантной и/или понятной только носителям языка, с которого осуществлялся перевод.

Так, на сайте РУДН в англоязычной версии отсутствует рубрика «*Поступление для граждан РФ*», а дублируется только рубрика «*Поступление для иностранных граждан*» – «*Admission of foreign citizens 2022*» (РУДН). Не переведены на английский и многие другие разделы сайта, например, «*Расписание занятий*», «*Справочник преподавателя*» и т. д. В разделе «*Образование*» опущена рубрика «*Платное образование*», поскольку условия, представленные в ней, действуют на законодательном уровне только в отношении

граждан РФ, для иностранных граждан есть такие рубрики, как «*Rules for admission of foreign citizens with payment of tuition fees*» (о правилах приема иностранных граждан с оплатой стоимости обучения) и «*Admission Regulations for Russian Federation Budgeted Grants to Foreign Citizens*» (о правилах приема иностранных граждан в рамках бюджетного набора).

Изменение рубрикации связано с переключением аудитории, ориентированностью на прагматику иностранного пользователя и удаление ненужной для него информации. Вузовский сайт предлагает информацию на английском языке для будущих студентов, а обучающимся доступна версия на русском. Таким образом, на уровне структуры сайта посредством изменения количества рубрик и разделов осуществляется его глобализация, и это решение используется во многих дискурсах (см., например: [Волкова, Гуреева, 2020]).

На уровне языкового наполнения англоязычной версии элиминация элементов не является правилом. Так, анализ лексики сайта промышленной компании российского производителя алюминия Русал выявляет отказ от транслитерационной передачи понятных пользователю национальной версии сокращенных названий заводов: перевод направлен на презентацию всех предприятий компании, указание на их местоположение, поэтому в англоязычном тексте приводятся полные номинации:

Производство алюминиевой катанки осуществляют **ИркАЗ, БрАЗ, КАЗ**. Катанка широко используется для производства проводов и кабелей, в черной металлургии – в качестве раскислителя, а также для производства метизных изделий (<https://rusal.ru/clients/catalog/katanka/>).

Aluminium wire rod is produced by the **Bratsk, Kandalaksha, and Irkutsk Aluminium Smelters**. Wire rod is widely applied to produce wires and cables, in ferrous metallurgy as a deoxidising agent and to produce hardware items (<https://rusal.ru/en/clients/catalog/katanka/>).

Англоязычные версии, выполняющие функцию универсального источника информации для глобального получателя, реализуют трансформации контента, связанные с учетом социопрагматических интересов и потребностей широкой аудитории.

Немецкоязычная версия сайта: маркетинговая локализация

На протяжении многих десятилетий позиции немецкоговорящих стран, прежде всего Германии, Австрии и Швейцарии, считаются довольно прочными и устойчивыми на мировом рынке. Многие международные компании стремятся сотрудничать с партнерами из этих стран, закупать их оборудование и технологии и продвигать свои наиболее качественные товары и услуги на их национальных рынках, а также привлекать респектабельных и платежеспособных туристов. В связи с этим крупные компании и учреждения культуры должны заботиться о создании немецкоязычной версии своих сайтов, которая ориентируется на носителей немецкой лингвокультуры и максимально учитывает прагматику потребностей данного потребителя, а также обеспечивает «доступность культурной среды как составляющую инклюзивности» [Фадеева, 2022, с. 40].

Из отобранных нами для анализа многоязычных сайтов компаний, организаций и учреждений только на двух заявлено наличие немецкоязычных версий – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (русский, английский, немецкий, французский языки) и компания Samsung (только для Европы 44 варианта языкового меню, в том числе с выбором национальной + английской / русской языковой версии).

При этом на сайте музея им. А.С. Пушкина немецкоязычная версия (как и франкоязычная) лишь обозначена: немецкоязычные разделы сайта находятся в разработке либо перевод контента выполнен в ограниченном объеме – представлены только названия отдельных рубрик, например: «*Посетителям*» – «*Für Besucher*»; «*Выставки и события*» – «*Ausstellungen*»; «*Коллекции*» – «*Sammlungen*»; «*Медиа*» – «*Medien*»; «*Внимание*» – «*Achtung*».

Приведенные примеры дают основания полагать, что перевод выполнен человеком, а не машинным переводчиком, так как при автоматизированном переводе коротких словосочетаний осуществляется механическая словословная подстановка и не опускаются слова: в названии рубрики «*Выставки и события*» – «*Ausstellungen*» переведено только первое

слово, в названии рубрики «*Pосетителям*» – «*Für Besucher*» произведена замена дательного падежа на конструкцию с предлогом *für* (для) (дословно: для посетителей).

На сайте для получения дополнительной информации команда *Подробнее* передается на немецкий язык субстантивированным существительным *Näheres* (подробности, детали). Это свидетельствует о том, что перевод выполнялся человеком, поскольку при проверке через машинные переводчики (здесь и далее в статье используется проверка через Google Translate) предлагаются другие, более дословные варианты без замены части речи – *genauer, ausführlicher* и т. п. Большая часть текстового контента в немецко- и франкоязычных версиях приводится пока на английском и частично на русском языках: многоязычное оформление ресурса в процессе создания и избранная технология свидетельствуют о стремлении к эффективной лингвистической логистике путешествий – охвате иностранных участников туристического потока.

В качестве удачного примера создания многоязычных ресурсов аналогичной направленности укажем на проект Минкультуры России «Артефакт» (Артефакт). Это платформа для создания интерактивных гидов с технологией дополненной реальности, которая в своей мобильной версии объединила уже более 500 музеев РФ. В этом приложении поддерживаются английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, японский и китайский языки на основе машинного перевода.

Немецкоязычные версии сайта Samsung разработаны для трех стран – Германии (<https://www.samsung.com/de/>), Австрии (<https://www.samsung.com/at/>) и Швейцарии (<https://www.samsung.com/ch/>), представленный контент характеризуется существенными отличиями. Обратим внимание на некоторые из них.

Всплывающий баннер, рекламирующий новые модели бытовой техники серии Bespoke Home, выглядит следующим образом:

Германия: Bespoke Home: Verschönere Dein Zuhause und verleihe ihm deine persönliche Note.

Австрия: Bespoke My Home: Entdecke Küchen- und Haushaltsgeräte in Designs, die du anpassen kannst und die sich mit SmartThings intelligent vernetzen lassen.

Швейцария: Bespoke All™ Waschmaschinen: Spare Energie, Wasser und Waschmittel. Entdecke jetzt die neuen Bespoke All™ Waschmaschinen.

Приведенные примеры отражают ориентированность слоганов на актуальные, обоснованные маркетинговым исследованием рынка ожидания национальной группы потребителей: украсить и индивидуализировать жилище в данный период – для немцев, найти «умные» решения – для австрийцев и сэкономить энергию, воду и моющие средства – для швейцарцев.

Предложения месяца также оформлены по-разному для пользователей каждой из стран:

1) для сдержанных и практичных немцев текст выглядит довольно лаконично, но привлекает ярким оформлением рубрики:

Германия: Auswahl des Monats;

2) для ценящих комфорт австрийцев подчеркивается, что здесь клиент может познакомиться с лучшими предложениями и пользоваться наибольшим спросом продуктами:

Австрия: Angebote & Highlights.

Die besten Angebote und angesagtesten Produkte;

3) респектабельных жителей Швейцарии призывают открыть для себя лучшие предложения и популярнейшие продукты:

Швейцария: Angebote & Highlights.

Entdecke hier die besten Angebote und beliebtesten Produkte.

Разделы, где презентуются одинаковые продукты, могут совпадать на разных немецкоязычных версиях сайта. Так, версии сайта для Австрии и Швейцарии имеют единый раздел, посвященный мобильному телефону Galaxy Z Flip4:

4 Gründe, warum das Galaxy Z Flip4 den Alltag erleichtert.

(И далее раскрываются указанные 4 причины, почему этот телефон стоит купить).

Однако в версии для Германии в рекламе данной модели телефона больший акцент делается на возможности использования но-

вой музыкальной платформы StemDrop, подключения беспроводных наушников этой же фирмы – Samsung Galaxy Buds2 Pro и создания собственных видеоклипов:

Kreiere dein coolstes StemDrop mit einer modernen Technologie und den vielen kreativen Möglichkeiten des Samsung Galaxy Z Flip4. Sobald du fertig bist, verbinde dich mit deinen Samsung Galaxy Buds2 Pro und höre dir deine Kreation an. Wir zeigen dir wie du starten kannst, um fast alle Möglichkeiten eines Aufnahmestudios in deiner Hand zu entfalten.

Sei kreativ mit dem Galaxy Z Flip4.

Erschaffe Musik wie du sie magst – mit dem Samsung Galaxy Z Flip4. Produziere dein Musikvideo mit der FlexCam. Singe und erstelle freihändig Musikvideos wo immer du bist. Mit Multi-Window kannst du zwei Apps gleichzeitig nutzen. So hast du während deiner Proben immer die Lyrics im Blick.

Таким образом, версия для каждой из рассмотренных стран разрабатывается отдельно, с учетом актуальных запросов потребителей, проводимых акций и представленности товаров в торговой сети данных стран. Наличие одинакового контента в отдельных рубриках отражает совпадение стратегий сбыта в национальных сегментах и слаженную работу копирайтеров и локализаторов.

**Франкоязычная версия сайта:
контент как ответ на требования
«языкового пуризма»**

Французы известны стремлением к «чистоте» языка, устранению всех иноязычных заимствований, так называемому «языковому пуризму». Лингвистическое течение, зародившееся несколько веков назад, продолжает оказывать влияние на развитие французского языка и в переводческом аспекте. Так, при сравнении франкоязычного контента на главной странице сайта Samsung для Франции и Бельгии отмечаются значительные различия:

Samsung, Франция

Galaxy Unpacked.

Découvrez le meilleur de la photo Samsung le 1er février 2023 à 19h.

Faites place à une expérience TV unique.

Découvrez la nouvelle gamme de TV Neo QLED et OLED.

Découvrez les nouveaux lave-linges et sèche-linges intelligentes.

Soin du linge Bespoke AI™.

Lavez plus. Consommez moins.

Samsung, Бельгия

Galaxy Unpacked.

1 février, à 19 heures.

Plus de OUAW que jamais.

Soyez le premier à découvrir la gamme 2023.

BESPOKE Home.

Votre maison, votre lieu d'expression avec Bespoke.

Приведенные примеры показывают, что версия сайта для Франции более объемна за счет детального описания предлагаемых товаров по сравнению с бельгийским вариантом. Кроме того, использование словосочетаний со значением превосходства (*le meilleur de la photo, une expérience TV unique, les lave-linges et sèche-linges intelligentes*) придает французской языковой версии сайта утонченный и эмоционально окрашенный характер.

Различия версий сайта обнаруживаются в употреблении англицизмов в контенте бельгийской версии сайта и, соответственно, их намеренном замещении / неиспользовании во французском варианте. Например:

Samsung, Франция

Regardez l'évènement en direct l'évènement en direct;

une expérience ... unique;

Bespoke AI™;

Offres d'hiver.

Samsung, Бельгия

Regardez le **livestream** ici

OUAW

BESPOKE Home.

Soldes. **New Year. New You. New Samsung.**

Donnez **un coup de boost** à votre année avec jusqu'à 250€ de réduction sur plus de 350 produits.

Влияние гиперцентрального английского языка прослеживается в переводе некоторых рубрик сайта. Например, раздел, посвященный специальным выгодным предложениям, переведен во французской версии вариантом *offres*, а в бельгийской – заимствованием *promotions*. Первый вариант имеет лексическое значение «коммерческое предложение», а второй – «развитие продаж, маркетинг» (LR). Согласно словарным толкованиям *promotions*

в английском и французском языках, оно означает деятельность по рекламированию чего-л. (CD). Выбор исконной французской лексемы *offres* обусловлен стремлением создателей контента к чистоте языка, но в функциональном отношении он менее удачен по сравнению с *promotions*, потому что не отражает направленности раздела в полном объеме.

Аналогичные этому решения имеют место и в переводе раздела о компьютерных цифровых устройствах: в бельгийской версии употребляется номинация *computing*, которая отсутствует в современном французском языке, но представлена в английском языке и применяется как термин, обозначающий науку о компьютерах; использование компьютеров (CD), и в переводе не нуждается. Во французской версии сайта раздел называется *Informatique*. Эта лексема имеет сходную, но более узкую по сравнению с *computing* семантику, обозначая теорию и обработку информации посредством программного обеспечения, установленного на компьютере (LR). Данная лексическая единица была создана и введена в употребление еще в 1962 г. (CNRTL), поэтому занимает приоритетную позицию по сравнению с появившимся позднее англицизмом *computing*, отсутствующим в составе толковых словарей современного французского языка.

Итак, франкоязычные версии мультилингвальных ресурсов отражают, с одной стороны, разнонаправленные процессы развития французского как суперцентрального языка, который подвержен неизбежному влиянию глобального английского языка, с другой стороны, языковую политику франкофонных стран.

**Русскоязычная версия сайта:
локализация
для интернациональной аудитории**

Русский язык, по данным статистического проекта W3Techs одной из самых авторитетных компаний, фиксирующих разные аспекты использования веб-технологий, Q-Success Web-based Services, использовали в ноябре 2022 г. 5,3 % всех веб-сайтов [Usage Statistics...]. Второе место в номинации «Языки контента», которое в рейтинге компании занимает русский язык, отражает большую аудиторию

пользователей Интернета, выбирающих русский язык. Исследователи отмечают роль русского языка на постсоветском пространстве как «социального скрепа народов» [Егоров, 2021, с. 1195]. Русскоязычные страницы создаются как крупными транснациональными компаниями, так и международными организациями, отелями, музеями и т. д. Сравним технологии перевода, используемые для производства русскоязычного контента сайтов компании Samsung и Всемирной организации здравоохранения.

Русскоязычный сайт компании по объему, оформлению и наполнению представляет собой полноценную версию единого ресурса, поэтому не может быть охарактеризован как отдельно созданный гипертекст. Раздел, посвященный Smart TV, в котором Samsung является признанным лидером, содержит весьма показательные примеры скрупулезной работы над текстом перевода. Проверка через Google Translate демонстрирует, что автоматизированный перевод использован для соблюдения параллелизма, симметрии и конгруэнтности версии, но в очень большой степени отредактирован (нумерация внутри предложений наша. – В. М., А. Н., А. Н.).

Samsung, UK (SUK)

Why Samsung Smart TV?

(1) **It's so smart, it's easy to use.** (2) It's also packed with a **big variety of content and services.** (3) Meet Samsung Smart TV, **the TV that's ready for you.** Learn more about features of Smart TV.

(4) All your entertainment **in one place.**

(5) **Smart Hub & Apps.**

(6) Samsung's Smart Hub is **your one-stop source to satisfy all your entertainment needs.**

(7) The Smart Hub shows a wide variety of contents ranging from **set-top box, VOD to popular OTT apps like Netflix, YouTube and Disney+, so you spend more time watching, not searching.**

Google Translate

Почему Samsung Smart TV?

(1) **Он такой умный, его легко использовать.**

(2) Он также **наполнен большим разнообразием контента и услуг.** (3) Встречайте Samsung Smart TV, **телевизор, который готов для вас.** Узнайте больше о функциях Smart TV.

(4) **Все ваши развлечения в одном месте.**

(5) **Смарт-хаб и приложения.**

(6) Samsung Smart Hub – это **универсальный источник, который удовлетворит все ваши потреб-**

ности в развлечениях. (7) Smart Hub показывает широкий спектр контента, начиная от **телевизионных приставок, VOD и заканчивая популярными OTT-приложениями, такими как Netflix, YouTube и Disney+, так что вы тратите больше времени на просмотр, а не на поиск.**

Samsung, Россия

Почему Samsung Smart TV?

(1) **Samsung Smart TV очень просто пользоваться.** (2) **Это доступ к максимально разнообразному контенту и приложениям, где каждый найдет что-то свое.** (3) **Samsung Smart TV – это персональное телевидение у вас дома.**

(4) **Все развлечения на одном экране.**

(5) **Smart Hub и приложения.**

(6) Smart Hub – **ваш идеальный проводник в мире приложений и контента.** (7) **Цифровое ТВ, VOD и популярные OTT-сервисы** – все, чтобы вы проводили время за просмотром любимого фильма, а не его поиском.

Русскоязычный контент создан с максимальным соблюдением нормы перевода как синтеза языковой нормы, контекстуальной актуализации смысла и прагматической адаптации: предложение (1) являет собой комбинированный вариант трансформации грамматической структуры и лексической экспликации исходного высказывания, обеспечивающей заданный коммуникативно-прагматический эффект: это *Smart / умное TV*, поэтому (или несмотря на это) им очень просто пользоваться. В (3) этот эффект усиливается – *Samsung Smart TV – это персональное телевидение у вас дома, а не просто телевизор, который готов для вас.*

Языковая норма русского языка не допускает коллокации *наполнен большим разнообразием контента и услуг*, формула современного ИТ-дискурса *доступ к максимально разнообразному контенту и приложениям* позволила избежать возможной ошибки и стала дополнительным аргументом в пользу восприятия Smart TV как большого смартфона. Аналогичным по аргументации является выбор в (4): *Все развлечения на одном экране вместо Все ваши развлечения в одном месте.*

Примеры (5)–(7) – это не только яркая иллюстрация генерализации, перераспределения семантической нагрузки фрагмента и локализационного отказа от неактуальных в целевом тексте деталей, но и свидетельство

качества текста перевода с точки зрения языковой «экономии» и эффективного владения переводчиком стратегиями рекламного дискурса и копирайтингом в целом: языковые средства выбраны с учетом горизонта ожидания и потребностей заданной аудитории. Наличие версий на русском языке у транснациональных компаний параллельно с версиями на других национальных языках (например, на казахском, киргизском у Samsung) направлено на максимальный охват потенциальных пользователей.

Отметим, что лингвопрагматические требования дискурса международных организаций выполняются переводчиками в не меньшей степени, и русскоязычный контент новостного раздела Всемирной организации здравоохранения предоставляет тому много весомых доказательств. Рассмотрим пример перевода страницы сайта Всемирной организации здравоохранения с английского языка на русский.

<https://www.who.int>

TAG-VE statement **on the meeting** of 3 January on the COVID-19 **situation** in China.

4 January 2023 Statement Reading time: 2 min (486 words).

The Technical Advisory Group **on Virus Evolution** (TAG-VE) meets regularly to review the latest scientific evidence on circulating SARS-CoV-2 variants and advises WHO on whether a change in public health strategies is warranted. The TAG-VE met on 3 January 2023 to discuss the COVID-19 situation in mainland China.

The TAG-VE meets regularly and continues to assess the available data on the transmissibility, clinical severity, and immune escape potential of variants, including the potential impact on diagnostics, therapeutics, and the effectiveness of vaccines in preventing infection and/or severe disease.

Google Translate

Заявление TAG-VE **о встрече** 3 января по **ситуации** с COVID-19 в Китае.

Заявление от 4 января 2023 года. Время чтения: 2 минуты (486 слов).

Техническая консультативная группа **по эволюции вирусов** (TAG-VE) проводит регулярные **встречи** для рассмотрения последних научных данных о циркулирующих вариантах SARS-CoV-2 и **дает ВОЗ рекомендации** относительно необходимости изменения стратегий **общественного здравоохранения**. TAG-VE **собралась** 3 января 2023 г.,

чтобы обсудить ситуацию с COVID-19 в **материковом Китае**.

TAG-VE проводит регулярные **встречи** и продолжает оценивать имеющиеся данные о **трансмиссивности**, клинической тяжести и возможности **ускользания от иммунитета** вариантов, включая потенциальное влияние на диагностику, терапию и **эффективность вакцин в предотвращении инфекции и/или тяжелого заболевания**.

<https://www.who.int/ru/home>

Заявление ТКГЭВ о **совещании** по вопросу об **обстановке** по COVID-19 в Китае, **состоявшемся** 3 января.

4 января 2023 года. Заявление.

Техническая консультативная группа по **эволюции вируса** (ТКГЭВ) проводит регулярные **совещания** для рассмотрения последних научных данных о циркулирующих вариантах SARS-CoV-2 и **представляет ВОЗ рекомендации** о целесообразности корректировки стратегий по **защите здоровья населения**. Третьего января 2023 г. ТКГЭВ **провела совещание**, на котором она обсудила ситуацию с распространением COVID-19 **на территории континентального Китая**.

ТКГЭВ регулярно проводит **совещания** и продолжает анализировать имеющиеся данные о **контагиозности**, клинической тяжести вариантов и их способности к **уклонению от иммунного ответа**, в том числе изучать их потенциальное влияние на диагностику и лечение, а также на **эффективность вакцинопрофилактики заражения и/или тяжелого течения болезни**.

Новостной контент на русском языке предоставляется с опозданием на 10 дней, что дает дополнительный аргумент в пользу утверждения о выполнении трансфера переводчиком. Выделенные соответствия касаются в первую очередь выбора терминологического эквивалента, а также клише или дискурсивных формул:

– *по эволюции вирусов / по эволюции вируса* (не может быть множественного числа для вируса COVID-19);

– *трансмиссивность / контагиозность* (в текстах новостного раздела традиционно используются устойчивые термины латинского происхождения, а термин *трансмиссивность* в русскоязычном медицинском дискурсе используется в основном для обозначения способности передачи вируса через насекомых);

– *ускользание от иммунитета / уклонение от иммунного ответа* (в профессио-

нальном дискурсе российской эпидемиологии *ускользание* не используется даже как жаргонизм);

– *эффективность вакцин в предотвращении инфекции и/или тяжелого заболевания / эффективность вакцинопрофилактики заражения и/или тяжелого течения болезни* (коллокации специальных дискурсов не отличаются вариативностью, которую они приобретают в своих медийных вариантах).

Переводчик избегает нарушения в выборе средств институциональной коммуникации (TAG-VE *собралась* 3 января 2023 г. / Третьего января 2023 г. ТКГЭВ *провела совещание*), а также выбора терминологических номинаций из других специальных дискурсов, следуя актуальной речевой норме, обусловленной рядом причин, в частности, политическими процессами (*в материковом Китае / на территории континентального Китая*).

Создание русскоязычного контента сайта международной организации сопряжено с ответственностью за качество текста в институциональной коммуникации, поэтому текст перевода выполняется переводчиком путем тщательного редактирования автоматизированного перевода или выполняется вручную.

Заключение

Изучение многоязычия Интернета в аспекте коммуникативно-прагматической обусловленности контента сайта на разных языках и технологии создания переводных версий направлено на поиск ответа на вопрос о том, почему развитие интернет-пространства определяют не регулятивные механизмы, а ориентированность ресурсов на задачи дискурсов, потребности и возможности их участников.

Результаты анализа многоязычного контента сайтов компаний, организаций и учреждений разных сфер деятельности позволяют констатировать, что создание нового гипертекста, как и использование автоматизированного перевода с помощью встроенного расширения браузера, представляют собой (насколько распространенные, настолько и кри-

тикуемые) способы коммуникации с иноязычной аудиторией, не направленные на достижение социопрагматических целей.

Перевод контента обусловлен статусом языка в системе мировых языков и позицией в рейтинге языков интернет-контента, поскольку она отражает возможности коммуникации на заданном языке. Глобализация сайта в виде перевода на английский приводит к изменениям в рубрикации и сокращению текстов. Наряду с этим важная информация подается по всем правилам семантического «развертывания», и соответствия представляют собой полные номинации. Перевод на немецкий язык может быть обусловлен факторами маркетинга, на французский – действующими в государстве и обществе высокими требованиями «языкового пуризма», а перевод на русский язык позволяет существенно расширить аудиторию потенциальных пользователей. Выявлено, что использование машинного перевода ограничено целями дискурса и социопрагматикой получателя переводной версии. Отказ от перевода с помощью встроенного расширения браузера отражает установку отправителя на эффективную коммуникацию и его стремление соответствовать «горизонту ожидания» адресата. Полученные выводы инициируют новый сопоставительный исследовательский поиск, направленный на определение особенностей перевода, обеспечивающего многоязычность в пределах ресурса, дискурса, жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волкова И. Д., Гуреева А. А., 2020. Лингвистическая локализация новостных сообщений в мультилингвальном пространстве интернет-сайтов // *Номо Лоquens: Вопросы лингвистики и транслатологии*. Вып. 13. С. 36–45.
- Егоров В. Г., 2021. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 1189–1215. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215>
- Информация для всех, программа. URL: <http://www.ifarcom.ru/ru/355/356/>
- Лингвистическая и транслатологическая логистика многоязычного туристического интернет-ресурса : коллектив. моногр., 2016 / авт. кол- лектив: В. А. Митягина (отв. ред.) [и др.]. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 234 с.
- Овчинников С. А., 2014. Многоязычный сайт. 16 проблем и 5 способов решения. URL: <https://www.intervolga.ru/blog/projects/bitrix-multylanguage-site>
- Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml
- Сарна А. Я., 2014. Анализ контента в исследованиях новых медиа // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 7, Филология. № 3 (23). С. 88–98.
- Фадеева М. Ю., 2022. Инклюзивная функция перевода в цифровом пространстве современного музея // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия: Филология, педагогика, психология. № 2. С. 38–48.
- Geissbauer R., Schrauf S., Coch V., Kuge S., 2014. Industry 4.0-Opportunities and Challenges of the Industrial Internet. URL: <https://www.pwc.nl/en/assets/documents/pwc-industrie-4-0.pdf>
- Internet for All: A Project of the World Economic Forum’s Digital Economy and Society System. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Internet_for_All_4_pager.pdf
- Mityagina V. A., Volkova I. D., Walter S., 2022. Multilinguality of Digital Platforms as a Factor of Inclusive Growth in the Global Economic Space // *New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies / eds.: E. I. Inshakova, A. O. Inshakova*. Singapore : Springer. Vol. 287. P. 267–276. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_23
- Novozhilova A. A., Korolkova S. A., Mityagina V. A., Naumova A. P., 2021. SMART Technologies in Translation: Globalization as a Factor of Progress // “Smart Technologies” for Society, State and Economy. *Lecture Notes in Networks and Systems / eds.: E. G. Popkova, B. S. Sergi*. Cham : Springer. Vol. 155. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_26
- Popova O. I., Volkova I. D., Fadeeva M. Yu., 2021. Localization and Internationalization of Texts of the Media Discourse // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. Vol. 20, № 3. P. 45-54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.4>
- Sandrini P., 2005. Website Localization and Translation. URL: https://www.researchgate.net/publication/237570958_Website_Localization_and_Translation
- Swaan de A., 2001. Words of the World: The Global Language System. Cambridge : Polity Press. P. 4.

Usage Statistics of Content Languages for Websites.
URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language
Volkova I. D., 2019. Localization of Website Verbal Content into English as a Marketing Strategy // *Modern Studies of Social Issues*. Vol. 11, № 1-1. P. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-1-26-39>

ИСТОЧНИКИ

Артефакт – Артефакт (ARTEFACT). Гид по музеям России с технологией дополненной реальности. URL: <https://ar.culture.ru/ru/about#users>
РУДН – Российский университет дружбы народов (версия сайта на английском языке). URL: <https://eng.rudn.ru/>
SB – Samsung Belgique. URL: https://www.samsung.com/be_fr/
SF – Samsung France. URL: <https://www.samsung.com/fr/>
SR – Samsung Russia. URL: <https://www.samsung.com/ru/tvs/smart-tv/highlights/>
SUK – Samsung UK. URL: <https://www.samsung.com/uk/tvs/smart-tv/highlights/>

СЛОВАРИ

LR – Le Robert. Dictionnaire de la langue française. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/>
CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
CNTRL – Centre National de Ressources Textuelles et Linguistiques. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/>

REFERENCES

Volkova I.D., Gureeva A.A., 2020. Lingvisticheskaya lokalizatsiya novostnykh soobshcheniy v multilingvalnom prostranstve internet-saytov [Linguistic Localization of News in the Multilingual Space of Websites]. *Homo Loquens: Voprosy lingvistiki i translyatologii* [Homo Loquens: Issues of Linguistics and Translatology], iss. 13, pp. 36-45.
Egorov V.G., 2021. Russkiy yazyk v globalnom lingvokulturnom prostranstve [Russian Language in the Global Linguocultural Space]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 12, no. 4, pp. 1189-

1215. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1189-1215>

Informatsiya dlya vsekh, programma [Information for All, Programme]. URL: <http://www.ifapcom.ru/ru/355/356/>
Mityagina V.A., ed. et al., 2016. *Lingvisticheskaya i translatologicheskaya logistika mnogoyazychnogo turisticheskogo internet-resursa: kollektiv. monogr.* [Linguistic and Translatological Logistics of the Multilingual Tourist Internet Resource. Collective Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 234 p.
Ovchinnikov S.A., 2014. *Mnogoyazychnyy sayt. 16 problem i 5 sposobov resheniya* [Multilingual Website. 16 Problems and 5 Solutions]. URL: <https://www.intervolga.ru/blog/projects/bitrix-multylanguage-site>
Rekomendatsiya o razvitii i ispolzovanii mnogoyazychiya i vseobshchem dostupe k kiberprostranstvu [Recommendation on the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml
Sarna A. Ya., 2014. Analiz kontenta v issledovaniyakh novykh media [Content Analysis in New Media Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy], no. 3 (23), pp. 88-98.
Fadeeva M. Yu., 2022. Inklyuzivnaya funktsiya perevoda v tsifrovom prostranstve sovremennogo muzeya [The Inclusive Function of Translation in the Digital Space of a Modern Museum]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], no. 2, pp. 38-48.
Geissbauer R., Schrauf S., Coch V., Kuge S., 2014. *Industry 4.0-Opportunities and Challenges of the Industrial Internet*. URL: <https://www.pwc.nl/en/assets/documents/pwc-industrie-4-0.pdf>
Internet for All: A Project of the World Economic Forum's Digital Economy and Society System. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Internet_for_All_4_pager.pdf
Mityagina V.A., Volkova I.D., Walter S., 2022. Multilinguality of Digital Platforms as a Factor of Inclusive Growth in the Global Economic Space. Inshakova E.I., Inshakova A.O., eds. *New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Singapore, Springer, vol. 287, pp. 267-276. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_23

- Novozhilova A.A., Korolkova S.A., Mityagina V.A., Naumova A.P., 2021. SMART Technologies in Translation: Globalization as a Factor of Progress. Popkova E.G., Sergi B.S., eds. "Smart Technologies" for Society, State and Economy. *Lecture Notes in Networks and Systems*. Cham, Springer, vol. 155. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_26
- Popova O.I., Volkova I.D., Fadeeva M.Yu., 2021. Localization and Internationalization of Texts of the Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 3, pp. 45-54. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.4>
- Sandrini P., 2005. *Website Localization and Translation*. URL: https://www.researchgate.net/publication/237570958_Website_Localization_and_Translation
- Swaan de A., 2001. *Words of the World: The Global Language System*. Cambridge, Polity Press, p. 4. *Usage Statistics of Content Languages for Websites*. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language
- Volkova I.D., 2019. Localization of Website Verbal Content into English as a Marketing Strategy. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 11, no. 1-1, pp. 26-39. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-1-26-39>

SOURCES

- Artefact (ARTEFACT)*. *Gid po muzeyam Rossii s tekhnologiyey dopolnennoy realnosti* [Artefact. Russian Museum Guide with Augmented Reality Technology]. URL: <https://ar.culture.ru/ru/about#users>
- Rossiyskiy universitet druzhby narodov (versiya sayta na angliyskom yazyke)* [Peoples' Friendship University of Russia (English Version of the Website)]. URL: <https://eng.rudn.ru/>
- Samsung Belgique*. URL: https://www.samsung.com/be_fr/
- Samsung France*. URL: <https://www.samsung.com/fr/>
- Samsung Russia*. URL: <https://www.samsung.com/ru/tvs/smart-tv/highlights/>
- Samsung UK*. URL: <https://www.samsung.com/uk/tvs/smart-tv/highlights/>

DICTIONARIES

- Le Robert. *Dictionnaire de la langue française*. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/>
- Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
- Centre National de Ressources Textuelles et Linguistiques*. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/>

Information About the Authors

- Vera A. Mityagina**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>
- Anna P. Naumova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, anaumova9@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-4915>
- Anna A. Novozhilova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, novozhilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

Информация об авторах

- Вера Александровна Митягина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mityagina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3997-3139>
- Анна Петровна Наумова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, anaumova9@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4002-4915>
- Анна Алексеевна Новожилова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, novozhilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7601-9048>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.2>

UDC 81'25
LBC 81.18

Submitted: 25.11.2022
Accepted: 06.03.2023

TRANSLATOLOGICAL ECOSYSTEM OF THE REGION: DETERMINANTS, CONSTITUENTS, FEATURES

Elina Yu. Novikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Olga I. Popova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article focuses on the phenomenon of “translatological ecosystem of the region”, which is studied with application of an integrative approach to Translation Studies. Polydiscursive hypertext translation discourse is an integral part of the regional urban discourse and the regional ecosystem on the whole; their interdependence, co-development and interpenetration determine the formation of a special regional ecosystem of translation with distinctive constitutive features. An attempt is made to analyse the factors of formation and development of the regional translatological ecosystem on the example of the Hero City of Volgograd. The hermeneutic and interpretive perspective of the study has enabled identifying and describing various means of regionally conditioned communication actualization with the involvement of translation services, determining the constituent features of the translatological ecosystem and their dominance factors in the urban discourse of the region under study and characterizing this translation ecosystem specificity. The model of the translation ecosystem is presented considering its polydiscursive nature. The system- and city-forming concepts that have an initial impact on the translational action in the region are identified. The translation discourses, which comprise the translatological ecosystem are analysed in detail, industrial, excursion, specialised, educational, social and political ones included. The research contributes to the formation of discursive regional Applied Translation Studies and enhances a novel direction in the science of translation – Eco-Translatology.

Key words: translation discourse, city-forming concept, system-forming concept, translation, translator, ecosystem, Eco-Translatology.

Citation. Novikova E. Yu., Popova O.I. Translatological Ecosystem of the Region: Determinants, Constituents, Features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 19-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.2>

УДК 81'25
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 25.11.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭКОСИСТЕМА РЕГИОНА: ДЕТЕРМИНАНТЫ, ПРИЗНАКИ, ОСОБЕННОСТИ

Элина Юрьевна Новикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ольга Ильинична Попова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье изложены результаты исследования, посвященного феномену «региональная переводческая экосистема», который рассматривается в аспекте переводоведения с применением интегративного подхода. Полидискурсивный гипертекстовый переводческий дискурс является неотъемлемой частью регионального урбанистического дискурса и региональной экосистемы в целом. Установлено, что взаимо-

зависимость, соразвитие и взаимопроникновение этих дискурсов детерминируют формирование особой региональной экосистемы перевода со свойственными ей отличительными конститутивными признаками. Объектом исследования стала переводческая региональная экосистема города-героя Волгограда. Герменевтико-интерпретативный подход к исследованию избранного объекта позволил выделить и описать способы актуализации регионально обусловленной коммуникации с привлечением переводческих услуг, конститутивные признаки переводческой экосистемы, и факторы их доминирования в урбанистическом дискурсе и особенности переводческой экосистемы анализируемого региона. Представлена модель экосистемы перевода с учетом ее полидискурсивности. Определены системо- и градообразующие концепты, которые оказывают инициальное воздействие на поливалентное переводческое действие в регионе. Охарактеризованы наполняющие переводческую экосистему переводческие дискурсы: отраслевой, экскурсионный, околоспециальный, образовательный, общественно-политический. Исследование вносит вклад в развитие дискурсивного регионального прикладного переводоведения и экопереводоведения как его направления.

Ключевые слова: переводческий дискурс, градообразующий концепт, системообразующий концепт, перевод, переводчик, экосистема, экопереводоведение.

Цитирование. Новикова Э. Ю., Попова О. И. Переводческая экосистема региона: детерминанты, признаки, особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 19–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.2>

Введение

В настоящее время термин «экосистема» используется в разных науках. Его контекстное употребление и смысловая емкость с 30-х гг. XX в. претерпевает значительные трансформации: от обозначения взаимодействия организмов в окружающей среде, межотраслевого взаимодействия бизнес-систем до взаимодействия в цифровых инновационных пространствах. По сути, любой географически локализованный конгломерат, коллаборацию или крупное полидискурсивное коммуникативное пространство можно рассматривать как экосистему города, вуза, предприятия, адвокатуры, банковской сферы и др. Экосистемы представляют собой особые узкоспециализированные образования и сосуществуют, дополняя друг друга. Так, экологическая система региона (города) состоит из множества экосистем, участвующих в ее развитии. Одной из них является переводческая экосистема. Применение экосистемного подхода к изучению переводческой деятельности позволяет определить ее особенности на различных уровнях (транснациональный, национальный, региональный, кластерный, динамический и др.) и специфику его устойчивого развития. Кроме того, подобный ракурс исследования расширяет границы интегративного переводоведения (подробно о нем см.: [Гарбовский, 2015; Леонтьева, 2015; Мишкурин, 2015; Поликарпов, 2014; 2017]).

Урбанистический дискурс, будучи сложным многофактурным явлением, становится объектом междисциплинарных исследований, в том числе транслатологических, поскольку деятельность переводчика реализуется в разных коммуникативных пространствах, в том числе и в коммуникативном пространстве населенного пункта, прежде всего, города как областного регионального центра. Региональный переводческий дискурс вплетен в урбанистическую систему взаимоотношений, детерминирован историческими факторами, географическими особенностями, геополитическим сценарием, экономическим развитием, инновационным потенциалом и др. Его роль в позиционировании города, создании его меж- и транскультурной визитной карточки предельно важна и предполагает, как справедливо отмечает В.А. Митягина, «систему последовательных коммуникативных действий в условиях многоязычного, полижанрового, дискурсивно вариативного, терминологически и топонимически нормированного, регионально обусловленного дискурса» [Митягина, 2018, с. 15].

Переводческий дискурс представляет собой полидискурсивное гипертекстовое пространство. Многоформатность и многослойность переводческого действия позволяет вслед за С.В. Власенко рассматривать его как «сложный эпистемический конструкт формирования многоформатного переводческого ландшафта» [Власенко, 2015, с. 136].

Полидискурсивная парадигма регионально обусловленного перевода образует экосистему, в которой сосуществует множество участников, жанров, форматов, кластеров и действий. Важно отметить, что в каждом регионе, в зависимости от его особенностей, образовалась особая переводческая экосистема. Например, в регионах с ярко выраженным промышленным потенциалом, доминирующим переводческим действием становится отраслевой перевод, в регионах с богатым культурным наследием переводческая программа фокусируется на экскурсионном дискурсе, в мультикультурных регионах наблюдается многоязычие, которое формирует многоязычный переводческий дискурс, в регионах инновационного развития перевод реализуется в сфере высоких технологий и т. д. Очевидно, что экосистемы перевода в крупных и малых, столичных и провинциальных, в глобально ориентированных и традиционных национально идентичных городах различаются, обнаруживая специфические черты.

Цель предпринятого исследования заключается в выявлении факторов формирования и развития переводческой региональной экосистемы на примере административного центра города-героя Волгограда, в котором региональные особенности наиболее полно представлены во множестве отраслей и различных сферах жизни. Для достижения цели необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Какие исторические процессы и события сформировали конструкт региональной переводческой экосистемы?
2. Какие типы текстов, коммуникативные жанры, языки, персоналии, институты детерминируют особенность экосистемы перевода?
3. Влияют ли градообразующие концепты на развитие региональной экосистемы перевода?
4. Какие конститутивные признаки имеет региональная переводческая экосистема?

Методология исследования

Для установления лингво- и социокультурных особенностей переводческой экосистемы в регионально обусловленном урбанистическом дискурсе мы используем два под-

хода: системный и аспектный. Системный подход позволяет учесть совокупность различных факторов анализируемой экосистемы, аспектный – раскрыть специфичность и опделить особенности региональной переводческой экосистемы.

Задачи исследования сосредоточены вокруг обозначенной цели и сфокусированы на выявление факторов, детерминант и доминирующих особенностей переводческой экосистемы. Для решения поставленных задач использовались общенаучные методы наблюдения и описания.

Одним из основных методов анализа был избран герменевтико-интерпретативный метод; элементы филологической герменевтики для выявления и описания различных способов актуализации регионально обусловленной коммуникации с привлечением переводческих услуг; элементы дискурс-анализа при описании полидискурсивного характера экосистемы.

Результаты и обсуждение

Антропоцентризм современного переводоведения обуславливает смещение ракурса общей теории перевода как идеального целостного хранилища знаний о переводе в пользу прикладного переводоведения, ориентированного на изучение живой модели перевода в конкретных месте и времени, с конкретными участниками, другими словами, дискурсивного переводоведения, где дискурс выступает отправной точкой и конструктом переводческого действия. Современный интегративный подход в переводоведении расширяет рамки научного познания, позволяет интегрировать в общую теорию перевода процессы формирования и осмысления новых концепций и течений, открывает новые векторы транслатологических исследований, ориентированные на общетеоретические тренды и на частные специальные переводоведческие инновации. Одним из новых направлений в современной науке о переводе нам представляется ориентированная дискурсивная экосистема.

Экопереводоведение представляет собой новое направление в науке, которое получило развитие в работах китайского переводоведа Ху Гэншэня и его последователей [Hu, 2003; Dollerup, 2013; Wang, 2014; Прошина, 2014; 2016].

В основе его теории находится понимание взаимосвязи человека (переводчика) и среды, в которой происходит коммуникация. Г. Ху справедливо указывает на адаптацию переводческого действия внешним обстоятельствам (заказчик, внешняя среда), то есть на селективность переводческих решений в зависимости от внешних обстоятельств. Следовательно, среда определяет выбор в пользу того или иного переводчика, который впоследствии делает выбор в пользу конкретных стратегий и тактик перевода, ориентируясь на условия среды. Теория Г. Ху отражает антропологическую сущность переводческой деятельности, когда процесс перевода рассматривается не на уровне текста, а на уровне деятельности человека (переводчика), зависящего от окружающей среды. З.Г. Прошина, давая обзор китайского экоперевода, указывает на главенствующую роль переводчика «с сохранением баланса между коллективным и индивидуальным, с соблюдением правила золотой середины (гармония инь и ян) и с акцентированием внимания на принципах адаптации и селекции в течение всего процесса переводческой деятельности» [Прошина, 2014, с. 40]. Развитие данной теории представлено в работах В.В. Кабакчи и Е.В. Белоглазовой, которые описали в аспекте экоперевода такую разновидность перевода, как «внутренний перевод» [Белоглазова, 2018; Кабакчи, 2000].

В рамках экподхода к переводческой деятельности релевантна заявленная нами концепция региональной переводческой экосистемы. Гипотеза нашего исследования заключается в том, что сформировавшаяся экосис-

тема региона детерминирует переводческую экосистему и дискурсы, в которых задействовано и востребовано переводческое действие. Рассмотрим особенности региональной переводческой экосистемы в русле дискурсивного подхода, а также определим конститутивные признаки экосистемы перевода, сопоставив их с константами биологических экосистем (устойчивость, адаптивность, динамика, зрелость, обмен энергиями и др.).

Экосистема региона представляет собой сложный конструкт, эффективность которого зависит от слаженности функционирования его составляющих, участников и процессов, а также интегрированных в нее других экосистем, в том числе переводческой экосистемы, которая в свою очередь является фактором глобально ориентированного развития региона (рис. 1).

Охарактеризуем системообразующие факторы, влияющие на формирование переводческой региональной экосистемы.

Географическая локализация в степной зоне в междуречье Волги и Дона отчасти предопределила историческое развитие, языковую среду, градообразующие концепты, промышленный потенциал региона. Близость к водным ресурсам, особенности климата и расположение на пересечении транспортных путей стали фактором развития многопрофильной промышленности и сельского хозяйства. Промышленно-экономическое развитие региона как градообразующий концепт стало мощным фактором формирования переводческой среды. В регионе зарождались и образовывали промышленную сеть множество заводов с участием международного капитала. Напри-

Рис. 1. Взаимозависимость экосистемы региона и перевода
Fig. 1. Interdependence of the regional ecosystem and translation

мер, в конце XIX в. на берегу Волги был основан французский металлургический завод «Урал-Волга», процессы организации пусконаладочных работ, использования оборудования, специальная техническая литература по выплавке различных видов появилась необходимость в переводческом (устном и письменном) сопровождении. Активное взаимодействие с иностранными партнерами в индустриальном секторе региона продолжалось в советский и постсоветский периоды. Это послужило формированию регионального отраслевого перевода, заказы на который поступают из отраслей производства и экономики на постоянной основе и реализуются определенным пулом переводчиков.

Успех производственных и бизнес-процессов достигается в плотном межкультурном сотрудничестве, связующим звеном которого выступает переводчик как агент дискурса. Представленные в регионе отрасли промышленности и сельского хозяйства активно развиваются с участием зарубежных инвестиций, поэтому заказы на переводческие услуги касаются устного и письменного перевода с различными языками. **Специальный отраслевой переводческий дискурс** (далее – СоПД) как доминирующий тип регионального переводческого дискурса развивается в регионе в следующих отраслях: металлургия, нефтедобыча, химическая промышленность, машиностроение, алюминиевая промышленность, садоводство, сельское хозяйство, медицина, водоотведение. Важно отметить устойчивый характер отраслевого перевода в регионе. Возникновение, развитие и функционирование данного вида переводческой деятельности детерминировано промышленным потенциалом региона. На протяжении многих лет в регионе проводятся недели российско-германских бизнес-встреч, отраслевые международные конференции с участием волгоградских конференц-переводчиков. Отраслевые дискурсы в экосистеме региона обусловили в региональной переводческой экосистеме консолидацию всех видов отраслевого перевода: письменный, устный (последовательный, синхронный).

Агентами отраслевого перевода выступают как штатные переводчики, так и привлекаемые фрилансеры (часто одни и те же).

Здесь наблюдается некая адаптивность отрасли к работе с конкретными переводчиками. Принимая во внимание тот факт, что иностранные специалисты, приезжающие в регион на производство, вне зависимости от цели – переговоры, шеф-монтаж, обучение, технические работы и др. выступают представителями различных лингвокультур (итальянской, японской, венгерской, корейской, индийской, шведской и др.), рабочим языком общения и, соответственно, перевода чаще всего становится английский язык как *Lingua franca* ввиду невозможности найти в регионе переводчиков с различными языковыми комбинациями. Значительно реже востребованы немецкий и французский языки. Этот факт позволяет констатировать дискурсивную зависимость языка перевода в региональной переводческой экосистеме.

Поли- и интердискурсивный характер переводческого дискурса формируется за счет гибридизации или смежности некоторых типов дискурса (дискурсивных практик). В результате таких синтезирующих процессов появляются промежуточные, смежные дискурсивные практики, например так называемый околосоциальный перевод, что говорит о комплексности переводческого действия в различных коммуникативных плоскостях.

Специальный перевод-сопровождение (далее – СПС) также представляет собой востребованную форму переводческого действия в регионе. Он занимает промежуточное положение между отраслевым дискурсом и экскурсионным: с одной стороны, речь идет о переводческом сопровождении специалистов конкретной отрасли, посещающих регион с различными бизнес-целями, с другой – об экскурсионном сопровождении этих специалистов по городу и/или производству. Перевод-сопровождение как компонент экосистемы перевода имеет динамичный характер и обладает такими свойствами: спонтанность, краткосрочность, полужурнальный регистр общения, непривязанность к конкретным переводчикам. Особое внимание в плане дискурсивной соотнесенности привлекает интердискурсивность коммуникации и переводческого коммуникативного действия. В процессе интеракции участники задействованы как узкопрофессиональные, отраслевые темы, зна-

ния и метазнания, термины и языковые формулы, так и общеупотребительные термины, понятия, всем известные сведения. Именно в данном типе дискурса наблюдается соприкосновение «своего» и «чужого», «локального» и «глобального», то есть наиболее четко проявляется коммуникативный лингвокультурный трансфер.

Историческое развитие региона также детерминировало формирование нескольких градообразующих и системообразующих концептов переводческой экосистемы. К важным историческим триггерам можно отнести такие события и обстоятельства, как существование немецкой колонии Сарепта, Сталинградская битва, побратимство городов Волгоград – Ковентри как начало побратимского движения в мире, патриотическое воспитание, общественная дипломатия и др.

Сталинградская битва представляет собой один из основных градообразующих концептов. Событие, а в последствии и концепт, не только предопределили вектор и стратегии развития региона, но и детерминировали специфику множества коммуникативных действий, в том числе и особенности переводческого действия, в частности обусловили военно-исторический профиль экскурсионного дискурса в регионе. Здесь сошлемся на наши предыдущие исследования на эту тему и подчеркнем, что переводческое действие в регионе вокруг Сталинградской битвы на протяжении почти уже 80 лет реализуется в таких дискурсах, как военный, научный, общественно-политический, музейный, экскурсионный и др. [Новикова, 2022]. Иностранцы гости и туристы, приезжающие в регион, в первую очередь знакомятся с памятниками, мемориалами, музеями, памятными местами Второй мировой войны и Сталинградской битвы. Волгоград, вне зависимости от времени, эпохи и внешних обстоятельств, остается в памяти народов городом-солдатом и поэтому все самые значимые экскурсионные объекты имеют военно-патриотический контекст и подтекст.

Экскурсионный переводческий дискурс (далее – ЭПД) определяется военно-исторической, культурной и природной самобытностью региона: необъятные степи, лесные массивы близ пресноводных водоемов, уни-

кальный природоохранный объект «Волго-Ахтубинская пойма», традиции и быт Донского казачества привлекают иностранных туристов для рыбалки, охоты, сплавов, экскурсий. Переводческие услуги оказывают как региональные экскурсионные бюро, так и привлекаемые фрилансеры гиды-переводчики. Палитра рабочих языков перевода достаточно широкая: английский, немецкий, французский, китайский, итальянский. Следует отметить, что в экскурсионном дискурсе переводческое действие осуществляется в разных формах: устной, письменной и виртуальной. Подтверждением тому являются двуязычные путеводители и многоязычные интернет-порталы.

Следующий регионально обусловленный и достаточно частотный в переводческой экосистеме региона дискурс – **общественно-политический** (далее – ОПД), который реализуется в коммуникации на уровне муниципалитетов и гражданского общества в рамках общественно-политического партнерства, межгородского партнерства и/или побратимства. Общественная дипломатия стала градообразующим концептом послевоенного периода жизни города. Заключенные договоры и соглашения о побратимстве и муниципальном партнерстве способствуют увеличению международных контактов, встреч, мероприятий с привлечением переводчиков. Так, благодаря переводческому действию активно развиваются межмуниципальные и гражданские связи с Германией, Францией, Великобританией, Японией, Китаем, Турцией, Индией, Чехией. К ярким мероприятиям, проведение которых стало возможным благодаря работе переводчиков, можно отнести недели немецкого и французского языков; дни французского кино; германо-российскую рождественскую ярмарку; выставку индийских товаров; совместные молебны в памятные даты Сталинградской битвы; международный детский военно-патриотический лагерь; совместные исторические раскопки по следам боев во время Сталинградской битвы; съемки документальных фильмов международными телерадиокомпаниями; германо-российская конференция городов-партнеров; международный форум общественной дипломатии «Диалог на Волге: мир и взаимопонимание в XXI веке»; круглые столы фонда им. Розы Люксембург;

форум «городов-памяти» (Дюнкерк – Росток – Волгоград) в 2017 г.; встреча городов-побратимов (Дижон – Волгоград) в 2016 г.; международные образовательные семинары, организованные совместно с Посольством Франции в России и др. Во время многочисленных международных форумов, встреч, круглых столов осуществлялся синхронный и последовательный перевод в языковых парах русский-английский, русский-немецкий, русский-французский, русский-китайский. Если рассматривать переводческую экосистему в понятийном и терминологическом контексте биологической экосистемы, то основными маркерами ОППД, по нашему наблюдению, можно выделить устойчивость, гармоничность и «обмен энергиями». Устойчивость регионально обусловленного общественно-политического перевода заключается в его многолетней востребованности в регионе, константе зарубежных связей и партнеров, константности языковой вариативности и языка перевода. Гармоничность ОППД кристаллизуется в его дискурсопорождающей силе, поскольку именно перевод как лингвокультурный трансфер моделирует общественно-политический дискурс региона, способствует его устойчивости. Перевод выступает культууроформирующим фактором, который не только обеспечивает диалог культур, но и создает его. При этом нельзя отрицать постулат о том, что «гармоничность», «гармония» является значимым системоопределяющим критерием любого переводческого действия. В работах Л.В. Кушниковой гармонизации смыслов в синергетическом переводческом пространстве придается большое значение, исследователь подчеркивает, что «гармоничный текст перевода характеризуется согласованностью смыслов оригинала и перевода» [Кушникова, 2021, с. 33]. Многоязычие и жанровое разнообразие общественно-политической коммуникации регионально ОППД кристаллизует такой признак экосистемы, как «обмен энергиями». Конфигурация переводческого действия и текстов – «генераторов информации» (по Ю.М. Лотману) – порождает резонанс информационной энергии дружеского устойчивого взаимодействия представителей разных культур и языков.

Важным градообразующим концептом выступает университет как акселератор раз-

вития региональной экосистемы благодаря высокой концентрации человеческого и технологического потенциалов. **Образовательный переводческий дискурс** (далее – ОПД), сформированный в городской мультивалентной университетской среде, также наполняет переводческую экосистему региона. Многочисленные вузы региона в рамках академической мобильности привлекают иностранных студентов и преподавателей. Переводческие услуги востребованы при переводе лекций, семинаров, творческих встреч, тренингов. Межвузовские коллаборации имеют как долгосрочный, так и спонтанный эпизодический характер. Например, в Волгоградской академии МВД на протяжении многих лет проводятся обучающие тренинги с привлечением переводчиков с французским языком для слушателей из стран Африки. В волгоградских университетах обучение проходят слушатели из различных стран, в рамках расширенных партнерских связей читают лекции иностранные преподаватели, уполномоченные и чрезвычайные послы; проходят обучение и стажировки студенты, поэтому переводчики выступают активными участниками межкультурной академической коммуникации. Рабочими языками являются английский, реже немецкий, французский, китайский.

Кроме того, именно в университетах получают профессию переводчика, формируются переводческие школы, вносящие существенный вклад в регионально обусловленную теорию и практику перевода. В региональных переводческих школах активно развивается научный переводческий дискурс. Участником (агентом) образовательного переводческого дискурса в переводческой экосистеме региона выступает Волгоградская школа перевода, сформировавшаяся и развивающаяся с 1995 г. на кафедре теории и практики перевода ВолГУ по модели европейских переводческих школ. Широкая сеть зарубежных вузов-партнеров, зарубежные стажировки, многолетний переводческий и дидактический опыт преподавателей кафедры позволили сформировать дискурсивный социокоммуникативный подход в описании переводческого действия. Тот факт, что преподаватели перевода одновременно являются практикующими переводчиками, придает переводческой экосистеме

управляемый и интегративный характер. Примером междискурсивной интеграции являются переводческие проекты межвузовского партнерства в области германистики по созданию двуязычного путеводителя «Прогулки по Волгограду» [Новикова, Митягина, Вальтер, 2019].

Таким образом, конститутивными признаками ОПД выступают: многоязычие, преемственность, дискурсивная гибридизация жанров (теория перевода; дидактика перевода; практика перевода), устойчивость, градуальность.

Представим описанную экосистему перевода региона в виде схемы (рис. 2).

Анализ доминирующих регионально обусловленных переводческих дискурсов позволил выделить следующие конститутивные признаки исследуемой переводческой региональной экосистемы:

1. Соразвитие и взаимозависимость экосистемы региона и региональной переводческой экосистемы.
2. Устойчивость и динамичность развития.
3. Комплементарность переводческого действия.
4. Полидискурсивность.
5. Доминирование отраслевого дискурса.
6. Дискурсивная обусловленность языка перевода.
7. Глокальность.

8. Универсальность английского языка (Lingua franca) как доминирующего языка перевода в регионе.

9. Дискурсивная обусловленность участия типа переводчика (штатный, фриланс, бюро переводов) в процессе межкультурного общения.

10. Многоязычие с доминированием европейских языков.

11. Консолидация всех видов специального перевода: письменный и устный (последовательный, синхронный).

12. Гетерогенность жанров и каналов коммуникации (письменные, устные, виртуальные).

13. Полидискурсивность / гибридизация дискурсивных практик переводческой экосистемы.

14. Преемственность.

15. Градуальность.

16. Адаптивность.

17. Обмен энергиями.

Выводы

Осмысление феномена региональной переводческой экосистемы в рамках проведенного исследования позволяют нам дать ответ на поставленные вопросы и тем самым сформулировать полученные выводы.

1. Переводческая экосистема имеет явно выраженный регионально обусловленный ха-

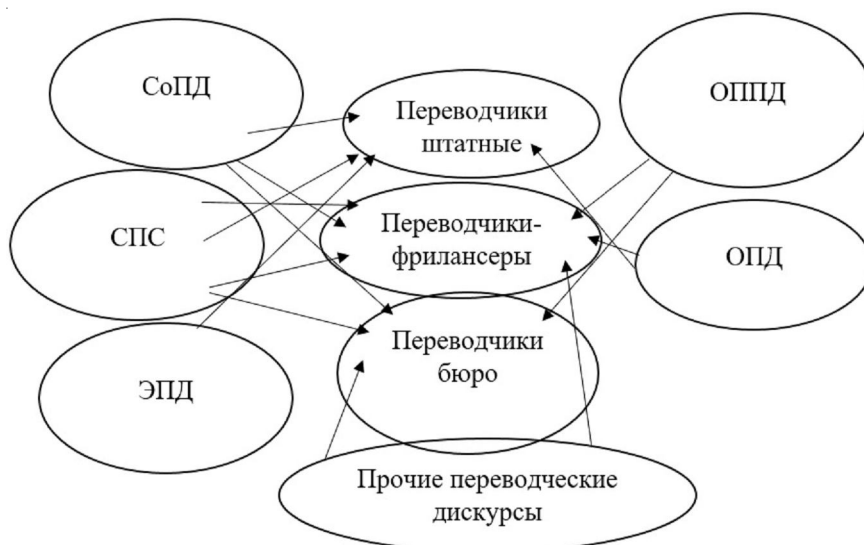

Рис. 2. Региональная переводческая экосистема

Fig. 2. The regional translation ecosystem

ракти, поскольку формируется, реализуется и развивается в сложной парадигме урбанистического регионального и/или городского метадискурса, оказывая на него со своей стороны синхронизирующее лингвокультурное влияние. Идентичность региона, его географическая локализация, историческая принадлежность, фактурность и событийность, действующие институты формируют различные типы дискурсов, в которых происходит активное переводческое действие. Совокупность дискурсивно зависимого переводческого действия в регионе генерирует определенную переводческую экосистему, обладающую конститутивными регионально детерминированными признаками.

2. Конструкт анализируемой региональной переводческой экосистемы сформировали градообразующие концепты *Промышленно-экономическое развитие, Сталинградская битва, Общественная дипломатия, Университет* как акселератор развития региональной экосистемы, эксплицитированные в отраслевом, экскурсионном, образовательном, общественно-политическом переводческих дискурсах и околоспециальном дискурсе переводческого сопровождения.

3. Внутри переводческой экосистемы наблюдается междискурсивное взаимодействие, тенденция к гибридизации и перекрестному переводческому действию. Региональные возможности детерминируют два взаимоисключающих фактора – профилизацию и универсальность переводческого действия, а также способствуют формированию ограниченного пула фриланс-переводчиков, выполняющих региональные переводческие заказы. Наиболее востребованным языком перевода выступает английский как язык международного общения, реже востребованы немецкий, французский, китайский языки.

Проведенное исследование показывает новый ракурс интегративного экопереводоведения и открывает горизонты регионального переводоведения как прикладной науки о переводе. Перспективы исследования связаны с рассмотрением периферийных дискурсов региональной экосистемы в фокусе переводческой экосистемы, выявлением регионально детерминированных особенностей переводческих заказов и спроса на переводческие

услуги, анализ образа регионального переводчика и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоглазова Е. В., 2018. Внутренний перевод: полный *carte blanche*? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XV, № 1. С. 55–59.
- Власенко С. В., 2015. Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 2. С. 124–144.
- Гарбовский Н. К., 2015. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 1. С. 3–19.
- Кабачки В. В., 2000. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // *Studia Linguistica* 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб. : Тригон. С. 65–75.
- Кушнина Л. В., 2021. Функциональная вариативность перевода как фактор успешного межкультурного взаимодействия субъектов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. Т. 7, № 4(28). С. 26–41. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-26-41
- Леонтьева К. И., 2015. Теория перевода с «человеческим лицом»: старые песни на новый лад // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 4. С. 260–273.
- Митягина В. А., 2018. Туристический брендинг как социо коммуникативный процесс // Коммуникативные, номинативные и транслатологические аспекты территориального брендинга. : коллектив. моногр. / отв. ред. В. А. Митягина. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 7–17.
- Мишуров Э. Н., 2015. Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (Ч. 1) // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 2. С. 17–37.
- Новикова Э. Ю., 2022. Устный русско-немецкий перевод в координатах региональной переводческой парадигмы // *Homo Loquens*: Вопросы лингвистики и транслятологии. Вып. 15. С. 26–37.
- Новикова Э. Ю., Митягина В. А., Вальтер Ш., 2019. Межвузовское международное сотрудничество: проектная деятельность в подготовке переводчиков // Высшее образование в Рос-

- сии. Т. 28, № 6. С. 75–85. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-75-85
- Поликарпов А. М., 2014. Интегративное переводоведение и философская герменевтика // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 12. С. 280–295.
- Поликарпов А. М., 2017. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. Т. 16, № 3. С. 6–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1
- Прошина З. Г., 2014. Переводческий анализ в свете экопереводоведения // Перевод и переводчики : науч. альм. Вып. 10. Художественный перевод: наука и искусство : к 70-летию док. филол. наук, проф. Р. Р. Чайковского. Магадан : Кордис. С. 39–45.
- Прошина З. Г., 2016. Экопереводоведение как модель переводческой деятельности // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 4. С. 100–109. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.408
- Dollerup C., 2013. An Introduction to Eco-Translatology: A Chinese Approach to Translation. URL: https://cms13659.hstatic.dk/upload_dir/docs/Publications/233-An-Introduction-to-the-Chinese-school-Eco-Translatology.pdf
- Hu G., 2003. Translation as Adaptation and Selection // Perspectives: Studies in Translatology. Vol. 11, iss. 4. P. 283–291.
- Wang F., 2014. An Eco-Translatology Approach to the English Translation of Chinese Internet Catchwords // Open Journal of Social Sciences. Vol. 2, № 10. P. 52–61.
- Scientific Knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 1, pp. 3-193.
- Kabakchi V.V., 2000. Neissledovannyi vid perevodcheskoy deyatel'nosti: «Vnutrenniy perevod» [An Unexplored Type of Translation Activity: “Internal Translation”]. *Studia Linguistica 9. Kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennyye funktsii yazyka* [Studia Linguistica 9. Cognitive, Pragmatic and Artistic Functions of Language]. Saint Petersburg, Trigon Publ., pp. 65-75.
- Kushnina L.V., 2021. Funktsionalnaya variativnost perevoda kak faktor uspešnogo mezhkulturnogo vzaimodeystviya subyektov [Functional Variation of Translation as a Factor in Successful Intercultural Interaction]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], vol. 7, no. 4 (28), pp. 26-41. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-26-41
- Leonteva K.I., 2015. Teoriya perevoda s «chelovecheskim litsom»: starye pesni na novyy lad [Theory of Translation with a “Human Face”: Old Wine in New Bottles]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Vestnik of the TvSU. Philology Series], vol. 4, pp. 260-273.
- Mityagina V.A., 2018. Turisticheskiy brending kak sotsiokommunikativnyy protsess [Tourist Branding as a Socio-Cultural Process]. *Kommunikativnye, nominativnye i translatologicheskie aspekty territorialnogo brendinga: kolektiv. monogr.* [Communicative, Nominative and Translatological Aspects of Territorial Branding. Collective Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 7-17.
- Mishkurov E.N., 2015. Germenevtiko-perevodcheskiy metodologicheskiy standart v zerkale transdistsiplinarnosti (Ch. 1) [Interdisciplinary Reflection of the Hermeneutic and Translational Methodological Standard (Part 1)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 2, pp. 17-37.
- Novikova E.Yu., 2022. Ustnyy russko-nemetskiy perevod v koordinatakh regionalnoy perevodcheskoy paradigmy [Russian-German Interpreting in the Context of a Regional Translation Paradigm]. *Homo Loquens Voprosy lingvistiki i translyatologii*, iss. 15, pp. 26-37.
- Novikova E.Yu., Mityagina V.A., Valter Sh., 2019. Mezhvuzovskoe mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: proektnaya deyatel'nost v podgotovke perevodchikov [University

REFERENCES

- Beloglazova E.V., 2018. Vnutrenniy perevod: polnyy carte blanche? [Internal Translation: Unrestrained carte blanche?]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], vol. 15, no. 1, pp. 55-59.
- Vlasenko S.V., 2015. Perevodcheskiy diskurs: dilemmy opredeleniya i unifikatsii ponyatiya [Translation Discourse: Dilemmas of Defining and Unifying the Concept]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 2, pp. 124-144.
- Garbovskiy N.K., 2015. Sistemologicheskaya model nauki o perevode. Transdistsiplinarnost i sistema nauchnykh znaniy [System Model of Translation Studies. Trans-Disciplinarity and the System of

- International Cooperation: Project Based Translation Training]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], vol. 28, no. 6, pp. 75-85. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-75-85
- Polikarpov A.M., 2014. Integrativnoe perevodovedenie i filosofskaya germeneytika [Integrative Translation Studies and Philosophical Hermeneutics]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and Types of the Text in the Discourse of Science and Media], vol. 12, pp. 280-295.
- Polikarpov A.M., 2017. Integrativnoe perevodovedenie: predposylki vozniknoveniya i osnovnye idei [Integrative Translation Studies: Origin and Main Ideas]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 6-17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1
- Proshina Z.G., 2014. Perevodcheskiy analiz v svete ekoperevodovedeniya [Translation Analysis in the Light of Ecotrans Catology]. *Perevod i perevodchiki: nauch. alm. Vyp. 10. Khudozhestvenny perevod: nauka i iskusstvo: k 70-letiyu dok. filol. nauk, prof. R.R. Chaykovskogo* [Translation and Translators: Scientific Almanac. Iss. 10. Literary Translation, Science and Art. To the 75th Anniversary of Dr. Sci. (Philology) R.R. Tchaikovsky]. Magadan, Kordis Publ., pp. 39-45.
- Proshina Z.G., 2016. Ekoperevodovedenie kak model perevodcheskoy deyatel'nosti [Ecotranslatology as a Model of Translation]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of St Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], iss. 4, pp. 100-109. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.408
- Dollerup C., 2013. *An Introduction to Eco-Translatology: A Chinese Approach to Translation*. URL: https://cms13659.hstatic.dk/upload_dir/docs/Publications/233-An-Introduction-to-the-Chinese-school-Eco-Translatology.pdf
- Hu G., 2003. Translation as Adaptation and Selection. *Perspectives: Studies in Translatology*, vol. 11, iss. 4, pp. 283-291.
- Wang F., 2014. An Eco-Translatology Approach to the English Translation of Chinese Internet Catchwords. *Open Journal of Social Sciences*, vol. 2, no. 10, pp. 52-61.

Information About the Authors

Elina Yu. Novikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Olga I. Popova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, olgapopova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9787-0317>

Информация об авторах

Элина Юрьевна Новикова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nov-elina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4442-9071>

Ольга Ильинична Попова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, olgapopova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9787-0317>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.3>

UDC 81'25:005.344
LBC 81.18

Submitted: 11.01.2023
Accepted: 03.04.2023

MATRIX MODEL OF COOPERATIVE TRANSLATION¹

Irina N. Remkhe

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liliya A. Nefedova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article deals with modelling the translation process performed in the frameworks of a translation project in a team that consists of translators and experts from related fields. This type of collaborative activity is denoted by the term “cooperative translation” studied from the perspective of the integrative approach and synergetics. The cooperative translation of a photo album, which describes museum exhibits was chosen as the material for the study. The analysis of the operational processes of the project is presented by means of a matrix model in two variants: an organizational matrix and a responsibility matrix. Both models imply the intersection of horizontal and vertical alignment of management and communication levels with a description of the roles of participants, their position in the project matrix structure, characteristics of functional responsibilities and the degree of involvement in the project. The authors proposed a hypothesis about the effectiveness of the matrix format for visualizing operational processes in cooperative translation activities and adapting the communication flows between the participants, which is validated by empirical data. The findings confirm the practicality of the modelling and mapping methodology to describing cooperative activities within a translation project. The article indicates further directions that work should take including a deeper analysis of cooperative translation from a cognitive perspective with reference to embodied cognition of a related research area.

Key words: translation, matrix, cooperation, model, integration, modelling.

Citation. Remkhe I.N., Nefedova L.A. Matrix Model of Cooperative Translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 30-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.3>

УДК 81'25:005.344
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 11.01.2023
Дата принятия статьи: 03.04.2023

МАТРИЧНАЯ МОДЕЛЬ КООПЕРАТИВНОГО ПЕРЕВОДА¹

Ирина Николаевна Ремхе

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Лилия Амирянна Нефедова

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. Статья посвящена моделированию переводческого процесса в рамках выполнения переводческого проекта в составе рабочей группы, члены которой являются переводчиками и экспертами из смежных областей. В соответствии с интегративным подходом и законами синергетики данный вид совместной деятельности обозначается термином «кооперативный перевод». В качестве материала для исследования был выбран кооперативный перевод фотоальбома с описанием музейных экспонатов. Анализ оперативных процессов в рамках проекта представлен с помощью матричной модели в двух вариантах: организационной матрицы и матрицы ответственности. Обе модели построены на основе пересечения горизонтального и вертикального уровней управления и коммуникации. Охарактеризованы роли участников и их место в матричной структуре проекта, функциональные обязанности при решении основных задач проекта. Показаны возмож-

ности матричного формата для визуализации оперативных процессов в кооперативной переводческой деятельности и коммуникативных потоков между участниками в случае необходимости поиска решения текущих проблем. Полученные результаты демонстрируют возможность применения методики моделирования и картирования для описания и анализа совместной проектной деятельности. Намечены перспективы более глубокого изучения кооперативного перевода с когнитивных позиций как пространства для интеграции вполненного познания.

Ключевые слова: перевод, матрица, кооперация, модель, интеграция, моделирование.

Цитирование. Ремхе И. Н., Нефедова Л. А. Матричная модель кооперативного перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 30–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.3>

Введение

На современном этапе развития переводческой отрасли все большую актуальность приобретает реализация совместных переводческих проектов. Переосмысление структуры и организации кооперативной проектной деятельности переводчиков происходит под влиянием цифровизации общества и индустриализации переводческой сферы. При этом выполнение переводческого проекта чаще всего рассматривается в плоскости дидактики перевода как метод формирования будущих профессиональных компетенций, включая компетенцию проектного менеджмента. Научный ракурс рассмотрения кооперативной переводческой деятельности в профессиональной переводческой отрасли затрагивается в меньшей степени. Вместе с тем модификация подхода к описанию совместных переводческих проектов, сочетающих межкультурный, дидактический и профессиональный характер, предопределяет необходимость поиска универсального интегративного формата моделирования проектной деятельности, репрезентирующего системное взаимодействие в процессе исполнения переводческих задач.

Цель данного исследования – определение возможности описания основных свойств и характеристик совместных переводческих проектов, отражающих современное представление об этой деятельности, а также выявление возможности формирования навыков кооперативной деятельности у переводчиков в процессе проектной деятельности, специфика которой выражается в составе агентов проекта, качестве предоставленного материала и инструментах для выстраивания коммуникации между участниками.

Материалы и методы исследования

Понятие матрицы в основе интеграционной модели перевода. Развитие интегративной парадигмы в переводоведении предопределяет новые возможности описания ряда переводческих аспектов, в том числе моделирования переводческого процесса в формате переводческого взаимодействия.

Как было отмечено в одной из наших предыдущих работ, «стремление представить процесс как единое целое при учете взаимосвязи составляющих его частей дает толчок к переходу от прескриптивных переводческих моделей к дескриптивным и, наконец, к синтезу и комплексности различных механизмов, участвующих в переводе» [Нефедова, Ремхе, 2019, с. 166]. В переводоведческих исследованиях подчеркивается необходимость учета специфики целостного восприятия текста и выработки когнитивных стратегий, а описание процессов гармонизации смысла и систематизации знаний создает предпосылки к пересмотру концептуальных оснований переводческих моделей. Постепенно в научный обиход входит понятие интеграции и переводческие аспекты рассматриваются с позиции объединения и целостности.

Одним из первых интегрированных подходов к переводческой деятельности предложил А. Нойберт, выделяя в своем исследовании «интегрированный концепт», который реализуется в трех предьявлениях: источник, итоговый текст и «ментальная модель текста», обозначенная автором как «виртуальный перевод» [Neubert, Shreve, 1992, p. 64]. Ментальная модель текста обуславливает ментальную репрезентацию текста, которая активируется оригиналом и «ситуацией». Отметим, что в данном случае, помимо когнитивной состав-

ляющей перевода, подчеркивается внутренняя взаимосвязь и взаимозависимость элементов модели на интралингвистическом (включая текстовый) и экстралингвистическом уровнях.

Большое количество исследований в области моделирования перевода было выполнено на основе интеграции подходов и методов, свойственных разным наукам. Тем самым создана значимая теоретическая база для синтеза междисциплинарного, когнитивного и антропоцентрического подходов с целью раскрытия многоаспектности переводческих процессов [Белозерцев, 2013; Волкова, 2021; Минченков, 2007; Поликарпов, 2017; Сдобников, Калинин, Петрова, 2020], в том числе в условиях глобализации, создающей предпосылки для цифровизации переводческой деятельности [Remkhe, Nefedova, Gillespie, 2017] и «глобанализации», создающей почву для гибридизации переводческого пространства [Нефедова, Краснопева, 2020].

Новый виток развития интегративного подхода в российском переводеведении был связан с созданием научно-образовательного центра «Интегративное переводеведение приарктического пространства» при Северном (Арктическом) федеральном университете им. М.В. Ломоносова с целью проведения научных исследований по разработке интегративной модели перевода и создания основ интегративного переводеведения под руководством А.М. Поликарпова. Особо перспективными видятся комплексное моделирование переводческого процесса на основе существующих моделей, синтез отдельных элементов для создания холистической теории единого многомерного переводческого пространства, применение системообразующего подхода в моделировании, обеспечивающего выявление факторов, влияющих на сохранность системы и поддержание динамики ее развития в рамках структурного взаимодействия отдельных частей. В исследованиях, выполненных в Центре, подчеркивается важность раскрытия специфики активизации ментальных и вербальных единиц во время реализации переводческих макро- и микростратегий, учета антропологизма процесса перевода, а также необходимость интегративного формирования переводческих

компетенций для обеспечения качества перевода в профессиональном смысле (подробно см.: [Поликарпов, 2017, с. 12]).

В современных переводческих исследованиях анализируется интеграция переводческих компетенций, сопряженная с использованием информационных технологий и автоматизированных систем. Отмечается тенденция к расширению основного списка субкомпетенций, предложенного группой РАСТЕ, который включает в себя билингвальную, экстралингвистическую, переводоведческую, инструментальную и стратегическую субкомпетенции [Albig, 2017, p. 38–39]. Данный список дополняется коммуникативными [Иванов, Сдобников, 2020] и управленческими [Маленова, 2020] субкомпетенциями. Попытка объединения переводческих компетенций в текущих условиях выполнения перевода реализуется в формате интегративной модели перевода на основе веб-платформы для переводчиков TranSource, аккумулирующей актуальные технологические возможности и ресурсную базу переводчика, обеспечивающие целостность и эффективность переводческого процесса в формате предложенной нами интегративной модели перевода [Нефедова, Ремхе, 2018].

В современных интеграционных моделях переводческого процесса необходимо учитывать еще одну важную функцию взаимодействия. Иными словами, если ранее в исследованиях переводческого процесса речь чаще всего шла о порядке выполнения действий и их систематизации, то на сегодняшний момент в науке предпочтительным является понятие интеграционной системы как некоего целостного образования, имеющего структуру, внутри которой происходит интеракция.

Системный подход позволяет выделить основные характеристики моделирующей системы переводческого процесса: 1) динамичность; 2) открытость и сетевая взаимозависимость; 3) самоорганизация переводческой системы; 4) нелинейность переводческого процесса; 5) синтез когниции и индустрии. Как нам представляется, указанные характеристики могут быть акцентуализированы в понятии «матрица». Однако, прежде чем сузить феномен матрицы до трактовки системы или модели, хотелось бы обозначить более широ-

кие когнитивный и методологический смыслы, которые заложены в данном понятии.

Матрица в науке первоначально определялась как комплекс упорядоченных элементов, что отражено в понятии «дисциплинарная матрица» Томаса Куна [Кун, 1969, с. 237]. Ее содержание выстраивалось в качестве методологической категории в рамках понятийной логики социологии, философии, и прочих наук.

Понятие матрицы является ключевым в уникальном методе когнитивно-матричного анализа, впервые предложенном Н.Н. Болдыревым с целью изучения многоаспектного знания [Болдырев, 2007]. Термин «когнитивная матрица» используется «для обозначения особого единого формата знания – знания многоаспектного, как системы взаимосвязанных когнитивных контекстов» [Болдырев, 2014, с. 59]. Таким образом, когнитивно-матричный анализ позволяет описывать систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или концептуальных областей. Во избежание разночтений Н.Н. Болдырев проводит значимое для науки различие между понятиями «фрейм» и «когнитивная матрица», наделяя последнее такими отличительными чертами, как отсутствие иерархической структуры, системность, интегративность (объединение разных тематических областей), а также вариативность знания от обыденного до экспертного [Болдырев, 2014, с. 60–61].

Ярким примером матрицы в дидактическом смысле считается известная методика преподавания синхронного перевода Андрея Фалалеева. Существенные особенности данной методики подробно описаны в статье И.С. Алексеевой. Представим некоторые наблюдения автора, отражающие суть матричного формата работы с языковым материалом:

1. «Матрица – открытый список равноположенных переводческих возможностей» [Алексеева, 2021, с. 66].

2. «Языковой материал и осваиваемые приемы принципиально не организованы тематически, они – разной сложности <...> обучение плавно продвигается по пути развития все более масштабного стратегического мышления» [Алексеева, 2021, с. 67].

3. Разнородность материала и задач – лишь мнимая; материал и задачи организова-

ны по принципу так называемой «рассеянной матрицы», на фоне которой происходят «сгущения» похожих приемов, образующие отдельные участки «плотной матрицы». Именно они приводят к аналитическим выводам и образуют прочный профессиональный фундамент [Алексеева, 2021, с. 67].

Преимущества матричного подхода для успешного обучения очевидны. Общая профессиональная стратегия складывается из внесистемной зависимости упражнений и рекомендаций. Из представленного И.С. Алексеевой описания мы можем вывести такие основополагающие параметры матрицы, как открытость, эвристичность, нелинейность, интегративность и гетерогенность.

Параметры гетерогенности и интегративности выражаются в системе глобальных корпусных данных, где понятие матричного формата отражает сущностные характеристики системы и составляет основу ее наименования. Речь идет о направлениях совершенствования машинного перевода на основе параллельных переводов EuroMatrix, EuroMatrixPlus и SSMatrix. В наших предыдущих публикациях они подробно описаны с акцентом на гетерогенном характере сбора данных из разноформатных источников и интегративной взаимосвязи разнородных элементов [Ремхе, Козько, Нефедова, 2018; Ремхе, Нефедова, 2022].

Матричная структура успешно используется в зарубежной и российской практике управления организациями. Она основана на принципе двойного подчинения исполнителей и выстраивания горизонтальных и вертикальных линий внутреннего взаимодействия. Термин «матрица ответственности» (responsibility matrix), используемый для описания связи между процессами и участниками этих процессов, и термин «матрица вероятностей и последствий» (probability and impact matrix), применяемый для определения или ранжирования уровней риска, уже прочно вошли в терминологическую базу организации управления проектами в сфере бизнеса [Larson, Clifford, 2010], политики [Кирдина, 2000] и экономики [Котелкин, Мусин, 2003].

В переводческой деятельности с помощью матрицы возможно описание сущности оперативной и организационной деятельнос-

ти по выполнению командных переводческих проектов как на профессиональном уровне, так и на стадии обучения. Структура матрицы, предполагающая пересечение горизонтального и вертикального выстраивания уровней управления, может рассматриваться с целью отображения пересекающихся полей и внутренних взаимодействий между участниками проекта. Взаимоотношения выстраиваются на основе определенной иерархии подчинения при сохранении горизонтальной командной цепочки функционально-эвристического характера, поскольку участники создают собственную сеть взаимоотношений, добиваются совместных решений и получают возможность специализации и углубленного обучения.

Таким образом, функциональные характеристики матрицы позволяют использовать ее как инструмент для описания организационной структуры проектной кооперативной деятельности, которая сейчас становится востребованной, обеспечивая решение дидактических и профессиональных задач.

Переводческая кооперация как синергетическая система. В психологии кооперация трактуется как одна из основных форм организации межличностного взаимодействия, характеризующаяся объединением усилий участников для достижения совместной цели при одновременном разделении между ними функций, ролей и обязанностей. В данном определении подчеркивается важность объединения усилий не только нескольких субъектов, но и различных функций, что приводит к значимым синергетическим результатам. Такое понимание кооперации созвучно определению Л.В. Кушниной о переводе как синергетической системе [Кушникова, 2011].

В рамках современной лингводидактики переводческая деятельность интерпретируется как открытая система, характеризующаяся коммуникативными свойствами и кооперацией (см. об этом: [Алексеева, Мишланова, 2019, с. 85]). В этом случае кооперация представляет собой принцип деятельности, основанный, прежде всего, на развитой сети коммуникации и матрицы взаимодействия. Как справедливо отмечено Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, «кооперация» в качестве основного принципа постмодернистской пара-

дигмы знания означает взаимозависимую работу множества переводчиков в противовес традиционному пониманию того, что переводчики создают конкуренцию друг другу [Алексеева, Мишланова, 2019, с. 77].

В зарубежных исследованиях термин «кооперация» используется в «социологии переводческого процесса» (sociology of translation process) [Chesterman, 2009], «теории переводческого действия» Хольца Мантиари (см. о ней: [Nord, 2018, p. 13]). Переводческое действие (translation act) описывается Э. Честерманом во взаимодействии с переводческой ситуацией (translation event) как когнитивное действие в контексте социально обусловленного переводческого пространства [Chesterman, 2007, с. 173]. На основе объединения усилий (shared effort) и воспроизведения функций и значения текста переводчик принимает решение как эксперт в области межязыковой коммуникации.

Значимость межкультурной составляющей переводческих проектов подчеркивается в работах Энтони Пима, который отмечает ценность переводческих усилий в установлении межкультурных отношений и развитии межкультурного общения, что отражает в большей степени результат переводческого взаимодействия, а не его суть [Pym, 2000].

В работах Ханс Фермеера – одного из родоначальников скопос-теории – кооперативные действия переводчика трактуются как переводческая «коллорабация» в процессе акта межкультурной коммуникации для выполнения определенной цели (скопоса) перевода (цит. по: [Nord, 2018, p. 109]). Исходя из трактовки термина «коллорабация» в работах Ханса Фермеера отметим, что основное различие понятий «коллорабация» и «кооперация» в их современной интерпретации, с нашей точки зрения, можно свести к тому, что коллорабация характеризует использование информационных технологий, включая автоматизированные системы перевода и переводческой памяти, кооперация – различные формы переводческой интеракции. Коллорабтивный перевод зачастую ассоциируют с краудсорсингом и сетевым взаимодействием [Алексеева, Мишланова, 2018; Бублик, 2018; Pym, 2011], в связи с чем Антони Пим, например, называет его «волонтерским», предполагающим

частичную вовлеченность переводчика в процесс перевода [Pym, 2011, p. 77].

Ханна Рискю определяет кооперацию как переводческие действия при учете ситуативного контекста, коммуникации между участниками и когнитивной составляющей переводческого процесса. Автор подчеркивает необходимость профессионального взаимодействия переводчиков между собой и с экспертами из других областей, которые участвуют в переводческом процессе [Risku, 2010, p. 106].

В нашем исследовании кооперация рассматривается в рамках системно-функционального подхода как со-организация на основе механизмов интеграции, которая приводит к достижению синергетического эффекта. В данном случае интеграция проявляется в синтезе процессов и их качественном исполнении, а синергия – в эмерджентности, системном характере совокупности свойств и качеств и их взаимодействия, при котором совместное действие нескольких факторов превосходит сумму каждого из них, создавая эффект целостности. Чем выше степень интегрированности процессов, тем эффективнее реализация механизмов синергии, что влияет на результат совместной работы. При этом результат оценивается извне, выходя за пределы системы, при взаимодействии переводчика с редактором или реципиентом перевода. Таким образом, кооперация как система отличается открытостью и динамичностью, внешним и внутренним контролем оперативных процессов.

Основу нашего исследования составляет обобщение результатов кооперативного проекта – перевод подарочного альбома знаменитого турецкого фотографа Ахмета Эртуга с английского языка на русский (Эрмитаж). В осуществлении проекта принимали участие авторы этой публикации. Альбом под названием «Эрмитаж “Дворец и музей”» посвящен 250-летию основания Государственного Эрмитажа. Перевод выполнен рабочей группой, включающей 5 экспертов в области искусствоведения и лингвистики из Великобритании, Турции и России. В качестве переводчиков выступили профессор Дэвид Чарльз Гиллеспы, университет города Бат (Великобритания), и Ирина Николаевна Ремхе, Челябинский государственный университет (Россия). Процесс

создания переводной версии данного альбома был выбран для представления матрицы, поскольку представляет собой пример реализации возможности моделирования организационной структуры интегрированного переводческого проекта и скоординированных действий специалистов, выполнявших перевод в условиях распределения ответственности между участниками проекта.

В данном исследовании мы сосредоточили свое внимание на рассмотрении ситуации кооперативного взаимодействия субъектов переводческого проекта в процессе реализации конкретного переводческого задания. Исследовательский ракурс направлен на выявление матричного формата взаимодействия как организационной структуры и распределение ролей без анализа применения переводческих технологий. Социальная и ситуативная интеракция во время работы над совместным переводческим заданием представлена в формате матричной схемы.

Визуализация матричной модели кооперативного перевода обеспечивается посредством картирования (составление карты или блок-схемы) действий и распределения ответственности субъектов переводческого проекта.

Созданию целевой модели предшествовало несколько этапов:

- 1) изучение материалов перевода, которые включали фотографии экспонатов музея и текст с описанием этих фотографий;
- 2) составление списка всех участников рабочей группы;
- 3) визуализация рабочих процессов совместной работы участников с указанием зон ответственности и соподчиненности структур.

Результатом анализа кооперативной работы над проектом является матричная модель переводческой кооперации, отражающая синергию внутреннего взаимодействия субъектов при выполнении переводческого проекта. Данная модель может использоваться как в профессиональных, так и в дидактических целях.

Результаты и обсуждение

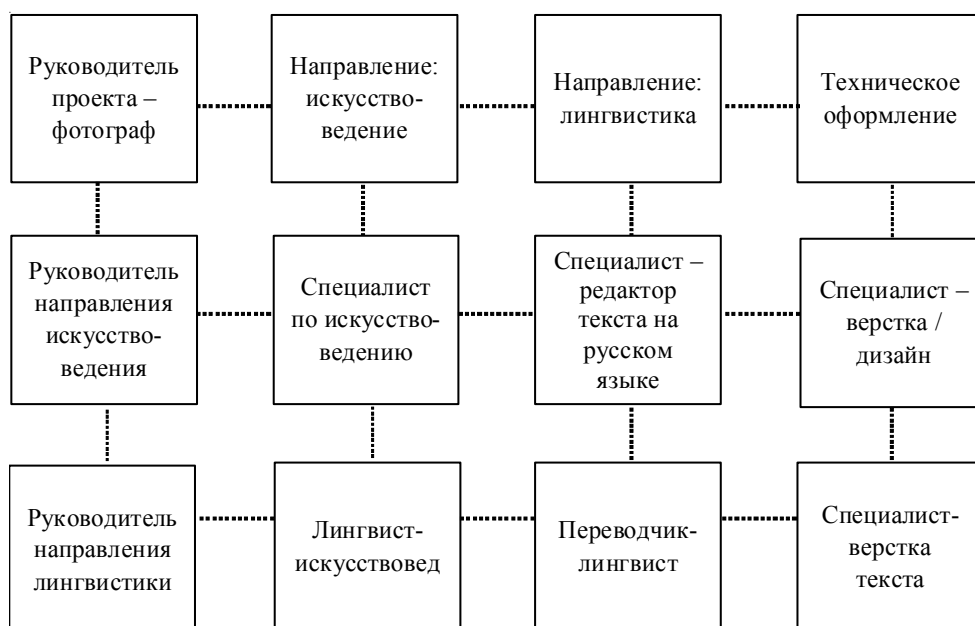
Матричная модель кооперативной переводческой деятельности представлена в виде

схемы, где элементы находятся в определенной взаимосвязи и иерархических взаимных включениях. Вслед за Э. Ларсоном мы используем понятия «организационная структура» проекта и «иерархическая структура» работ [Larson, Clifford, 2010, p. 113–114] и предлагаем на основе их разделения два вида матриц: организационную матрицу и матрицу ответственности.

Сущность организационной матрицы определяется матричным структурированием деятельности что отражено в пересечении горизонтального и вертикального уровней управления. При таком распределении ролей и функций взаимоотношения выстраиваются по принципу горизонтальной иерархии и пересекающихся полей между субъектами деятельности при сохранении функционально-эвристической сути взаимодействия. В структуре такой матрицы выделяются лидеры, отвечающие за функционально-тематические экспертные области, которые встраиваются в проект. Лидерами могут выступать конкретные субъекты, которые отвечают за качество предоставляемой информации и отслеживают процессы ее обработки. При налаживании коммуникации участники проекта понимают картину распределения ролей и выявляют уточняющую информацию в ходе проекта и принятия решений.

В матрице кооперативного перевода (см. рисунок) представлены основные участники, располагающиеся по горизонтальной и вертикальной осям схемы. Руководитель проекта отслеживает работу в разных направлениях (искусствоведение, лингвистика, техническая часть) через их руководителей. В каждом направлении работают специалисты, обладающие искусствоведческими и/или лингвистическими компетенциями. Для решения лингвистических задач задействован специалист, сочетающий знания в области лингвистики и искусствоведения, работающий во взаимодействии с переводчиком-лингвистом.

В ходе выполнения проекта, в котором авторы принимали непосредственное участие, несмотря на существование подчиненности, отмечается свободный обмен информацией. Это проявляется в открытости системы и возможности направлять при необходимости коммуникационный поток в разных направлениях. Например, запрос на получение или корректировку информации может поступить напрямую от переводчика-лингвиста руководителю проекта, минуя руководителя направления; переводчик-лингвист может обмениваться уточняющей информацией с редактором текста на русском языке. Подобная функционально-эвристическая модель взаимодействия основана на полном доверии между

Организационная матрица кооперативного перевода
Organizational matrix of the cooperative translation

участниками к качеству выполнения задач, что обеспечивает высокую степень эффективности исполнения.

Помимо налаживания организационного взаимодействия участников переводческого проекта важно установить структуру распределения и ответственности каждого участника. Это возможно осуществить посредством матрицы ответственности (см. таблицу).

Данная таблица является одним из инструментов управления переводческим проектом, позволяющим наглядно отобразить действия и задачи участников во время совместной работы. Таблица может корректироваться в ходе исполнения задач.

Кроме того, в случае необходимости возможно перераспределение ответственности или ее усиление. В рассматриваемом переводческом проекте по переводу фотоальбома возникла необходимость усиления консультирования на стадии перевода текста как со стороны лингвистов, так и со стороны искусствоведов. Дополнительные рекомендации поступали и в процессе подготовки описания фотографий. Поскольку объем текстов ограничивался определенным количеством знаков, то она стадии составления описания для их правильного размещения на страницах альбома потребовались экспертная поддержка со стороны специалистов по верстке и дизайну, а также редактора.

Матрица кооперативного перевода представляет собой уникальный инструмент, имеющий практическую ценность, поскольку визуализация организационно-функциональной стороны переводческого процесса способствует более глубокому пониманию специфики взаимодействия участников проекта, повышает степень доверия и определенности, позволяет наладить продуктивную коммуникацию и приводит к эффективному результату. Универсальность предлагаемой матрицы кооперативного перевода состоит в целевом характере и возможности ее совершенствования в рамках каждого конкретного переводческого проекта. Так, анализ работы коллектива специалистов по выполнению переводческого задания, выбранного в качестве материала для данного исследования, выявил некоторые сложности, требующие внесения корректировок в схему управления подобным переводческим проектом.

Сложности были обусловлены прежде всего тем, что коммуникация осуществлялась посредством обмена сообщениями по электронной почте. Это создавало перегруженность почтового ящика и трудности отслеживания и координации потока писем, особенно при одномоментном поступлении запросов от разных специалистов. Кроме того, в составе группы были представители из разных стран, находящихся в разных часовых поясах, что приво-

Матрица ответственности кооперативного перевода

Responsibility matrix of the cooperative translation

Действие	Участник проекта					
	Специалист по искусствоведению	Специалист – редактор текста на русском языке	Специалист – верстка / дизайн	Лингвист-искусствовед	Переводчик-лингвист	Специалист – верстка текста
Подборка фото-материала	1	3	2	3	3	3
Дизайн альбома	2	3	1	3	3	3
Техническое оформление фотографий	2	3	1	3	3	3
Подготовка текста описания фотографий	2	2	2	1	2	3
Перевод текста	2	2	3	2	1	2
Графическое оформление текста	3	2	1	3	3	2

Примечание. В таблице цифрами обозначены функции участников проекта: 1 – несет ответственность; 2 – консультирует; 3 – получает информацию.

Note. The numbers in the table indicate the functions of the project participants: 1 – taking the responsibility; 2 – providing consultations; 3 – receiving information.

дило к временным задержкам выполнения задач.

Решением таких проблем может стать использование сетевых и облачных технологий, позволяющих скоординировано выполнять параллельные действия при отслеживании потока комментариев в режиме онлайн, а также получением обратной связи при отложенном во времени взаимодействии.

Выводы

1. Кооперативный перевод может быть представлен в матричном формате как открытая эвристическая и динамическая система, способная гибко реагировать на текущие нужды рабочей группы и адаптироваться к ним.

2. Интегративный подход в моделировании переводческих проектов позволяет обеспечить синтез «элементов» – представителей экспертных групп из различных областей в составе одной команды, а также холистическое единство синергетического пространства, что влияет на эффективность результата.

3. Метод моделирования процессов переводческой кооперации и картирование зон ответственности дает возможность упорядочить и наглядно представить операционально-функциональные компоненты переводческого проекта.

4. Перспективой дальнейшего развития матричных возможностей моделирования кооперативного перевода является исследование когнитивного аспекта совместной деятельности посредством создания когнитивных матриц и более глубокое изучение феномена распределенной когниции.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование по теме: «Матричная модель переводческого процесса на основе сетевого ресурса TranSource» (Matrix translation model based on the web-platform TranSource) выполнено за счет гранта ФПМУ ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», приказ № 73-1 от 20.02.2023.

Research on the topic: Matrix Translation Model based on the web-platform TranSource was carried out at the expense of the Grant under the Foundation for Young Scientists run by Chelyabinsk State University, order No. 73-1 dated 20.02.2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева И. С., 2021. Реализация матричного подхода в подготовке переводчиков: индуктивно-лингвистическая концепция Андрея Фалалева // Казанский лингвистический журнал. Т. 4, № 1. С. 63–79.
- Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., 2018. Формирование коллаборативной переводческой компетенции // Евразийский гуманитарный журнал. № 2. С. 36–45.
- Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., 2019. Трансфер знания в гуманитарных науках. Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та. 194 с.
- Белозерцев А. В., 2013. Коммуникативно-функциональная модель перевода: личностно-ориентированный подход // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 4 (25). С. 135–141.
- Болдырев Н. Н., 2007. О понятии культуры и культурологическом анализе языка // Филология и культура : сб. докл. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 27–32.
- Болдырев Н. Н., 2014. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 236 с.
- Бублик Е. А., 2018. Понятия краудсорсингового и коллаборативного перевода // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей : сб. ст. / под ред. Г. Р. Власян, М. А. Самковой. Челябинск : ЧелГУ. С. 16–21.
- Волкова Т. А., 2021. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода и стратегия письменного перевода: экспериментальное исследование // Научный диалог. № 9. С. 55–73.
- Иванов А. В., Сдобников В. В., 2020. Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателя перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. № 51. С. 117–131. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-117-131
- Кирдина С. Г., 2000. Институциональные матрицы и развитие России. М. : ТЕИС. 213 с.
- Котелкин А. И., Мусин М. М., 2003. Матрицы влияния: теория и практика экономического управления. М. : Дело. 295 с.
- Кун Т., 1969. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями. М. : Прогресс. 300 с.
- Кушнина Л. В., 2011. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 3. С. 81–86.
- Маленова, Е. Д., 2020. Ключевые компетенции переводчика в XXI веке: взгляд работодателя

- // Язык науки и техники в современном мире : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (27 мая 2020 г., Омск). Омск : Омск. гос. тех. ун-т. С. 92–95.
- Минченков А. Г., 2007. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб. : Антология. 255 с.
- Нефедова Л. А., Краснопеева Е. С., 2020. Англо-русские гибридные образования в тексте перевода: о межъязыковой интерференции в контексте переводческих норм // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 4. С. 86–98. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.4.8
- Нефедова Л. А., Ремхе И. Н., 2018. Новые технологии в переводе: интегрированная переводческая платформа // Язык и общество : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 95-летию проф. А.Е. Карлинского. Алматы : Казах. ун-т междунар. отношений им. Абылай хана. С. 208–217.
- Нефедова Л. А., Ремхе И. Н., 2019. Моделирование перевода в контексте интеграции // Актуальные вопросы речевого взаимодействия : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. юбилею проф. Л.А. Месеняшиной (Челябинск, 24 октября 2019 г.). Челябинск : Челяб. гос. ун-т. С. 161–166.
- Поликарпов А. М., 2017. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 6–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1
- Ремхе И. Н., Козько А. А., Нефедова Л. А., 2018. Переводческая платформа TRANSOURCE: интегрированная модель взаимодействия переводческих ресурсов // Восьмая Международная конференция по когнитивной науке : тез. докл. (Светлогорск, 18–21 октября 2018 г.). Светлогорск : Ин-т психологии РАН. С. 884–886.
- Ремхе И. Н., Нефедова Л. А., 2022. Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии // Вестник Челябинского государственного университета. № 3 (461). С. 105–114.
- Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В., 2020. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход : учеб. для студентов лингв. вузов и фак. иностр. яз. М. : Изд. дом ВКН. 513 с.
- Albir A. H., 2017. Researching Translation Competence by PACTE Group. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 401 p.
- Chesterman A., 2007. Bridge Concepts in Translation Sociology // Constructing a Sociology of Translation / ed. by M. Wolf, A. Fukari. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. P. 171–183.
- Chesterman A., 2009. The Name and Nature of Translator Studies // HERMES – Journal of Language and Communication in Business. № 22 (42). P. 13–22.
- Larson, E. W., Clifford F. G., 2010. Project Management: The Managerial Process. [S. L.] : McGraw Hill. 671 p.
- Neubert A., Shreve G., 1992. Translation as Text. Kent, Ohio : The Kent State University Press. Translation Studies. № 1. 169 p.
- Nord Ch., 2018. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. London : Routledge. 166 p.
- Pym A., 2000. On Cooperation // Intercultural Faultlines. Research Models in Translation Studies. Vol. I. Textual and Cognitive Aspects / ed. by Maeve Olohan). Manchester : St. Jerome Publishing. P. 181–192.
- Pym A., 2011. Translation Research Terms: A Tentative Glossary for Moments of Perplexity and Dispute // Translation Research Projects. Vol. 3 / ed. by A. Pym. Tarragona : Intercultural Studies Group. P. 75–110.
- Risku H., 2010. A Cognitive Scientific View on Technical Communication and Translation. Do Embodiment and Situatedness Really Make a Difference? // Target. № 22 (1). P. 94–111.
- Remkhe I., Nefedova L., Gillespie D., 2017. Rethinking the Translator's Role Within the GILT Project: An Integrated Approach // Russian Journal of Linguistics. № 21 (4). P. 910–926.

ИСТОЧНИК

Эрмитаж – Эрмитаж. Дворец и музей / авт. текста М. Пиотровский [и др.] ; фот. А. Эртуг. [Б. м.] : Изд-во Ахмета Эртуга, 2014. 200 с.

REFERENCES

- Alekseeva I.S., 2021. Realizatsiya matrichnogo podkhoda v podgotovke perevodchikov: induktivno-lingvisticheskaya kontseptsiya Andrey Falaleeva [Matrix Approach in Translation Training: Inductive and Linguistic Concept of Andrey Falaleev]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Kazan Linguistic Journal], vol. 4, no. 1, pp. 63-79.
- Alekseeva L.M., Mishlanova S.L., 2018. Formirovanie kollaborativnoy perevodcheskoy kompetentsii [Building Collaborative Translation Competences]. *Evraziyskiy gumanitarnyy*

- zhurnal* [Euro-Asian Humanitarian Journal], no. 2, pp. 36-45.
- Alekseeva L.M., Mishlanova S.L., 2019. *Transfer znaniya v gumanitarnykh naukakh* [Knowledge Transfer in Humanitarian Sciences]. Perm, Izd-vo Perm. gos. nac. issled. un-ta. 196 p.
- Belozertsev A.V., 2013. Kommunikativno-funktsionalnaya model perevoda: lichnostno-orientirovanny podkhod [Communicative and Functional Translation Model: Person-Oriented Approach]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State University], no. 4 (25), pp. 135-141.
- Boldyrev N.N., 2007. O ponyatii kultury i kulturologicheskoy analize yazyka [Towards the Issue of the Notion Culture and Cultural Analysis of the Language]. *Filologiya i kultura: sb. dokl.* [Philology and Culture. Collection of Reports]. Tambov, Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 27-32.
- Boldyrev N.N., 2014. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Cognitive Semantics. Introduction into Cognitive Linguistics]. Tambov, Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina. 236 p.
- Bublik E.A., 2018. Ponyatiya kraudsorsingovogo i kollaborativnogo perevoda [The Notion of Crowdsourcing and Collaborative Translation]. Vlasyan G.R., Samkova M.A., eds. *Aktualnye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovateley: sb. st.* [Current Issues in Linguistics: Young Researchers' View. Collection of Articles]. Chelyabinsk, ChelGU, pp. 16-21.
- Volkova T.A., 2021. Diskursivno-kommunikativnaya model perevoda i strategiya pismennogo perevoda: eksperimentalnoe issledovanie [Discursive and Communicative Model of Translation and the Strategy of Written Translation: Experimental Research]. *Nauchnyy dialog*, no. 9, pp. 55-73.
- Ivanov A.V., Sdobnikov V.V., 2020. Formirovanie perevodcheskikh kompetentsiy kak osnovnaya zadacha prepodavatelya perevoda [Development of Translator Competences as the Main Task of Translator Trainers]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], no. 51, pp. 117-131. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-117-131
- Kirdina S.G., 2000. *Institutsionalnye matritsy i razvitie Rossii* [Institutional Matrices in the National Development]. Moscow, TEIS Publ. 213 p.
- Kotelkin A.I., Musin M.M., 2003. *Matritsy vliyaniya: teoriya i praktika ekonomicheskogo upravleniya* [The Power Matrix: Theory and Practice of the Economical Management]. Moscow. Leto Publ. 295 p.
- Kun T., 1969. *Struktura nauchnykh revolyutsiy. S vvodnoy statyey i dopolneniyami* [The Structure of the Scientific Revolutions. With Introduction and Additions]. Moscow, Progress Publ. 300 p.
- Kushnina L.V., 2011. *Perevod kak sinergeticheskaya sistema* [Translation as a Synergetic System]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], no. 3, pp. 81-86.
- Malenova E.D., 2020. Klyucheveye kompetentsii perevodchika v XXI veke: vzglyad rabotodatelaya [Key Competencies of a Translator in the 21st Century: The Employer's View]. *Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (27 maya 2020 g., Omsk)* [The Language of Science and Technology in the Modern World. Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference (May 27, 2020, Omsk)]. Omsk, Omsk. gos. tekhn. un-t, pp. 92-95.
- Minchenkov A.G., 2007. *Kognitsiya i evristika v processe perevodcheskoy deyatel'nosti* [Cognition and Heuristics in the Translation Process]. Saint Petersburg, Antologiya Publ. 255 p.
- Nefedova L.A., Krasnopeyeva E.S., 2020. Anglorusskie gibridnye obrazovaniya v tekste perevoda: o mezhyazykovoy interferentsii v kontekste perevodcheskikh norm [English-Russian Hybrid Words in Translated Text: On Linguistic Interference and Norms of Translation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 86-98. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.4.8
- Nefedova L.A., Remhe I.N., 2018. Novye tekhnologii v perevodovedenii: integrirovannaya perevodcheskaya platforma [New Technologies in Translation Studies: Integrated Translation Platform]. *Yazyk i obshchestvo: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 95-letiyu prof. A.E. Karlinskogo* [Language and Society. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the Prof. A.E. Karlinsky's 95th Anniversary]. Almaty, Kazah. un-t mezhdunar. otnoshenij im. Abylay khana, pp. 208-217.
- Nefedova L.A., Remhe I.N., 2019. Modelirovanie perevoda v kontekste integratsii [Modelling of Translation with the View of Concept of Integration]. *Aktualnye voprosy rechevogo*

- vzaimodeystviya: materialy Vseros. nauch. konf., posvjashh. jubileju prof. L.A. Mesenjashinoy (Chelyabinsk, 24 oktyabrya 2019 g.) [Current Issues of Language Interaction. Proceedings of the National Scientific Conference Dedicated to Prof. L.A. Messenyashina's Anniversary (Chelyabinsk, October 24, 2019)]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t, pp. 161-166.
- Polikarpov A.M., 2017. Integrativnoe perevodovedenie: predposylki vozniknoveniya i osnovnye idei [Integrative Translation Studies: Origin and Main Ideas]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 6-17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1
- Remhe I.N., Kozko A.A., Nefedova L.A., 2018. Perevodcheskaya platforma TRANSOURCE: integrirovannaya model vzaimodeystviya perevodcheskikh resursov [The Web-Platform TranSource: Integrated Model of Translation Resources Network]. *Vosmaya Mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: tez. dokl. (Svetlogorsk, 18–21 oktyabrya 2018 g.)* [The Eighth International Conference on Cognitive Science. Reports Summaries (Svetlogorsk, October 18–21, 2018)]. Svetlogorsk, In-t psilogii RAN, pp. 884-886.
- Remhe I.N., Nefedova L.A., 2022. Dialektika sinteza kognitsii i perevodcheskoy industrii [Dialectics of Syntheses and Cognition in the Translation Industry]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 3 (461), pp. 105-114.
- Sdobnikov V.V., Kalinin K.E., Petrova O.V., 2020. *Teoriya perevoda. Kommunikativno-funktionalnyy podkhod: ucheb. dlya studentov lingv. vuzov i fak. inostr. yaz.* [The Theory of Translation. Communicative and Functional Approach. Student Textbook for the Faculty of Foreign Languages]. Moscow, Izd. dom VKN. 513 p.
- Albir A.H., 2017. *Researching Translation Competence by PACTE Group*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 401 p.
- Chesterman A., 2007. Bridge Concepts in Translation Sociology. Wolf M., Fukari A., eds. *Constructing a Sociology of Translation*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 171-183.
- Chesterman A., 2009. The Name and Nature of Translator Studies. *HERMES – Journal of Language and Communication in Business*, no. 22 (42), pp. 13-22.
- Larson E.W., Clifford F.G., 2010. *Project Management: The Managerial Process*. S.I., McGraw Hill. 671 p.
- Neubert A., Shreve G. 1992. *Translation as Text*. Kent, Ohio, The Kent State University Press, Translation Studies, no. 1. 169 p.
- Nord Ch., 2018. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained*. London, Routledge. 166 p.
- Pym A., 2000. On Cooperation. *Intercultural Faultlines. Research Models in Translation Studies. Vol. I. Textual and Cognitive Aspects*. Manchester, St. Jerome Publishing, pp. 181-192.
- Pym A., 2011. Translation Research Terms: A Tentative Glossary for Moments of Perplexity and Dispute. *Translation Research Projects. Vol. 3*. Tarragona, Intercultural Studies Group, pp. 75-110.
- Risku H., 2010. A Cognitive Scientific View on Technical Communication and Translation. Do Embodiment and Situatedness Really Make a Difference? *Target*, no. 22 (1), pp. 94-111.
- Remkhe I., Nefedova L., Gillespie D., 2017. Rethinking the Translator's Role Within the GILT Project: An Integrated Approach. *Russian Journal of Linguistics*, no. 21 (4), pp. 910-926.

SOURCE

- Piotrovsky M., ed. et al., Ertuga A. phot. *Ermitazh. Dvorets i muzey* [Hermitage. Palace and Museum]. S.I., Izd-vo Akhmeta Ertuga, 2014. 200 p.

Information About the Authors

Irina N. Remkhe, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Chelyabinsk State University, Bratyeв Kashirinykh St, 129, 455000 Chelyabinsk, Russia, rilix@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6441-6804>

Liliya A. Nefedova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Translation, Chelyabinsk State University, Bratyeв Kashirinykh St, 129, 455000 Chelyabinsk, Russia, lan2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>

Информация об авторах

Ирина Николаевна Ремхе, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 455000 г. Челябинск, Россия, rilix@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6441-6804>

Лилия Амиряновна Неведова, доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и перевода, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 455000 г. Челябинск, Россия, lan2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.4>

UDC 81'322.4
LBC 81.184

Submitted: 12.12.2022
Accepted: 06.03.2023

RECURSIVE COMPARISON AS A BASIS TO TRANSLATION EQUIVALENTS SEARCH IN AGGLUTINATIVE AND INFLECTIONAL LANGUAGES

Sergey N. Bredikhin

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Stanislav G. Sidorenko

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The study offers a developed algorithm, aimed to observe cognitive-communicative syntactic specifiers based on recursive comparison in the process of computer-aided translation of statements in agglutinating languages. The key method that enables fast and adequate search for translation equivalent in the languages with different structures is the multilevel recursive comparison of interim forms with dictionary equivalents, as well with contextual matches within the frameworks of prospective modelling in the course of an invariant thesaurus development according to dynamic complicated codes. The combination of cognitive-semantic and semantemic-morphological parallel comparison with spiral references will make it possible to create not only an equivalent version of the target text that meets the requirements of lexico-morphological correctness, but also to ensure the transfer of cognitive and consituational elements of the original utterance. The inclusion of cognitive-communicative syntactic samples in the recursive comparison algorithm during automatic processing of the utterance, as the final stage of generating the target utterance, is designed to solve the problem of polysemic, synonymous and homonymous barriers that arise at the stage of generating the target text. The described automated analysis algorithm is demonstrated on the utterances in languages with different structures (Turkish, Russian and English). The article also provides examples of the interaction of the invariant thesaurus of commonly used constructions with variant correspondences while connecting recursive comparison with elements of cognitive-communicative syntax.

Key words: automatic translation system, translation equivalent, cognitive-communicative syntactic specifier, thesaurus of invariant bases, agglutinating languages, recursive comparison, conceptual-perceptual model.

Citation. Bredikhin S.N., Sidorenko S.G. Recursive Comparison as a Basis to Translation Equivalents Search in Agglutinative and Inflectional Languages. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 43-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.4>

УДК 81'322.4
ББК 81.184

Дата поступления статьи: 12.12.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

РЕКУРСИВНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ОСНОВА ПОИСКА ТРАНСЛЯЦИОННЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ И ФЛЕКТИВНЫХ ЯЗЫКАХ

Сергей Николаевич Бредихин

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Станислав Геннадьевич Сидоренко

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. В статье представлен авторский алгоритм учета когнитивно-коммуникативных синтаксических спецификаторов на основе рекурсивного сравнения в процессе автоматического перевода высказыва-

ваний на агглютинирующих языках. Ключевым методом обеспечения быстрого и адекватного поиска трансляционного соответствия в разноструктурных языках признается многоуровневое рекурсивное сравнение промежуточных решений как со словарными эквивалентами, так и с контекстуальными соответствиями в рамках проспективного моделирования при создании инвариантного тезауруса по динамическим усложненным кодам. Установлено, что сочетание когнитивно-семантического параллельного сравнения со спиральными отсылками позволяет создать эквивалентный вариант транслята, удовлетворяющий требованиям лексико-морфологической корректности, и обеспечить передачу когнитивных и конситуативных элементов исходного высказывания. Включение в алгоритм рекурсивного сравнения при автоматической обработке высказывания когнитивно-коммуникативных синтаксических образцов в качестве финального этапа генерации целевого высказывания позволяет устранить полисемический, синонимический и омонимический барьеры, возникающие на этапе формирования выходного целевого текста. Возможности предложенного алгоритма автоматизированного анализа демонстрируются на примере высказываний на разноструктурных языках (турецком, русском и английском). Показано взаимодействие инвариантного тезауруса общеупотребительных конструкций с вариантными соответствиями при подключении рекурсивного сравнения с элементами когнитивно-коммуникативного синтаксиса.

Ключевые слова: автоматическая система перевода, трансляционное соответствие, когнитивно-коммуникативный синтаксический спецификатор, тезаурус инвариантных основ, агглютинирующие языки, рекурсивное сравнение, концептуально-перцептивная модель.

Цитирование. Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г. Рекурсивное сравнение как основа поиска трансляционных эквивалентов в агглютинативных и флективных языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 43–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.4>

Введение

В рамках перманентных изменений, связанных как с научно-техническими инновациями, так и с развитием интернациональных связей в социально-культурной сфере, резко возрастают объемы национальных информационных потоков, что требует их интеграции в общецивилизационное когнитивное пространство. Создание автоматизированных систем, обеспечивающих оперативную обработку, анализ и трансляцию таких потоков, является на настоящий момент доминантной проблемой современной лингвистической кибернетики и прикладного языкознания. Основанием для адекватной трансляции когниогенеративных элементов в разноструктурных языковых системах, например в некоррелирующих парах агглютинативных и флективных языков, может служить многоуровневая концептуально-перцептивная модель [Bredikhin, Babayants, Pelevina, 2021], предполагающая создание алгоритма с учетом когнитивно-коммуникативных синтаксических спецификаторов на основе рекурсивного сравнения.

Различные виды системного анализа дискретных единиц являются базовым компонентом, на котором строятся модули автоматизированных систем переработки текста. В публикациях, посвященных таким системам, боль-

шинство исследователей пишут о «лексемно-фразовой переработке» (см., например: [Большакова и др., 2011, с. 18]), однако данный подход следует признать ошибочным, поскольку он приводит к отказу от более прецизионного анализа морфологических структур, которые в некоторых языковых системах обеспечивают финальную смыслодеривацию во фразе. В частности, автоматизированная переработка текстов на наиболее представленных в современном информационном континууме тюркских языках (относящихся к агглютинативным) должна основываться на иных принципах, чем переработка текстов на последовательно флективных и флективно-аналитических языках.

В большинстве индоевропейских языковых систем словоизменение осуществляется посредством весьма ограниченного количества аффиксов (вне зависимости от их типа), а значит, не представляет особых трудностей стереотипное извлечение исходной словоформы и приписывание ей контекстуального актуализируемого лексического значения. При оперировании словоформами агглютинирующих языков программный код сталкивается с большим количеством формантов и приведение словоформ к исходной основе существенно затрудняется. Кроме того, исходные основы с включением потенциально «бесконечного» числа формантов в парадигме аффиксирую-

шего словоизменения могут образовывать «тысячи» форм (см. об этом: [Пинес, 1974]). Большинство компаративистских исследований показывает значительное различие статистических характеристик условного формантного покрытия (достигающего семидесяти процентов) в любых произвольно взятых прецедентных текстах, а именно – объем выборки текстов, равно как и объем самих контекстов в агглютинирующем языке, должен быть в пять раз больше, чем сопоставимый объем выборки во флективно-аналитических языках и более чем в два раза превосходить объем текстовой выборки в последовательно флективных (см., например: [Бектаев, 1978, с. 37]). Данная ситуация возникает по причине вариаций супертиповых характеристик различных естественных языков, поскольку, как отмечает П.В. Дурст-Андерсен, «...грамматические системы разных языков грамматикализованы, но на основе структур сознания, которые, каждая по-своему, отражают определенные структуры действительности» [Дурст-Андерсен, 1995, с. 31]. Именно поэтому создание инварианта (канонического образца) для алгоритмизированной экстраполяции текстовых словоформ представляется одним из наиболее перспективных путей решения задачи автоматической трансляции текстов агглютинативных языков.

Составление инвариантного компаративного тезауруса с алгоритмами вычленения и параллельного транскодирования морфологических компонентов внедренного в автоматизированную систему перевода наиболее важно для тюркских языков, в которых лексемно-фразовый контекстуально-семантический анализ, сводящий к минимуму морфологический анализ словоформы, является малоэффективным в силу специфической структуры генерализованного смысла, основанного на сочетании формантов в словоформе.

Целью настоящего исследования является создание алгоритмической модели рекурсивного спуска в рамках трехчленного формантного анализа для обеспечения наибольшей степени эквивалентности трансляционного соответствия в условиях формирования высказывания на флективном языке при сохранении исходных иллокутивных компонентов высказываний на агглютинирующих языках.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили некоторые устные высказывания, обладающие определенными характеристиками отнесенности, модальности, эксплицируемыми различными формантами, осложняющими структуру транслатемы. При этом единицы анализа подбирались таким образом, чтобы в их составе наличествовали форманты, которые могут быть отнесены к каждой из трех подгрупп вербализаторов лексических и грамматических значений.

Для проверки функциональности предложенного алгоритма трехчленного формантного анализа использовалась комплексная методология, включающая приемы компаративного анализа переводческих соответствий, дистрибутивного анализа для определения элементов окружения формантов (для агглютинативных языков) и словоформ (для флективных языков), а также контекстуального и интерпретативного анализа для определения степени эквивалентности иллокутивно-перлокутивного соответствия высказывания на исходном и переводящем языках.

Еще в середине прошлого века формальный анализ лексико-морфологических экспликативов большей частью носил теоретический характер, что объяснялось невозможностью эмпирической верификации моделей по причине недостаточного объема памяти и быстродействия компьютеров. Кроме того, ключевые междисциплинарные связи структурной, математической и когнитивной лингвистики были неустойчивы, отсутствовал единый методологический и терминологический аппарат. Несмотря на разработку формализованных описаний грамматических подсистем, семантическое транслирование в языковые системы несходных морфотипов оставалось недоступным (см., например: [Семенов, 2008]).

Разработка практических моделей в 1970–80-е гг. XX в. велась преимущественно на основе последовательно флективных и флективно-аналитических языков, для которых модель сравнения и выявления тезаурусных соответствий достаточно проста и строится на базе двуязычного словаря без создания инвариантного тезауруса. В случае трансляции генера-

лизованного смысла высказывания на агглютинативном языке создание простого словаря соответствий усложняет сравнение в условиях отсутствующего форманта или при введении форманта в качестве дополнительного элемента основы. Кроме того, возникают многочисленные девиации по причине омонимии и синонимии основ и формантов, что снижает скорость и качество транслята. Переход от стандартного лексемно-фразового моделирования к усложненным кодам иерархического сравнения дал возможность постепенного пополнения инвариантного тезауруса и банка формантов. Таким образом, рубеж XX–XXI вв. ознаменовал слом принципов статистического автоматизированного перевода и появление когнитивно-семантических автоматизированных систем с интеллектуальными возможностями translation memoгу. Именно на основе данных систем возможно построить принципиально новую модель лексико-морфологического анализа, представляющего базу взаимотрансляции высказываний на разноструктурных языках.

В современных исследованиях применяется трехуровневое моделирование вариативных формантов с поэтапной проверкой контекстуальных эквивалентов посредством сравнения с имеющимися соответствиями. Однако рассмотрение вариантов в рамках трехуровневой модели не дает возможности исчислить все корреляты, поскольку недостроенными остаются любые формы, организованные более чем тремя формантами. Внедрение в трехуровневую модель вне осуществления дополнительных прямых операций сравнения может производиться на основе рекурсивной отсылки при учете мультимодального представления различных видов значения и их классификации в поддиректориях инвариантного тезауруса (см. об этом: [Наккани-Тюр et al., 2016, p. 716]).

Как показали Б.В. Орехов и Е.А. Слободян, формальные критерии выделения компонентов лексического и морфологического значений в условиях трансляции позволяют лишь частично заполнить парсеры фразовых основ высказывания [Орехов, Слободян, 2010]. Для анализа инвариантных основ и последующего построения вариативных соответствий в рамках трансляции высказывания зачастую используют модули, построенные на основе метода рекурсивного спуска [Ксалов, Гошкова, Денисенко, 2013,

с. 39]. Данный метод представляется весьма перспективным в аспекте включения в цепочку переменных таких компонентов синтаксического анализа, которые выявлены на основе взаимно возвратных парсящих процедур контекстуально свободного синтаксиса [Proudian, Pollard, 1985]. Трансформационные возможности парсинга как линейной последовательности [Fodor, 1978] дополняются сходными рекурсивными отсылками к инвариантному тезаурусу и модельным схемам распределения генерализованного смысла, на основе чего и выстраивается финальная фраза как часть целевого текста.

Упомянутые работы фрагментарно решают задачи контаминированного анализа, включающего лексико-морфологические и коммуникативно-синтаксические аспекты и служащего базой для создания семантико-ориентированной автоматизированной системы перевода для языков агглютинативного типа посредством формирования инвариантного тезауруса с параллельным банком аффиксальных формантов. Комплексность и иерархизированность многоуровневого анализа в процессе трансляции высказываний агглютинативных языков подтверждается признанной корреляцией семантики и грамматики таких систем, поскольку, как отмечается лингвистами, строгих норм сочетаемости аффиксов, репрезентирующих грамматическое значение, и корневых морфем, реализующих основное лексическое значение, в типично агглютинативных языках не существует [Рыбаков, 2004, с. 67]. В связи с отсутствием однозначных грамматических и лексических соответствий рекурсивная отсылка при сохранении трехуровневой модели может быть признана наиболее эффективным способом создания алгоритма поиска релевантного эквивалента с ограниченным количеством шагов.

Результаты и обсуждение

Классический алгоритм тюркско-русско-английского лексическо-морфологического анализа

В рамках автоматической трансляции высказывания в условиях языковой пары разноструктурных систем (агглютинирующий – флективный, изолирующий – полисинтетичес-

кий и т. п.) процесс адекватного поиска формальных соответствий значительно усложняется. Рассмотрим некоторые случаи осложненного ввода / вывода фраз на примере разноструктурных языков: триады турецкого (агглютинативного) – русского (последовательно флективного) – английского (флективно-аналитического). При таком структурном несоответствии видовременная парадигма глагола, например, будет демонстрировать существенные различия в экспликационных формантах. Так, реализация абсолютного будущего времени в английском языке осуществляется аналитически (с помощью аналитических предпозиционных вспомогательных глаголов *shall / will*), в русском (в зависимости от вида) – аналитически (глагол *быть* в будущем времени) либо синтетически (в рамках префиксального формообразования посредством *про-, с-, по-* и т. п. в зависимости от выражения инкоации, дуративности, финализации), в агглютинирующем турецком языке – синтетически (в рамках постфиксального агглютинирующего формообразования *-(y)acak*). Например: *I'll read – Я буду читать / Я прочту – Ben okuyacağım*.

При работе с бесконтекстным синтаксисом в рамках построения рекурсивного спуска строится парсер, состоящий из двух фаз взаимно-возвратной отсылки к инвариантно-

му тезаурусу. На основе этого двухфазного алгоритма создается модель комплексного анализа поверхностных структур формантов в процессе понимания глубинного содержания единиц со сложной семантикой, интерпретация которого прогнозируется самими формами выражения на основе лексических и морфологических ожиданий в рецепирующей системе [Bredikhin, Serebriakov, 2019, p. 2549]. Следует указать, что прогностика лексических ожиданий в данном случае превалирует над элементами грамматических спецификаторов глубинного содержания, подобное осуществляется в рамках «Garden-path-Modells», предполагающих, однако, расширение количества прямых операций [Konieczny et al., 1994, p. 137]. Увеличение операций происходит, как видно из схемы, в прокурсивных скачках с пропуском операции (рис. 1).

Автоматический словарь формантных соответствий в бесконтекстной привязке к словоизменительной парадигме может представлять на выводе целый ряд возможных вариативных соответствий, в которых не снимается имманентная многозначность. При этом создается не вариант адекватного перевода, а осуществляется вывод аналитической или флективной формы, которая будет формально соответствовать аффиксальной цепочке исходного высказывания.

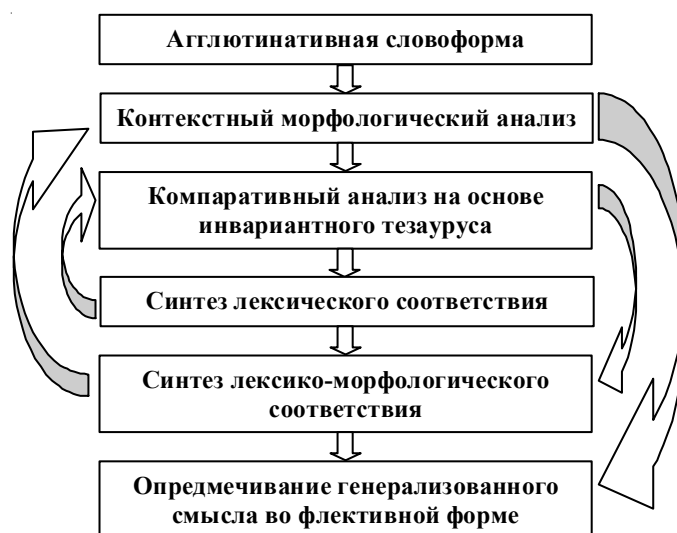

Рис. 1. Модель лексико-морфологического анализа / синтеза в автоматизированной системе обработки текста без учета когнитивного-коммуникативного синтаксиса

Fig. 1. A model of lexico-morphological analysis/synthesis within an automated text processing system without cognitive-communicative syntax consideration

Создание единственного адекватного исходной агглютинативной форме варианта может быть осуществлено только при введении подпрограммного кода рекурсии (сверки с инвариантным тезаурусом основ), в котором соответствующее лексическое значение повторно перепроверяется на основе имеющихся в инициальной памяти формантов. Причем данный «промежуточный» результат достигается посредством рекурсивной отсылки как к знаменательным, так и к вспомогательным формам, без экспликации дополнительных обертонов, реализуемых в горизонтальном контексте. В данном случае происходит учет всех возможных параметров актуализации фразовой основы, содержащихся в ядерном компоненте высказывания (подробно об этом см.: [Бредихин, 2017, с. 420]), то есть каждый из проверяемых вариантов трансляции получает четкое место в иерархии компонентов для инвариантного тезауруса.

При установлении однозначной связи формантов грамматического значения производится соотношение полученной формы с элементами инвариантного тезауруса для корректировки лексического значения. Выявленные в результате компаративного анализа критериальные признаки агглютинативного (единичного) грамматического значения транслируются в ряд соответствующих флективных формантов (каждый признак получает единичный модельный эквивалент), затем при рекурсивном сопоставлении с основой (лексическим значением), содержащейся в инвариантном тезаурусе, производится отбор наиболее релевантных (частотных) формантов. Таким образом, выдаются образцы эквивалентных внеконтекстуальных соответствий, которые могут быть установлены в качестве базовых для дальнейшего распознавания и опредмечивания на материале систем другой структуры, то есть получения высказывания, адекватного исходному. Сравнение внеконтекстуальных соответствий с коммуникативной задачей происходит в процессе вторичной рекурсивной обработки отдельных вариативных элементов при объяснении эффектов работы языка в пограничных случаях, например таких, как предложения с «подвохом», и в случаях предпочтительных толкований смысла высказывания [Tanaka, Branigan, Pickering, 2011, p. 123].

Сходным образом формируется и система грамматической экспликации модального пространства в разноструктурных языках. В качестве примера проанализируем трансляцию аффиксирующей формы предельно выраженного внутреннего долженствования: *Sen gitmelisin*.

В подпрограмме инвариантного тезауруса основ при первом соотнесении выделяется лексическое значение слова *gitmek* (*git* основа в инвариантном тезаурусе), соответствующее инфинитивному значению в неличной форме, без учета грамматических категорий в ряду языков флективного строя (*to go* и *идти*).

При следующем шаге в имплементированном параллельном тезаурусе формантов производится поиск наиболее релевантных в сочетаемости плане аналитических компонентов, выражающих генерализованный компонент «долженствование». Таким образом, определяется подмножество зоны аффикса долженствования (*-meli-*), что условно констатируем как промежуточный результат, который соответствует форме *быть должным* и частично соответствует английским модальным глаголам *must, should* и обороту (*to have to*). Выбор того или иного соответствия из предложенных производится на следующем шаге когнитивно-коммуникативного компаративного анализа.

Формант, эксплицирующий подмножество вариативных соответствий, представляет собой аффикс сказуемости *-sin*, который манифестируется во флективных языках с помощью аналитического или энклитического (в меньшинстве флективных языков) личного местоимения *ты* (в русском), *you* (в английском).

На выходе в результате анализа исходной турецкой аффиксирующей формы *Sen gitmelisisin!* возможна единственная форма в последовательно флективном русском языке *идти + должен + ты = Ты должен идти!* и вариативное соответствие в качестве промежуточной формы для дальнейшего когнитивно-коммуникативного синтаксического анализа в флективно-аналитическом английском *go + must / should / have to + you = You must go!*

**Общая структура
тюркско-русско-английского
лексическо-морфологического анализа
с учетом когнитивного-коммуникативного
синтаксиса в трансляционном процессе**

При формировании автоматизированного поиска соответствий с использованием инвариантного тезауруса закономерно используется несколько иерархических компонентов, которые представляют собой следующую последовательность шагов рекурсивного спуска:

- инвариантный тезаурус основ;
- инвариантный тезаурус общеупотребительных оборотов;
- список фразовых основ, функционирующих как финитная основа предикации (2-й компонент оборотов);
- список лексем, функционирующих как дополнительный классификатор предикации (1-й компонент оборотов);
- алгоритмизированная модель иерархического компаративного анализа – лексико-морфологического анализа с учетом когнитивно-коммуникативного синтаксиса.

Общеизвестно, что адекватный исходной фразе вариант автоматизированного перевода может быть осуществлен только в рамках прецизионного лингвистического анализа, который не может строиться исключительно на лексико-морфологических основаниях, как указанные выше способы, он должен включать и когнитивно-коммуникативные синтаксические образцы. Созданная на их основе алгоритмизированная модель позволяет с легкостью решить задачи преодоления полисемического, синонимического и омонимического барьеров, возникающих на этапе формирования выходного целевого текста. Именно поэтому в предлагаемом алгоритме нами учтены подпрограммные шаги рекурсивного сравнения как в направлении сокращения формантов до минимума $0 < N^1 < 2$, так и в направлении перманентного их расширения за счет не учтенных ранее в инвариантном тезаурусе единиц. Кроме того, в новую модель включаются стандартные контекстные валентности, на их основе строится промежуточный результат выходной фразы, которая на следующем шаге сравнивается с образцами, отвечающими задачам когнитивно-коммуникативного синтаксиса.

Следует, однако, оговориться, что неконтролируемое добавление рекурсивных отсылок может происходить при отсутствии функциональных ограничений, определяющих для автоматизированного процесса обработки данных супертип языковой системы – ориентировка на облегчение производства высказывания или восприятия высказывания (подробно об этом см.: [Бредихин, 2013, с. 30–31]). Супертип языка детерминирует национальную специфику актуализации и интенсификации глубинного содержания высказывания и иерархическую организацию базовых функций в процессе речепорождения – от экспрессивной (соотносимой с говорящим), как это происходит в большинстве агглютинирующих языков, и репрезентативной (соотносящей язык с предметами и ситуациями реальности) функций до примарно-апеллятивной, то есть функции, соотносимой со слушающим, как это происходит в большинстве случаев в языковых системах флективно-аналитического типа. Именно соотнесение спецификаторов производителя и рецептора высказывания, в условиях пары разноструктурных языков осложненное субъектно-объектной асимметрией (о ней см.: [Бредихин, Серебрякова, 2016, с. 115]), должно снять транслатологический барьер супертиповых характеристик при автоматизированном переводе.

Порядок введения промежуточных результатов в инвариантный тезаурус и рекурсивный поиск контекстуально релевантного соответствия, позволяющего на основе снижения степени вариативности и конситуативной детерминации словоформы создать адекватное оригиналу высказывание на флективном языке, может быть представлен графически (см. рис. 2).

При поиске соответствий основ в инвариантном тезаурусе в качестве промежуточного результата фиксируются не более двух внеконтекстуальных эквивалентов, которые являются наиболее частотными в конситуации общения (сфера науки, бытового употребления, газетного стиля и т. д.). Возникающая в данном случае омонимия нивелируется на этапе компаративного анализа формантов-экспликаторов грамматического значения.

Например, омонимичные в турецком основы *yüz* / *yüzme* (*face* / *swim*, *лицо* /

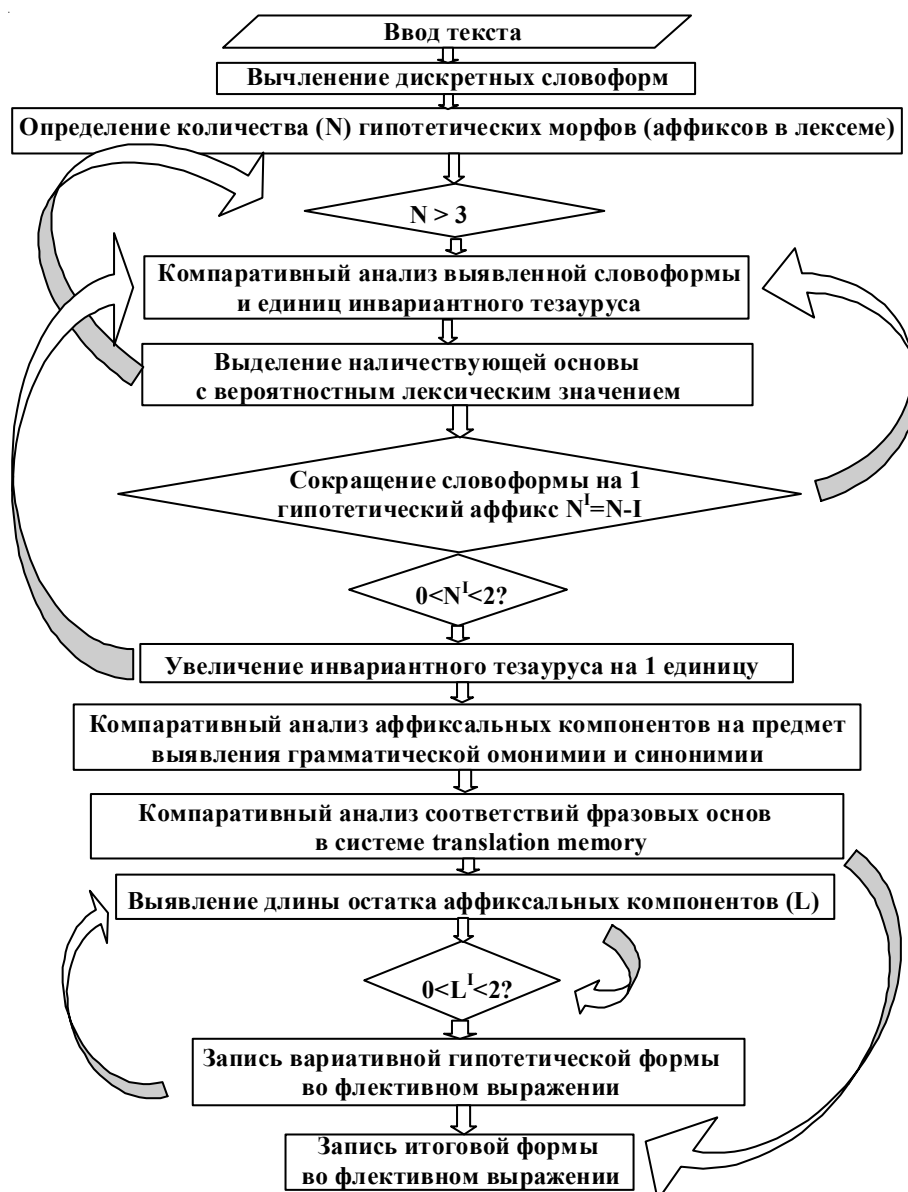

Рис. 2. Блок-схема лексико-морфологического анализа / синтеза при автоматизированной трансляции текста на агглютинативном языке с учетом когнитивного-коммуникативного синтаксиса

Fig. 2. Control-flow chart of lexico-morphological analysis/synthesis in automated text translation in an agglutinative language with cognitive-communicative syntax consideration

плавать), сводимые к единой основе типа /yüz/, которую невозможно отнести к той или иной части речи, делимитируются уже на втором шаге рекурсивного сравнения при сокращении основы на один гипотетический аффикс. Подтверждение происходит при компаративном анализе аффиксальных компонентов. Промежуточные результаты, полученные в процессе применения алгоритма, представленного в блок-схеме (рис. 2), можно для наглядности привести в следующей таблице (см. табл. 1).

Специфика инвариантного тезауруса общеупотребительных оборотов

Инвариантный тезаурус основ предполагает включение в него только общеупотребительных несвободных сочетаний, построенных по типу $N + V_f$ – данная модель выявляется в результате стандартного трансформационного анализа. На основании второго компонента имеющиеся общеупотребительные обороты классифицируются на три подгруппы. Первая из них формируется областью кон-

Таблица 1. Вариативные соответствия с учетом когнитивно-коммуникативного синтаксиса

Table 1. Variable translation equivalents with cognitive-communicative syntax consideration

Словоформа	Вариативные соответствия на уровне лексико-морфологического анализа	Вариативные соответствия при подключении когнитивно-коммуникативного синтаксиса
<i>Öğretmek</i>	<i>öğretim</i> преподавание <i>öğretim etmek</i> обучение + делать , сделать	<i>Öğretmek</i> преподавать, учить
<i>Hesap etmek</i>	Счет <i>hesap</i> , расчет + делать , сделать <i>hesap etmek</i>	<i>Hesap etmek</i> считать, подсчитывать
<i>Yüreklen dirmek</i>	Сердце <i>yürek</i> , душа + давать, отдавать <i>vermek</i>	<i>Yüreklen dirmek</i> ободрять, подбадривать <i>yürek</i> сущ., аффикс <i>len</i> присоединяется к существительным или прилагательным, преобразуя их в непереходные глаголы (при этом такие глаголы приобретают страдательное или возвратное значение), <i>dir</i> – аффикс присоединяется к сказуемому (как глагольному, так и именному) и придает предложению значение предположения, <i>mek</i> показатель инфинитива
<i>yoklamak</i>	Голова <i>baş</i> , головной + тянуть <i>çekmek</i> , таскать <i>taşımak</i>	Наведываться <i>ziyaret</i> сущ. <i>etmek</i> , навестить <i>yoklamak</i>

струкций со вторым компонентом – служебным глаголом активного деятеля *etmek* (*делать / сделать*, (*to do*)). Вторая создает пространство для сравнения неактивных глубинных ролей со служебным глаголом *olmak* (*быть*, (*to be*)) и т. д. Третья подгруппа, не входящая в инвариантный тезаурус, создает отдельную область ассоциированных образцов для сравнения и сохраняется как «запасной» ход трехчленного формантного анализа. Следует отметить, что она используется крайне редко в условиях присутствия в исходном высказывании осложняющих коммуникативный синтаксис компонентов.

Приведем некоторые глагольные единицы из данного инвариантного тезауруса, которые формируют подсистемы третьего уровня, в случае невозможности отнести их к тому или иному типу служебного второго компонента или же возможности формирования обеих форм, например, основы */al/*, */et/*, */ver/*, */al/*, */vur/*, */çık/*. При этом обороты, принадлежащие первой и второй подгруппам, подвержены рекурсивному сравнению длиной остатка аффиксальных компонентов на шаге записи гипотетической вариативной формы, либо пополняя новыми единицами инвариантный тезаурус, либо формируя третью группу «нерегулярных» соответствий как отдельное подмножество в translation memory. Данное пополнение тезауруса основ не влияет на

увеличение операций алгоритма, а значит, остается в рамках трехчленного формантного анализа, то есть функционирование синтаксического блока базируется на исходных принципах. Таким образом, создание неконтролируемой рекурсивной отсылки, которая затруднила бы работу автоматизированного анализатора по созданию целевой фразы и ограничила бы возможности генерации адекватного генерализованного смысла, нивелируется.

Кроме того, в фонде translation memory отдельно сохраняются все возможные вариативные соответствия первых элементов глагольных сочетаний в соответствии с группами классификации. Размещение в данном списке первых компонентов происходит в зависимости от выявленного количества (N) гипотетических аффиксов, соотношенных с формой именительного падежа единственного числа (см. табл. 2). Сохранение вариантов в оперативной памяти до формирования итогового высказывания на переводящем языке позволяет быстро вернуться к вариативному соответствию, которое было исключено на том или ином шаге автоматизированного анализа. Последующие шаги призваны верифицировать промежуточный результат и исключить первоначально прогнозируемый эквивалент из синтеза итоговой фразы на переводящем языке. Такая последовательность шагов (с обращением к оперативной памяти до сравнения с

Таблица 2. Фрагмент инвариантного тезауруса общеупотребительных оборотов

Table 2. Fragment of the invariant thesaurus of common constructs

Основа или 1-й компонент	Трансляционный вариант или генерализованное значение со вторым компонентом <i>et</i>
<i>azat etmek</i>	освобождать <i>boşaltmak</i> (османский язык <i>azat etmek</i>)
<i>arzulamak</i> <i>hayal etmek</i>	желать <i>istemek, dilemek, arzu etmek, arzulamak</i> , мечтать <i>hayal etmek, hayal kurmak</i>
<i>teşebbüs etmek</i>	покушаться <i>teşebbüs etmek</i> , посягать <i>tecavüz</i>
<i>tahmin etmek</i>	полагать, предполагать <i>tahmin etmek</i> (догадываться)

инвариантным тезаурусом) дает возможность ускорить процесс обработки данных. Фундаментальные различия инициальных элементов разноструктурных языковых систем с коллекционными словоформами, снижающими влияние семантико-синтаксической прогностики на формирование «предсказательного» высказывания в различных видах флективных языков [Валентинова, Рыбаков, 2021], учитываются при компаративном анализе аффиксальных компонентов на предмет выявления грамматической омонимии и синонимии.

Глагольные значения определяются в процессе компаративного анализа выделения наличествующей основы с вероятностным (прогнозируемым на основе инвариантных валентностных (синтаксических) конструкций) лексическим значением, соответствующим, как правило, наименьшему количеству формантов в императивной форме.

Отдельные лексемы находят эквивалентное соответствие в той или иной привязке к глагольному значению в зависимости от релевантного варианта, трансляция общего содержания в данном случае имеет вариативный характер. Подобные вариации основываются на «принципе оптимального интерпретативного ожидания» [Бредихин, 2017, с. 420], который предполагает наивысшую степень узнаваемости и релевантности сегмента при условии его реализации в рамках общеупотребительного оборота. Когда употребление словоформы не является узуальным, она оказывается предельно усложненной для автоматизированного анализа, так как исключается из групповой классификации в силу зависимости от когнитивно-коммуникативного контекста. Это необходимо учитывать в сложных случаях при неоднозначности аффиксов в агглютинативных языках, поскольку в некото-

рых системах существуют амплификсы, способные к манифестации как грамматических, так и лексических значений (подробно о таких формантах см.: [Гирфанова, 2007, с. 83]). Эта сложность может быть успешно преодолена посредством создания отдельных подсистем классификации спецификаторов. Например, существительное *tanıdık* в инвариантном тезаурусе основ репрезентирует предметное значение «знакомый». Та же лексема в процессе компаративного анализа аффиксальных формантов в различных группах получает различные формы актуализации в промежуточном результате, в подмножестве *et* она интерпретируется глаголом *tanıdık olmak* с дополнительным значением транзитивности, который требует после себя дополнений в определенной форме, в подгруппе *ol* – глаголом *tanıdık olmak*, содержащим дополнительный компонент взаимно возвратного действия.

Принадлежность к третьей группе маркируется отсутствием форманта – *tanıdık etmek* «ознакомиться» / *tanış olmak* «быть знакомым, встречаться» / *tanışmak* «встретить» – что предполагает введение в инвариантный тезаурус нового элемента. На основе выявления таких сложных случаев пополняется не только translation memory, но и тезаурус инвариантных основ, что существенно улучшает работу автоматизированной системы.

Рассмотрим последовательную рекурсию со сравнением на различных этапах дедимитации и сокращения формантов. В случае обнаружения соответствия в рамках первичного рекурсивного сравнения *dans* (*манец / пляска*) по инвариантному тезаурусу данная лексема будет переводиться как существительное с процессуальным значением. Если то же слово обнаруживается в подгруп-

Таблица 3. Трансляционные вариативные соответствия (генерализованное значение / общеупотребительный оборот)

Table 3. Variable translation equivalents (generalized sense/common construct)

Исходная форма/основа	Соответствие в инвариантном тезаурусе основ	Трансляционное вариативное соответствие в общеупотребительном обороте	
		Позиционные изменения <i>et</i>	Позиционные изменения <i>al</i>
<i>tanış</i>	Знакомый <i>tandık</i>	<i>tanıtmak</i> познакомить	<i>tanudık olmak</i> быть знакомым
<i>hesap</i>	Счет / расчет <i>hesap</i>	<i>hesap etmek</i> считать	<i>hesap olmak</i> быть учетной записью / принимать в расчет
<i>dahil</i>	Внутренность <i>içeri</i>	<i>dahil etmek</i> включить / включать	–
<i>huzursuz/ rahat</i>	Суеулиый <i>telaşlı</i> / беспокойный <i>huzursuz</i>	<i>rahatsız etmek</i> беспокоить / тревожить	<i>rahatsız olmak</i> болеть / тревожить

пе *et* (деяельностное начало) и имеет форму *etmek* (*dans*), то оно определяется как глагольное соответствие и переводится как *танцевать / плясать* (*to dans*), то есть рекурсивное сравнение с перманентно пополняющимся инвариантным тезаурусом основ позволяет идентифицировать не только исходные лексические и грамматические значения, но и выбрать в трансляте соответствующие супертипические характеристики. Это дает возможность построить высказывание, адекватно передающее генерализованное значение с учетом конситуативных и контекстуальных условий.

Внеконтекстуальная интерпретация (самостоятельность значения) лексемы или ее принадлежность к общеупотребительному обороту фиксируется в рамках рекурсивного сравнения на основе компонентов когнитивно-коммуникативного синтаксиса совместно с алгоритмом инвариантного тезауруса.

Выводы

На основе анализа трансляционных соответствий в агглютинативных и флективных языках был разработан алгоритм поиска релевантных форм сохранения как лексического, так и грамматического значений сложных аффиксальных компонентов при производстве целевого высказывания средствами флективных языков. Алгоритм включает строго определенную последовательность шагов рекурсивного сравнения когнитивных и конситуативных элементов исходного высказывания с

вариативными формами, позволяющими пополнить инвариантный тезаурус или систему оперативной памяти *translation memory*. Всего алгоритм предполагает четырнадцать шагов с четырьмя рекурсивными и двумя рекурсивными отсылками, которые не имеют ограничений в повторяемости, но не ведут к увеличению количества операций.

В основе автоматизированной системы трансляции в парах разноструктурных языков (агглютинативный – флективный) лежит лексико-морфологический компаративный анализ, включающий алгоритм сравнения исходных текстовых форм с инвариантным тезаурусом основ. В процессе нивелировки барьеров синонимичности, омонимичности как основ, так и аффиксов в компаративный анализ включаются подмножества трех подгрупп распределения основ и дополнения инвариантного тезауруса. Окончательное снятие амфиболичности целевого высказывания производится в рамках введения в алгоритм анализа компонентов когнитивно-коммуникативного синтаксиса. В завершении рекурсивного спуска происходит сравнение исходных единиц с общеупотребительными оборотами в той или иной подгруппе на основе классификационного членения по позициям (например, *et*, *al*, нерегулярная подгруппа), после чего конечный элемент вводится в инвариантный тезаурус как набор необходимых и достаточных условий для использования его в трансляте. Именно последовательный рекурсивный спуск с возможностью сокращения формантных элементов и пополнения инвариантного тезауруса

основ и списка аффиксальных формантов дает возможность, не увеличивая количество прямых операций и оставаясь в рамках трех-членного формантного анализа, существенно повысить адекватность и эквивалентность целевой фразы во флективном оформлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бектаев К. Б., 1978. Статистико-информационная типология тюркского текста. Алма-Ата : Наука. 183 с.
- Большакова Е. И., Клышинский Э. С., Ландэ Д. В., Носков А. А., Пескова О. В., Ягунова Е. В., 2011. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика. М. : МИЭМ. 272 с.
- Бредихин С. Н., 2013. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3–1 (21). С. 29–33.
- Бредихин С. Н., 2017. Когнитивно-семантическая модель параметризованной актуализации фразовой основы // Когнитивные исследования языка. № 30. С. 419–422.
- Бредихин С. Н., Серебрякова С. В., 2016. Субъектно-объектная асимметрия при распознавании речи // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (49). С. 114–121. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-114-121
- Валентинова О. И., Рыбаков М. А., 2021. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвистичность и транскультурные практики. Т. 18, № 3. С. 234–244. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244
- Гирфанова А. Х., 2007. К проблеме слово- и формообразования в языках агглютинативного типа // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 3, № 1. С. 83–93.
- Дурст-Андерсен П. В., 1995. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. № 6. С. 30–42.
- Ксалов А. М., Гошкова Ф. М., Денисенко В. А., 2013. Разработка естественно-языкового интерфейса для мультиагентных систем, основанных на знаниях, на основе парсера агглютинативных языков // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 4 (54). С. 37–41.
- Орехов Б. В., Слободян Е. А., 2010. Проблемы автоматической морфологии агглютинативных языков и парсер башкирского языка // Информационные технологии и письменное наследие (EL'MANUSCRIPT-10) : материалы Междунар. науч. конф. (Ижевск, 28–31 октября 2010 г.). Уфа ; Ижевск : Вагант. С. 167–171.
- Пинес В. Я., 1974. Некоторые проблемы автоматического перевода и тюркские языки // Советская тюркология. № 3. С. 100–107.
- Рыбаков М. А., 2004. Внутренняя синтагматика словоформы и морфологические типы языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 6. С. 64–70.
- Семенов А. Л., 2008. Современные информационные технологии и перевод. М. : Академия. 224 с.
- Bredikhin S. N., Babayants V. V., Pelevina I. I., 2021. A Comprehensive Cognitive-Perceptual Model of Analysis for Contextually Determined Components of a Conceptualized Term // E3S Web of Conferences. Vol. 273, № 11038. DOI: 10.1051/e3sconf/202127311038
- Bredikhin S. N., Serebriakov A. A., 2019. The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Vol. LVIII, № 294. P. 2549–2557. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.294
- Fodor J. D., 1978. Parsing Strategies and Constraints on Transformations // Linguistic Inquiry. № 9. P. 93–133.
- Hakkani-Tür D., Tur G., Celikyilmaz A., Chen Y.-N., Gao J., Deng L., Wang Y.-Y., 2016. Multi-Domain Joint Semantic Frame Parsing Using Bi-Directional RNN-LSTM // Understanding Speech Processing in Humans and Machines. № 1 (5). P. 715–719. DOI: 10.21437/Interspeech.2016-402
- Konieczny L., Scheepers Ch., Hemforth B., Strube G., 1994. Semantikorientierte Syntaxverarbeitung // Kognitive Linguistik. Opladen : Westdeutscher Verlag. P. 129–158. DOI: 10.1007/978-3-663-05399-6_6
- Proudian D., Pollard C., 1985. Parsing Head-Driven Phrase Structure Grammar // ACL'85: Proceedings of the 23rd Annual Meeting on Association for Computational Linguistics (July 1985). P. 167–171. DOI: 10.3115/981210.981231
- Tanaka M. N., Branigan H. P., Pickering M. J., 2011. The Production of Head-Initial and Head-Final Languages // Processing and Producing Head-Final Structures. Vol. 38. Dordrecht ; N. Y. : Springer. P. 113–129. DOI: 10.1007/978-90-481-9213-7_6

REFERENCES

- Bektaev K. B., 1978. *Statistiko-informatsionnaya tipologiya tyurkskogo teksta* [Statistical and Informational Typology of the Turkic Text]. Alma-Ata, Nauka Publ. 183 p.

- Bolshakova E.I., Klyshinskiy E.S., Lande D.V., Noskov A.A., Peskova O.V., Yagunova E.V., 2011. *Avtomaticheskaya obrabotka tekstov na estestvennom yazyke i kompyuternaya lingvistika* [Automatic Text Processing in Natural Language and Computational Linguistics]. Moscow, MIEM Publ. 272 p.
- Bredikhin S.N., 2013. Lingvokulturologicheskiy aspekt smysloporozhdeniya na grammaticheskom urovne [Linguo-Culturological Aspect of Sense Creation on Grammatical Level]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 3–1 (21), pp. 29–33.
- Bredikhin S.N., 2017. Kognitivno-semanticheskaya model parametrizovannoy aktualizatsii frazovoy osnovy [Cognitive-Semantic Model of Parameterized Phrase Head Attachment]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 30, pp. 419–422.
- Bredikhin S.N., Serebryakova S.V., 2016. Subyektno-obyektnaya asimmetriya pri raspoznavanii rechi [Subject-Object Asymmetry in Speech Recognition]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4 (49), pp. 114–121. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-114-121
- Valentinova O.I., Rybakov M.A., 2021. Logika determinantnogo analiza agglutinativnykh i flektivnykh yazykov (chast vtoraya) [Logic of Determinative Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages (Part 2)]. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], vol. 18, no. 3, pp. 234–244. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244
- Girfanova A.Kh., 2007. K probleme slovo- i formoobrazovaniya v yazykakh agglutinativnogo tipa [On the Problem of Word- and Form Formation in Agglutinative Languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], vol. 3, no. 1, pp. 83–93.
- Durst-Andersen P.V., 1995. Mentalnaya grammatika i lingvisticheskie supertipy [Mental Grammar and Linguistic Supertypes]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 30–42.
- Ksalov A.M., Goshokova F.M., Denisenko V.A., 2013. Razrabotka estestvenno-yazykovogo interfeysa dlya multiagentnykh sistem, osnovannykh na znaniyakh, na osnove parsera agglutinativnykh yazykov [Development of a Natural-Language Interface for Knowledge Based Multi-Agent Systems Based on the Parsing of Agglutinative Languages]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS], no. 4 (54), pp. 37–41.
- Orekhov B.V., Slobodyan E.A., 2010. Problemy avtomaticheskoy morfologii agglutinativnykh yazykov i parser bashkirskogo yazyka [Problems of Automatic Morphology of Agglutinative Languages and Bashkir Language Parser]. *Informatsionnye tekhnologii i pismennoe nasledie (EL'MANUSCRIPT-10): materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Izhevsk, 28–31 oktyabrya 2010 g.)* [Information Technologies and Written Heritage (EL'MANUSCRIPT-10). Proceedings of the International Scientific Conference (Izhevsk, October 28–31, 2010)]. Ufa, Izhevsk, Vagant Publ., pp. 167–171.
- Pines V.Ya., 1974. Nekotorye problemy avtomaticheskogo perevoda i tyurkskie yazyki [Some Problems of Automatic Translation and Turkic Languages]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], no. 3, pp. 100–107.
- Rybakov M.A., 2004. Vnutrennyaya sintagmatika slovoformy i morfologicheskie tipy yazykov [Internal Syntagmatics of the Word Form and Morphological Types of Languages]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 6, pp. 64–70.
- Semenov A.L., 2008. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i perevod* [Modern Information Technologies and Translation]. Moscow, Akademiya Publ. 224 p.
- Bredikhin S.N., Babayants V.V., Pelevina I.I., 2021. A Comprehensive Cognitive-Perceptual Model of Analysis for Contextually Determined Components of a Conceptualized Term. *E3S Web of Conferences*, vol. 273, no. 11038. DOI: 10.1051/e3sconf/202127311038
- Bredikhin S.N., Serebriakov A.A., 2019. The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, vol. LVIII, no. 294, pp. 2549–2557. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.294
- Fodor J.D., 1978. Parsing Strategies and Constrains on Transformations. *Linguistic Inquiry*, no. 9, pp. 93–133.
- Hakkani-Tür D., Tur G., Celikyilmaz A., Chen Y.-N., Gao J., Deng L., Wang Y.-Y., 2016. Multi-Domain Joint Semantic Frame Parsing Using Bi-Directional RNN-LSTM. *Understanding Speech Processing in Humans and Machines*, no. 1 (5), pp. 715–719. DOI: 10.21437/Interspeech.2016-402

Konieczny L., Scheepers Ch., Hemforth B., Strube G., 1994. Semantikorientierte Syntaxverarbeitung. *Kognitive Linguistik*. Opladen, Westdeutscher Verlag, pp. 129-158. DOI: 10.1007/978-3-663-05399-6_6

Proudian D., Pollard C., 1985. Parsing Head-Driven Phrase Structure Grammar. *ACL85: Proceedings of the 23rd Annual Meeting on Association for*

Computational Linguistics (July 1985), pp. 167-171. DOI: 10.3115/981210.981231

Tanaka M.N., Branigan H.P., Pickering M.J., 2011. The Production of Head-Initial and Head-Final Languages. *Processing and Producing Head-Final Structures*, vol. 38. Dordrecht, New York, Springer, pp. 113-129. DOI: 10.1007/978-90-481-9213-7_6

Information About the Authors

Sergey N. Bredikhin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Stanislav G. Sidorenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, samuels@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-869X>

Информация об авторах

Сергей Николаевич Бредихин, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Станислав Геннадьевич Сидоренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Россия, samuels@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-869X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.5>

UDC 81'25:37
ЛБС 81.19

Submitted: 10.01.2023
Accepted: 03.04.2023

SYNTHESIZING STAGE IN THE ACTIVITIES OF AN INDUSTRY TRANSLATOR: BRANCH DETERMINATION AND TECHNOLOGY FOR FORMING REQUIRED COMPETENCES

Nataliya N. Gavrilenko

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. In the article, using the activity approach developed in the works of A.N. Leontiev, translation is presented as a three-level succession of actions, including orientation and translation solution choice, its embodiment, coordinating the result obtained with the decision made. The synthesizing stage in the activity of an industry translator, within which the switching from the source language to the target language and the creation of the translated text is carried out, is considered in conjunction with the synthesizing stage of training in translation specialties in higher educational institutions. Existing in translation studies grounds enabled the author to show that the basis for translation text generation, including the selection of language means, is the image of the source text (its concept, meaning), which the translator must recreate in the translation text. Translation objectives that are relevant at this stage of professional activity are identified. The skills and abilities of a professional industry translator, which are necessary for performing the tasks, are characterized. It is substantiated that in order to form professional translation competence at the synthesizing stage of training, in addition to the disciplines provided for by the basic part of educational programs, it is necessary to introduce some new special disciplines into the training program.

Key words: industry translation, synthesizing stage, translation text generation, concept, learning technologies, activity approach, translation studies.

Citation. Gavrilenko N.N. Synthesizing Stage in the Activities of an Industry Translator: Branch Determination and Technology for Forming Required Competences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 57-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.5>

УДК 81'25:37
ББК 81.19

Дата поступления статьи: 10.01.2023
Дата принятия статьи: 03.04.2023

СИНТЕЗИРУЮЩИЙ ЭТАП В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТРАСЛЕВОГО ПЕРЕВОДЧИКА: ДЕТЕРМИНАЦИЯ ОТРАСЛИ И ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НЕОБХОДИМЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Наталья Николаевна Гавриленко

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье на основе деятельностного подхода, который разработан в трудах А.Н. Леонтьева, перевод представлен как трехуровневая цепочка действий: ориентировка и поиск переводческого решения, реализация принятого решения, сверка полученного результата с принятым решением. Синтезирующий этап в деятельности отраслевого переводчика, предполагающий переключение с исходного языка на язык перевода и создание текста перевода, рассмотрен во взаимосвязи с синтезирующим этапом обучения по переводческим специальностям в высших учебных заведениях. С опорой на существующие в переводоведении концепции показано, что основой порождения текста перевода, включающего и отбор языковых средств, выступает образ исходного текста (его концепт, смысл), который переводчик должен воссоздать в тексте перевода. Выявлены переводческие задачи, актуальные на этом этапе профессиональной деятельности. Охарактеризованы умения и навыки профессионального отраслевого переводчика, необходимые для решения

этих задач. Обосновано, что для формирования профессиональной переводческой компетентности на синтезирующем этапе обучения помимо дисциплин, предусмотренных в базовой части образовательных программ, необходимо ввести новые специальные курсы.

Ключевые слова: отраслевой перевод, синтезирующий этап, порождение текста перевода, концепт, технологии обучения, деятельностный подход, переводоведение.

Цитирование. Гавриленко Н. Н. Синтезирующий этап в деятельности отраслевого переводчика: детерминация отрасли и технология формирования необходимых компетенций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 57–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.5>

Введение

Актуальная проблема практикоориентированной подготовки переводчиков связана с проблемой структурирования переводческой деятельности.

Вопросы этапности профессиональной деятельности переводчика освещены в работах многих исследователей. В большинстве публикаций выделяются два этапа: получение информации переводчиком и ее последующая передача получателю [Ейгер, Юхт, 1975; Львовская, 2008; Миньяр-Белоручев, 1996; Федоров, 2002; Швейцер, 1988; Lederer, 1994; и др.]. На каждом из них решается ряд конкретных задач:

– на первом этапе (аналитическом) происходит понимание смыслового содержания исходного текста, его прагматического компонента, прогнозирование трудностей, которые могут возникнуть при понимании получателем перевода концептуальной программы исходного текста;

– на втором этапе (синтезирующем) осуществляется порождение переводного текста (ПТ): определяется стратегия предстоящего перевода, поиск эквивалентов, создание, проверка / корректировка текста перевода [Львовская, 2008, с. 175–176].

В переводоведении представлены и более сложные модели перевода, авторы которых выделяют четыре и более этапов этой профессиональной деятельности [Бенедиктов, 1972; Дридзе, 1996; Крупнов, 2009].

Многие переводоведы полагают, что в деятельности переводчика существует момент, не поддающийся наблюдению, – смена кода [Зимняя, Ермолович, 1981; Миньяр-Белоручев, 1996; Seleskovitch, 1993; и др.]. Иногда такую смену кода называют «собственно переводом».

Отраслевой перевод мы будем рассматривать как профессиональную деятельность, которая представляет собой цепочку действий (А.Н. Леонтьев), расположенных на трех уровнях: на первом из них происходит ориентировка и поиск решения, на втором осуществляется принятое решение, на третьем проводится сверка полученного результата с принятым решением. Данные уровни переводческой деятельности коррелируют с этапами создания текста перевода и с этапами подготовки (обучения) переводчиков.

Согласно логике рассуждений А.Н. Леонтьева, последовательность действий отраслевого переводчика следующая: на первом уровне он должен выбрать план действий, понять и интерпретировать исходный текст (ИТ) с точки зрения предполагаемого получателя текста перевода и выработать стратегию предстоящего перевода [Иювенко, 2005] (ориентировку и поиск решения перевода переводчик может осуществлять уже в ходе беседы с заказчиком перевода). На втором уровне отраслевой переводчик принимает решение и создает текст перевода (ПТ). На третьем осуществляет контроль созданного текста перевода и его сопоставление с выработанной на первом уровне стратегией.

Формирование компетенций отраслевых переводчиков отражает логику реализации их профессиональной деятельности, поэтому Д. Кирай справедливо полагает, что переводческая компетентность строится не по фрагментам через освоение знаний, а формируется через участие в реальном процессе перевода [Király, Hansen-Schirra, Maksymski, 2013, p. 203].

Материал и методы

В работе используются техники лингвопрагматического и транслатологического

анализа в комбинации с инструментами интегративного подхода к исследованию перевода как процесса и деятельности, включающего методологию смежных с переводоведением наук: психологии, когнитивистики, дидактики и др. Изучение деятельности переводчика осуществляется с применением деятельностного и дискурсивного подходов, что необходимо для осмысления решений, принимаемых в процессе создания текста для заданной отрасли. Материалом исследования выступают разработанные автором тексты программ дополнительного образования, ориентированных на подготовку отраслевых переводчиков («Переводчик в сфере профессиональной коммуникации») и контент профессионального стандарта «Специалист в области перевода».

Результаты и обсуждение

Синтезирующий этап отраслевого перевода

На синтезирующем этапе профессиональной деятельности отраслевого переводчика происходит смена кода, переключение с иностранного языка на родной. Механизм переключения кода представляет собой «умение осуществлять автоматизированные операции по поиску и реализации решения на перекодирование предъявленной для передачи единицы текста» [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 194].

Именно это умение отличает профессионального переводчика, который как бы накладывает семантическое поле одного языка на семантическое поле другого языка, от обычного билингва [Миньяр-Белоручев, 1996]. Исследователи отмечают профессиональную направленность переключения кода в деятельности переводчика, которое подчинено ее цели – эффективной передаче информации исходного текста на языке перевода и объединяет лингвокультурное переключение и переключение видов речевой деятельности [Емельянова, 2013].

Для обучения отраслевому переводу (во многих исследованиях в качестве синонима используются номинации «профессионально ориентированный перевод» или «перевод в

сфере профессиональной коммуникации», которые отражают связь данной деятельности с конкретной предметной областью) необходимо, чтобы у студентов, начинающих освоение профессии переводчика, были сформированы умения перевода как одного из видов речевой деятельности.

Анализируя процессы понимания (аналитический этап) и создания текстов (синтезирующий этап), исследователи выделяют общие механизмы: мотивация и замысел высказывания; реализация замысла; сопоставление реализации с замыслом. Несмотря на это, процесс порождения текста перевода сложнее, чем процесс понимания и интерпретации исходного текста. Основой порождения текста перевода выступает образ исходного текста (его концепт, смысл), который переводчик должен воссоздать в тексте перевода, сохранив логическое построение оригинала. На синтезирующем этапе образ / концепт исходного текста обуславливает отбор языковых средств, которые переводчик будет использовать в тексте перевода. Если задача переводчика на аналитическом этапе – уяснить точный смысл и интенции автора исходного текста, то на синтезирующем этапе – подобрать эквиваленты в языке перевода, соответствующие двум культурам, знаниям отправителя и получателя, ситуации, в которой создавался исходный текст, и ситуации, в которой будет использован текст перевода. Для успешного решения такой задачи он должен представить понимание текста перевода будущим получателем, учесть дискурсивные и жанровые характеристики создаваемого текста перевода. Тексты по специальности могут выполнять несколько коммуникативных функций: информировать получателя, выражать определенный взгляд на представленные проблемы, опровергать или критиковать чью-либо точку зрения (при этом, отстаивая свое мнение, отправитель может использовать эмоционально окрашенную лексику).

На синтезирующем этапе отраслевого переводчик окончательно определяет стратегию предстоящего перевода. Он реализует, прежде всего, не собственную внутреннюю программу, а ту, которая уже была ранее сформирована автором исходного текста [Минченков, 2008]. При одноязычном общении внут-

ренная программа высказывания имеет обобщенный вид, который может быть вербализован разными языковыми средствами. При общении посредством перевода, как указывал В.Н. Комиссаров, «мысль уже сформирована в оригинале и должна быть с максимально возможной точностью воспроизведена в переводе. А для этого необходимо развертывать программу не любыми возможными способами, а лишь такими, которые обеспечивают необходимую степень точности» [Комиссаров, 1997, с. 11].

Эту программу исследователи перевода представляют по-разному. Так, по мнению З.Д. Львовской, программа действий переводчика включает разработку стратегии перевода, поиск эквивалентов, порождение ПТ, проверку / самокоррекцию сделанного перевода [Львовская, 2008, с. 176].

В исследованиях предлагается и более расширенный состав действий, который представлен как пошаговая процедура принятия и обоснования переводческого решения. Сначала переводчик определяет «переводчески релевантные особенности картины мира в двух языках» [Грамматические аспекты перевода, 2012, с. 140], к которым исследователи относят культурно-обусловленные компоненты и структурные особенности языков. Затем переводчик выбирает стратегию перевода, соответствующую первому шагу. В завершении процесса переводчик устанавливает формально-грамматические и структурные «соответствия на основе общелогических операций опущения / восстановления», к которым авторы относят замены и перегруппировки семантических (и формальных) компонентов [Грамматические аспекты перевода, 2012, с. 143].

Введение в терминологический аппарат переводоведения понятия «концепт» позволило исследователям предположить, что концепт (смысл) соотносится с вербальными единицами в исходном тексте, которые активизируют друг друга, чтобы затем быть выраженным в тексте перевода новой вербальной единицей [Фесенко, 2002, с. 134]. Отметим, что для успешного перевода у специалиста должны быть сформированы этнокультурные стереотипы, то есть он должен знать систему родного языка, обладать фоновыми знаниями, уметь применять конвен-

циональные правила и соотносить их с коммуникативной ситуацией, в которой происходит общение.

На способ и успешность процесса перевода влияют типы языковых способностей переводчика [Масленникова, 2012; Фесенко, 2002]. В исследовании А.В. Дьячкова доказано, что представители «художественного» типа при выполнении перевода «опираются на интуитивное схватывание смысла языковой конструкции, ярких образных выражений» [Дьячков, 2017, с. 9], легко передавая эмоционально окрашенные элементы, при этом они допускают логические и грамматические ошибки. Переводчики «мыслительного» типа могут «при переводе опираться на анализ языковой задачи, систематизацию данных» [Дьячков, 2017, с. 9]. У такого типа переводчиков хорошо развито отвлеченно-словесное мышление. Они уделяют чрезмерное внимание языковым конструкциям, им свойственна стереотипность ответов [Дьячков, 2017, с. 9]. Очевидно, что для отраслевого / специального перевода предпочтительнее переводчики «мыслительного» типа, тогда как для перевода литературных произведений – переводчики «художественного» типа.

Долгое время считалось, что при создании текста перевода переводчик остается «невидимкой», что на текст перевода не влияет стиль переводчика, его когнитивный и лингвистический багаж, жизненный опыт. Сегодня исследователи доказали, что, хочет того переводчик или нет, но он оставляет свой след в тексте перевода. При любом профессиональном переводе происходит некоторое приращение смысла, которое обусловлено языковой картиной мира переводчика. Глубинный смысл исходного текста формируется именно в поле переводчика. По словам В.И. Кушнина и М.С. Силантьева, «в этом заключается синергетический эффект процесса перевода, т. к. в переводческом пространстве в каждом из полей формируется и осознается свой смысл, а интегральный смысл не есть сумма всех смыслов, но их синергия, их новое качество» [Кушнина, Силантьева, 2010, с. 74].

Один и тот же текст может иметь множество вариантов перевода. Основными причинами такой «множественности», по мнению Е.В. Мордовской, выступают:

- интерпретация текста переводчиками, имеющими различный когнитивный багаж;
- различное значение слов в двух языках;
- выбор переводчиком стратегии перевода для максимального приближения когнитивного багажа автора и получателя текста перевода;

- недостаточный уровень владения иностранным языком [Мордовская, 2006].

Как отмечалось ранее, отраслевому переводчику важно знать, кому предназначен текст. Если текст перевода предназначен для эксперта в данной области знаний (ученый, инженер, техник, оператор и т. д.), то, как отмечает К. Бедар, его получатель терпимо отнесется к эллипсису, импликациям, двусмысленности и т. д., так как он хорошо знает контекст и ему часто не хватает для понимания лишь некоторых элементов (последовательность операций, новая характеристика и т. д.). Эксперт может спокойно принять незначительные отклонения от исходного текста, оставаясь в то же время очень требовательным к содержанию текста перевода. Если текст перевода адресован обучающемуся (любому человеку, который хочет получить дополнительные знания, чтобы стать экспертом), то для него текст будет обладать высокой плотностью новых элементов. В этом случае для текста перевода важны такие характеристики, как ясность и прозрачность изложения [Bédart, 1986].

Одним из определяющих факторов в процессе отраслевого перевода выступает «коммуникативная ситуация», достаточно полно описанная в научной литературе. К основным факторам, обуславливающим создание текста перевода, исследователи относят цель общения, условия, которые побудили автора к созданию исходного текста, и коммуникативный портрет реципиента.

Суммируя изложенное, предполагаем, что на этапе создания текста перевода переводчик должен учитывать лингвистический, прагматический, социокультурный, предметный потенциал отправителя исходного текста и получателя текста перевода, а также адекватно передавать дискурсивные и жанровые характеристики исходных текстов в языке перевода, учитывая коммуникативные ситуации, в которых был создан исходный текст и будет использоваться текст перевода.

Технологии формирования компетенций для деятельности на синтезирующем этапе отраслевого перевода

Переводческая деятельность на синтезирующем этапе может быть осуществлена переводчиком, компетенции которого адекватны решаемым задачам. Укажем на значимые моменты дидактического процесса, ориентированные на формирование компетенций, и спроецируем содержание учебных курсов на достижение знаний, умений, навыков, актуальных на обсуждаемом этапе переводческой деятельности.

1. При обучении будущих переводчиков созданию текста перевода целесообразно использовать тексты разных жанров, прежде всего, общенаучного и узкоспециального дискурса. В результате обучения у студента формируются навыки переключения с одного языка на другой, подбора эквивалентов, терминологических соответствий, так как перевод узкоспециального дискурса требует от будущего переводчика углубленного поиска необходимой информации.

2. Подготовка в области отраслевого перевода выступает основой операциональной компетенции, позволяющей использовать адекватные приемы перевода для создания текста перевода.

3. Компетенция в области теории отраслевого перевода соответствует позиции А.В. Федорова, который полагал, что необходимо разрабатывать различные теории перевода с учетом его видов (устный / письменный) и типов (художественный / специальный / публицистический), а также определенной пары языков [Федоров, 2002]. Формированию данной составляющей компетентности отраслевого переводчика призван служить спецкурс «Теория отраслевого перевода», максимально ориентированный на подготовку такого специалиста.

4. На данном этапе обучения важно формировать дискурсивную составляющую профессиональной компетентности отраслевого переводчика. Взгляд на текст с дискурсивных позиций дает возможность рассматривать исходный текст в историческом, социокультурном и ситуативном контексте, то есть ана-

лизировать максимальное количество факторов, повлиявших на его создание, чтобы отразить их в тексте перевода. Дискурсивный подход, ставший достаточно распространенным в дидактике переводческой деятельности, обуславливает необходимость знакомства студентов с дискурсивными жанрами, типичными для деятельности отраслевого переводчика. Проведенные нами опросы практикующих отраслевых переводчиков позволили определить жанры, чаще всего встречающиеся в их деятельности, и расположить их в зависимости от возрастания трудности перевода:

– типичные жанры для письменного перевода: *инструкция, патент, раздел веб-сайта, реферат, статья*;

– типичные жанры для устного перевода – *сообщение, стендовый доклад, торжественная речь, дискуссия, выступление* [Гавриленко, 2021].

Реализации данных дидактических установок способствуют значимые в подготовке отраслевого переводчика учебные курсы.

Спецкурс «Практический курс специального / отраслевого перевода»

Цель курса: сформировать профессиональную компетентность отраслевого переводчика в письменном и устном видах перевода.

Задачи курса соответствуют трудовым функциям, определяемым профессиональным стандартом «Специалист в области перевода» [Профессиональный стандарт...] и предполагают формирование умений и навыков, применимых на синтезирующем этапе письменного перевода типовых официально-деловых документов с использованием традиционных и специализированных инструментальных средств (систем машинного перевода, переводческой памяти), устного сопроводительного перевода.

В содержание данного курса входит технологическая компетенция переводчика, которую исследователи называют инструментальной [РАСТЕ, 2007], технической [Комиссаров, 1997], переводческой [Mareschal, 2005], вкладывая в данное понятие одинаковый смысл. Многочисленные приемы перевода достаточно полно описаны в исследованиях (см., на-

пример: [Бархударов, 1975; Ковалева, 2001; Комиссаров, 1980; Миньяр-Белоручев, 1996]). К ним относятся транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация / генерализация, членение / объединение предложений, антонимический перевод, описательный перевод, грамматическая замена, комментарии, компенсация и др. Исходя из вышеизложенного, технологическую компетенцию отраслевого переводчика возможно определить как готовность и способность создавать адекватное воспроизведение высказывания на языке перевода, используя совокупность переводческих процедур и приемов.

Спецкурс «Теория специального / отраслевого перевода»

Цель курса: формирование переводческих знаний и умений в области переводоведения применительно к основной специальности студентов.

Задачи курса: формирование теоретической компетенции в области профессиональной деятельности отраслевого переводчика. Необходимо научить студентов анализировать и понимать специальный дискурс, его средства, категории, прагматику. Важным представляется знакомство студентов с профессиональной средой, в которой происходит деятельность самого отраслевого переводчика – с его рабочим местом, информационными технологиями, которые он может использовать в своей деятельности.

Спецкурс «Основы терминографии»

Цель курса: научить студентов работать с терминологией, проводить терминологический поиск, составлять собственный терминологический словарь.

Задачи курса: формирование умений осуществлять перевод термина в контексте, использовать различные специализированные справочники, толковые словари. Полученные определения термина заносятся в собственный глоссарий, который содержит такие сведения о термине, как грамматические характеристики, сочетаемость термина с глаголами, прилагательными, возможные сокращения термина и т. д. [Гавриленко, 2021].

Терминологические карты, создаваемые в процессе обучения, могут изменяться и дополняться, служить в дальнейшем основой профессионального глоссария. Глоссарии используются и в системах переводческой памяти. Составление терминологической карты позволяет находить и анализировать термин не изолированно, а в контексте.

*Спецкурс «Компьютерная поддержка
отраслевого перевода»*

Цель курса: формирование цифровой технологической компетенции переводчика.

Задачи курса: научить использовать электронные словари, базы данных; системы машинного перевода при переводе некоторых стандартизованных жанров, как, например, патент или инструкция; использовать САТ системы (Computer Aided-Translationtools), которые обеспечивают работу на базе «памяти переводов» (Translation Memory).

*Спецкурс «Курс
русского специального языка
для переводчиков»*

Цель курса: формирование стилистической компетенции отраслевого переводчика, ориентированной на владение научным стилем и соблюдение культурноречевых норм деловой коммуникации.

Задачи курса: формирование умений и навыков, актуальных на синтезирующем этапе переводческой деятельности, результатом которой становится создание текста перевода, соответствующего требованиям заданного стиля и норм коммуникативного регистра.

Заключение

В основу предложенной технологии формирования переводческой компетенции на синтезирующем этапе кроме традиционного лингвистического подхода к деятельности переводчика положен интегративный подход, позволяющий осуществлять обучение переводу с рамках деятельностного и дискурсивного подходов. Осмысление синтезирующего этапа переводческой деятельности сквозь призму ее детерминированности факторами

отрасли и технологий формирования компетенций, необходимых для создания текста перевода, дает обоснование корреляции выполнения специального, отраслевого перевода с завершающим этапом подготовки переводчиков.

Предлагаемая последовательность обучения посредством спецкурсов отражает опыт автора в том, как пошагово формировать профессиональную компетентность отраслевого переводчика в процессе решения конкретных переводческих задач. При решении каждой профессиональной задачи формируется комплекс знаний, которые составляют основу действий и умений в конкретных условиях, имитирующих профессиональную деятельность отраслевого переводчика. Синтезирующий этап переводческой деятельности, на котором создается текст перевода, становится, таким образом, не только результатом конкретного процесса перевода, но и итогом долгого пути становления отраслевого переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархударов Л. С., 1975. Язык и перевод : (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международ. отношения. 240 с.
- Бенедиктов Б. А., 1972. Общие и темпоральные особенности устного перевода и владения языками : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Л. 46 с.
- Гавриленко Н. Н., 2021. Основы дидактики переводческой деятельности: специальный / отраслевой перевод. М. : Флинта. 560 с.
- Грамматические аспекты перевода : учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования, 2012 / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемишева, К. С. Карданова [и др.]. М. : Издат. центр «Академия». 240 с.
- Дридзе Т. М., 1996. Перевод как текстовая деятельность: основания и предметная область семиосоциопсихологической теории коммуникации // Язык. Поэтика. Перевод. М. : Изд-во МГЛУ. Вып. 426. С. 54–65.
- Дьячков А. В., 2017. Индивидуально-типологические особенности переводческой деятельности как проявления языковых способностей (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М. 22 с.
- Ейгер Г. В., Юхт В. Л., 1975. О понимании текста переводчиком // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков : материалы

- Всесоюз. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 1. М. : Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца. С. 142–144.
- Емельянова Я. Б., 2013. Лингвокультурное переключение и основы его функционирования при переводе // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (138). С. 153–158.
- Зимняя И. А., Ермолович В. И., 1981. Психология перевода (для Высших курсов переводчиков). М. : Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца. 99 с.
- Иовенко В. А., 2005. Теоретический курс перевода испанского языка. Испанский язык. М. : ЧеРо. 132 с.
- Ковалева К. И., 2001. Оригинал и перевод: два лица одного текста. М. : Всерос. центр переводов. 98 с.
- Комиссаров В. Н., 1980. Лингвистика перевода. М. : Междунар. отношения. 160 с.
- Комиссаров В. Н., 1997. Теоретические основы методики обучения переводу. М. : Рема. 110 с.
- Крупнов В. Н., 2009. Гуманитарный перевод : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Издат. центр «Академия». 160 с.
- Кушнина В. И., Силантьева М. С., 2010. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник «Российская и зарубежная филология». Вып. 6 (12). С. 71–75.
- Львовская З. Д., 2008. Современные проблемы перевода. М. : Изд-во ЛКИ. 244 с.
- Масленникова Е. М., 2012. Художественный перевод: модели и моделирование. Тверь : Твер. гос. ун-т. 184 с.
- Минченков А. Г., 2008. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 319 с.
- Миньяр-Белоручев Р. К., 1996. Теория и методы перевода. М. : Моск. лицей. 208 с.
- Мордовская Е. В., 2006. Особенности перевода когнитивных пространств в структуре знаний говорящего : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 181 с.
- Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода». URL: <https://www.gavrilenkonp.ru/uploads/2021/04/prikaz.pdf>
- Федоров А. В., 2002. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Издат. дом «Филология три». 416 с.
- Фесенко Т. А., 2002. Специфика национально-культурного пространства в зеркале перевода : учеб. пособие. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. 228 с.
- Швейцер А. Д., 1988. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука. 216 с.
- Bédart C., 1986. La traduction technique: principes et pratique. Montréal : Linguatex. 254 p.
- Király D., Hansen-Schirra S., Maksymski K., 2013. New Prospects and Perspectives for Educating Language Mediators. Tübingen : Narr. 229 p.
- Lederer M., 1994. La traduction aujourd'hui. Paris : Hachette, F.L.E. 224 p.
- Mareschal G., 2005. Enseignement de la traduction au Canada // Meta: Teaching Translation Throughout the World. Vol. 50, № 1. P. 250–262.
- PACTE, 2007. Une recherche empirique expérimentale sur la compétence de traduction // Quelle qualification pour les traducteurs? / ed. by D. Gouadec. Paris : La Maison du dictionnaire. P. 95–116.
- Seleskovitch D., 1993. De l'expérience aux concepts // Interpréter pour traduire / D. Seleskovitch, M. Lederer. Paris : Didier Erudition. P. 72–103.

REFERENCES

- Barkhudarov L.S., 1975. *Yazyk i perevod: (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and Translation (Issues of General and Particular Theory of Translation)]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ. 240 p.
- Benediktov B.A., 1972. *Obshchiye i temporalnye osobennosti ustnogo perevoda i vladeniya yazykami: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [General and Temporal Features of Interpretation and Language Proficiency. Dr. ped. sci. abs. diss.]. Leningrad. 46 p.
- Gavrilenko N.N., 2021. *Osnovy didaktiki perevodcheskoy deyatel'nosti: spetsialnyy / otraslevoy perevod* [Fundamentals of Didactics of Translation Activity: Special/Technical Translation]. Moscow, Flinta Publ. 560 p.
- Suleymanova O.A., Beklemisheva N.N., Kardanova K.S. et al., 2012. *Grammaticheskiye aspekty perevoda: ucheb. posobiye dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya* [Grammar Aspects of Translation. Textbook for Students of Institutions of Higher Prof. Education]. Moscow, Izdat. tsentr «Akademiya». 240 p.
- Dridze T.M., 1996. *Perevod kak tekstovaya deyatel'nost: osnovaniya i predmetnaya oblast semiosotsiopsikhologicheskoy teorii kommunikatsii* [Translation as a Textual Activity: Foundations and Subject Area of the Semiosocial and Psychological Theory of Communication]. *Yazyk. Poetika. Perevod* [Language. Poetics. Translation]. Moscow, Izd-vo MGLU, iss. 426, pp. 54–65.
- Dyachkov A.V., 2017. *Individualno-tipologicheskiye osobennosti perevodcheskoy deyatel'nosti kak proyavleniya yazykovykh sposobnostey (na materiale angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Individual-Typological

- Features of Translation Activity as a Manifestation of Language Abilities (On the Material of the English Language). Cand. psychol. sci. abs. diss.]. Moscow, 22 p.
- Yeyger G.V., Yukht V.L., 1975. O ponimaniy teksta perevodchikom [On the Understanding of the Text by a Translator]. *Teoriya perevoda i nauchnye osnovy podgotovki perevodchikov: materialy Vsesoyuz. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 1* [Theory of Translation and the Scientific Basis for the Training of Translators. Proceedings of the All-Union Scientific Conference. In 2 Pts. Pt. 1]. Moscow, Izd-vo MGPIYA im. M. Toreza, pp. 142-144.
- Yemelyanova Ya.B., 2013. Lingvokulturnoye pereklyucheniye i osnovy ego funktsionirovaniya pri perevode [Linguistic and Cultural Switching and the Basics of Its Functioning in Translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 10 (138), pp. 153-158.
- Zimnyaya I.A., Yermolovich V.I., 1981. *Psikhologiya perevoda (dlya Vysshikh kursov perevodchikov)* [Psychology of Translation (For the Higher Courses of Translators)]. Moscow, Izd-vo MGPIYA im. M. Toreza. 99 p.
- Iovenko V.A., 2005. *Teoreticheskiy kurs perevoda ispanskogo yazyka. Ispanskiy yazyk* [Theoretical Course of Spanish Translation. Spanish Language]. Moscow, CheRo Publ. 132 p.
- Kovaleva K.I., 2001. *Original i perevod: dva litsa odnogo teksta* [Original and Translation: Two Faces of One Text]. Moscow, Vseros. tsentr perevodov. 98 p.
- Komissarov V.N., 1980. *Lingvistika perevoda* [Linguistics of Translation]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ. 160 p.
- Komissarov V.N., 1997. *Teoreticheskiye osnovy metodiki obucheniya perevodu* [Theoretical Foundations of the Methodology of Teaching Translation]. Moscow, Rema Publ. 110 p.
- Krupnov V.N., 2009. *Gumanitarnyy perevod: ucheb. posobiye dlya studentov vyssh. ucheb. zavedeniy* [Humanitarian Translation. Textbook for Students of Higher Education Institutions]. Moscow, Izdat. tsentr «Akademiya». 160 p.
- Kushnina V.I., Silant'yeva M.S., 2010. Yazykovaya lichnost perevodchika v svete kontseptsii perevodcheskogo prostranstva [Linguistic Personality of the Translator in the Light of the Concept of Translation Space]. *Vestnik «Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya»* [Russian and Foreign Philology], iss. 6 (12), pp. 71-75.
- Lvovskaya Z.D., 2008. *Sovremennyye problemy perevoda* [Modern Problems of Translation]. Moscow, Izd-vo LKI. 244 p.
- Maslennikova Ye.M., 2012. *Khudozhestvennyy perevod: modeli i modelirovaniye* [Literary Translation: Models and Modeling]. Tver, Tver. gos. un-t. 184 p.
- Minchenkov A.G., 2008. *Kognitivno-evristicheskaya model' perevoda (na materiale angliyskogo yazyka): dis. ... d-ra philol. nauk* [Cognitive-Heuristic Model of Translation (On the Material of the English language). Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 319 p.
- Minyar-Beloruhev R.K., 1996. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and Methods of Translation]. Moscow, Mosk. litsey Publ. 208 p.
- Mordovskaya Ye.V., 2006. *Osobennosti perevoda kognitivnykh prostranstv v structure znaniy govoryashchego: dis. ... kand. filol. nauk* [Peculiarities of the Translation of Cognitive Spaces in the Structure of the Speaker's Knowledge. Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk. 181 p.
- Professionalnyy standart «Spetsialist v oblasti perevoda»* [Professional Standard “Specialist in Translation”]. URL: <https://www.gavrilenko-nn.ru/uploads/2021/04/prikaz.pdf>
- Fedorov A.V., 2002. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskiye problemy)* [Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU; Moscow, Izdat. dom «Filologiya tri». 416 p.
- Fesenko T.A., 2002. *Spetsifika natsionalno-kulturnogo prostranstva v zerkale perevoda: ucheb. posobiye* [The Specificity of the National Cultural Space in the Mirror of Translation. Textbook]. Tambov, Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina. 228 p.
- Shveytser A.D., 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Bédart C., 1986. *La traduction technique: principes et pratique*. Montréal, Linguatex. 254 p.
- Király D., Hansen-Schirra S., Maksymski K., 2013. *New Prospects and Perspectives for Educating Language Mediators*. Tübingen, Narr. 229 p.
- Lederer M., 1994. *La traduction aujourd'hui*. Paris, Hachette, F.L.E. 224 p.
- Mareschal G., 2005. Enseignement de la traduction au Canada. *Meta: Teaching Translation Throughout the World*, vol. 50, no. 1, pp. 250-262.
- Gouadec D., ed., 2007. PACTE. Une recherche empirique expérimentale sur la compétence de traduction. *Quelle qualification pour les traducteurs?* Paris, La Maison du dictionnaire, pp. 95-116.
- Seleskovitch D., 1993. De l'expérience aux concepts. D. Seleskovitch, M. Lederer. *Interpréter pour traduire*. Paris, Didier Erudition, pp. 72-103.

Information About the Author

Nataliya N. Gavrilenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Miklukho-Maclay St, 6, 117198 Moscow, Russia, nngavrilenko@narod.ru, refer@adm.rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4270-077X>

Информация об авторе

Наталья Николаевна Гавриленко, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, nngavrilenko@narod.ru, refer@adm.rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4270-077X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.6>

UDC 811.112.2'25:32
LBC 81.432.4-8

Submitted: 15.12.2022
Accepted: 03.04.2023

IDEOLOGY AS A FACTOR OF TRANSLATION: TRADITIONS IN INNOVATION

Innara A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Alexey I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The paper focuses on rendering the ideological component in translation, which engenders significant difficulty for a modern translator. Taking political and gender aspects into consideration, the authors aim to emphasize the importance of correct ideological translation, which is understood as creation of authentic texts in one language based on the original texts in the other language. The material of the study is comprised of authentic German-language media publications posted on the Internet in 2022–2023 and devoted to the topics of “special military operation” and “gender”. As a result, it was revealed that in most texts about the special military operation, the translation of the ideological component is carried out not through decoding, but by means of reformulating the information, which leads to its distortion. In feminist discourse, the blurring of gender identity as an element of ideology contributes to the emergence of non-equivalent lexical units, the use of which does not always correspond to the rules adopted in institutional communication in a particular linguistic culture. To implement effective communication, the authors recommend to focus on the ethical principles of interaction. It is concluded that the multiplication of incorrect ideological translation becomes a new challenge for the professional community. In order to respond to it, the translator is to have profound knowledge in the field of culture, history, linguistics and regional studies, which determines the degree of accuracy in information interpretation that occurs while working with any foreign cultural text.

Key words: ideology, translation, ideological translation, political discourse, feminist discourse, gender factor, German, Russian.

Citation. Guseynova I.A., Gorozhanov A.I. Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 67-76. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.6>

УДК 811.112.2'25:32
ББК 81.432.4-8

Дата поступления статьи: 15.12.2022
Дата принятия статьи: 03.04.2023

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ПЕРЕВОДА: ТРАДИЦИИ В ИННОВАЦИЯХ

Иннара Алиевна Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Алексей Иванович Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено проблеме трансляции идеологического компонента в переводе, учет которого представляет собой значительную трудность для современного переводчика. Авторы ставят цель, фокусируясь на политическом и гендерном аспектах, акцентировать важность корректного идеологического перевода, который понимается в статье как создание аутентичных текстов на одном языке с опорой на оригинальные тексты на другом языке. В качестве материала исследования привлекается массив аутентичных публикаций немецкоязычных СМИ, размещенных в сети Интернет в 2022–2023 гг. и посвященных темам «специальная военная операция» и «гендер». В результате исследования выявлено, что в большинстве текстов о специальной военной операции трансляция идеологического компонента осуществляется не через перекодирование, а через переформулирование информации, приводящее к ее искажению. В феминистском дискурсе размывание гендерной идентичности как элемент идеологии способствует формированию безэквивалентных лексических единиц, использование которых не всегда соответствует правилам, принятым в институциональном общении в той или иной лингвокультуре. Для осуществления эффективной коммуникации авторы рекомендуют коммуникантам с разными гендерными установками ориентироваться на этические принципы взаимодействия. Делается вывод о том, что мультипликация некорректного идеологического перевода становится новым вызовом для профессионального сообщества. Ответ на него требует от переводчика глубоких знаний в области культуры, истории и лингвострановедения, поскольку именно от них зависит степень интерпретации информации, возникающей в ходе работы с любым инокультурным текстом.

Ключевые слова: идеология, перевод, идеологический перевод, политический дискурс, феминистский дискурс, гендерный фактор, немецкий язык, русский язык.

Цитирование. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 67–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.6>

Введение

Стимулом к написанию данной статьи послужили многочисленные публикации в немецкоязычной прессе, посвященные актуальным для западного читателя темам – специальной военной операции (далее – СВО) и гендерному фактору. Большое внимание исследователей привлекают номинативный и интерпретативный аспекты перевода, которые порождают дискуссии в межкультурном сообществе, способствуя тем самым формированию актуальной повестки дня, а для профессионального переводчика представляют существенные трудности.

В эпоху информационного противостояния нам кажется важным рассмотреть примеры идеологического перевода, который на протяжении последних трех десятилетий не играл существенной роли в профессиональном сообществе, но сегодня приобрел особую значимость [Рудницкая, 2013; Михайловская, 2018; Смирнова, 2021; Мэй, Дубкова, 2022].

Идеологический компонент перевода в широком понимании включает языковые, когнитивные, социокультурные и иные составляющие. В общеизвестном смысле идеологический компонент трактуется как система ценностей и ценностных ориентаций, разделя-

емых большинством представителей конкретной лингвокультуры (см., например: [Булыгина, Трипольская, 2020; Хорина, 2021]). Главная задача переводчика заключается в сохранении и передаче средствами родного языка тех аксиологических смыслов, которые закодированы средствами иностранного языка. Однако он должен установить, что подлежит переводу – ценностный или собственно идеологический компонент. В первом случае от переводчика ожидается трансфер культурно-исторического содержания, основанного на его индивидуальных глубоких энциклопедических знаниях, и кропотливая работа с различной справочной литературой – словарями, глоссариями, энциклопедиями, лексиконами и т. п. Во втором случае от него требуется понимание заданного политического вектора и сохранение последнего на всем пространстве текста. Принято считать, что идеологический компонент присущ политическому дискурсу [Будаев, Чудинов, 2019; Моргунова, Морару, 2022; Селиванова, 2022]. Именно при изучении этой разновидности институционального дискурса анализируются лексемы и устойчивые комплексные знаки с элементами идеологии. Нередко подобные лексические единицы выступают в качестве шаблонных фраз, призванных структурировать основное содержание медийной

публикации. Их рекуррентность оказывает влияние на сознание массового читателя, реформирует его и со временем служит базой для понимания и интерпретации событий (см. об этом: [Титкова, 2014; Иванов, 2019]). В отличие от реалий, ориентированных на сохранение и распространение национально-культурной специфики как внутри каждой страны, так и за ее пределами, идеологический компонент перевода основан на системе философских взглядов, отражающих государственные интересы и предпочтения. При этом формы представления идеологического компонента варьируют, приобретая нередко символические черты. Например, помещение переведенных текстов в «темпоральную матрицу» (о термине см.: [Халас, 2021, с. 39]) придает тексту соответствующую идеологическую окрашенность. Один и тот же текст, насыщенный символами разных эпох, приобретает идеологическую оформленность.

В свете сказанного нам представляется важным зафиксировать факт наличия в текстах, посвященных СВО и гендерному фактору, идеологического компонента перевода, который выражен посредством переформулирования, то есть искажения сути оригинала. Под *переводом* здесь мы понимаем не перевод конкретных текстов с русского языка на немецкий язык, а аутентичные немецкоязычные тексты, созданные на основе оригинальных русскоязычных текстов.

Материал и методы

При работе с эмпирическим материалом мы сосредоточились на массиве текстов СМИ на немецком языке, опубликованных в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в период 2022–2023 гг. объемом около 20 000 слов. Акцент сделан на двух темах, значимых для немецкоязычного социума, – СВО и гендер, успешно конкурирующих с темами здорового образа жизни, правильного питания и образования. Тексты отобраны по ключевым словам из различных изданий и представляют собой разные жанры современного немецкоязычного медийного дискурса – преимущественно интервью и аналитические статьи. Языковые факты исследовались с применением контекстуального анализа и элемен-

тов контент-анализа, что позволило охарактеризовать в лексико-семантическом аспекте не только уже существующие в языке конструкции, но и неологизмы, вызывающие определенную сложность для интерпретации в свете межкультурной и межъязыковой коммуникации в силу их отсутствия в современных авторитетных словарях. Кроме того, были рассмотрены единицы специальной лексики, служащие обозначению гендерной вариативности и требующие дополнительных интеллектуальных усилий от переводчика при составлении эквивалентного текста.

Результаты и обсуждение

В современной лингвистике нет единого толкования понятий «идеологизированная лексика», «идеологема», «идеологическая лексема», «идеологический компонент». Обилие терминов, служащих описанию идеологического содержания, свидетельствует о том, что оно имеет размытый характер, приобретая в одних лингвокультурах черты ценностей, составляющих мировоззрение ее представителей, а в других – систему политических взглядов, транслируемых в коммуникативно-дискурсивном пространстве. Многочисленные термины способствуют процессу деидеологизации, которую мы вслед за И.Г. Земцовым рассматриваем как «разрушение двусигнальной системы человеческого восприятия, когда общественное сознание перестало откликаться на политические сигналы властей, отказалось вырабатывать на них социальные рефлексы» [Земцов, 2009, с. 11]. Сегодня наблюдается тенденция выхолащивания того содержательного компонента, который должен восприниматься реципиентом высказывания в качестве сигнала к определенным действиям и поступкам. Данное обстоятельство приводит к порождению новых стимулов, способных вызвать ответную реакцию у массового реципиента и требующих в условиях межъязыковой коммуникации переводческого комментария.

Понимание идеологии как «определенной системы идей» [Земцов, 2009, с. 176] позволяет рассматривать ее в качестве стратегии, реализуемой в межкультурной и межъязыковой коммуникации для достижения прагмати-

ческих результатов, которые в медийном дискурсе ограничиваются в подавляющем большинстве случаев формированием общественного мнения или определенного отношения к конкретному событию или явлению культурной, политической, социально-экономической сфер.

Применительно к теории и практике перевода нам представляется важным также отметить несколько существенных обстоятельств. Во-первых, идеология характеризуется в трудах отечественных и зарубежных переводоведов (Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова, Э. Прунч и др.), но не всегда обозначается как таковая. Например, при описании трагической судьбы сожженного на костре инквизиции Э. Доле акцент делается на его самовольном добавлении в перевод диалога Платона «Антиох» на французский язык интенсификатора со значением «совсем / вовсе». В XVI в. церковь использовала это в качестве повода для жестокой расправы над переводчиком. Такое несущественное, на первый взгляд, добавление для улучшения текста перевода якобы «ставило под сомнение положение о бессмертии души. Ни в греческом оригинале, ни в латинском переводе такого добавления не было» [Гарбовский, Костикова, 2020, с. 196]. Во-вторых, идеология тесно связана с понятием эквивалентности, погруженным в исторический контекст, который и задает вектор перевода безэквивалентной лексики. При этом исследователями подчеркивается, что в переводе необходимо сохранение «обязательного минимума, который должен быть достигнут в результате перевода» [Прунч, 2015, с. 52].

Подчеркнем, что в классическом и современном переводоведении отмечаются следующие виды перевода, используемые в условиях межъязыковой коммуникации: 1) буквальный перевод, построенный на минимальной адаптации грамматических структур; 2) верный перевод, основанный на передаче «точных контекстуальных значений слов с помощью грамматических структур переводящего языка» [Прунч, 2015, с. 78]; 3) идиоматический или скорее смысловой перевод; 4) вольный перевод, призванный передать «фактическое содержание подлинника, а не его форму» [Прунч, 2015, с. 79]; 5) адаптация –

«наиболее свободная форма передачи текста на другом языке» [Прунч, 2015, с. 79].

Однако анализ современных немецкоязычных интернет-публикаций, посвященных заявленным в нашем исследовании темам, свидетельствует о том, что мы сталкиваемся с так называемым **идеологическим** переводом, который в ряде случаев осуществляется не через перекодирование, а через переформулирование, то есть искажение имеющейся информации. Приведем показательный пример. В немецком языке есть эквивалент выражению *специальная военная операция*, а именно *Sonderoperation*, который, однако, практически удален из медийного пространства. Вместо этого очень четкого обозначения применяются лексемы *Ukraine-Krieg*, *Krieg*, *Angriffskrieg*, *Abnutzungskrieg*, *Krieg im Herzen Europas* – война с Украиной / на Украине, война, наступательная (агрессивная) война / агрессия, война на истощение, война в сердце Европы, соответственно. В связи с этим мы полагаем, что идеологический перевод может рассматриваться в качестве заданной и последовательно реализуемой стратегии, поскольку «стратегии имеют смысл только тогда, когда есть заданная цель» [Прунч, 2015, с. 155]. Такой подход предполагает применение скопос-теории, в которой скопос содержит постановку цели перевода [Волкова, Наливайко, 2022; Мурдускина, Аниськина, 2017; Усачева и др., 2015]. Скопос-теория открывает возможности для идеологического перевода. Она придает переводчику статус актора, способного породить собственный текст, интерпретируя его, оценивая его содержательные фрагменты, принимая решение об оптимизации переведенного текста через применение тех языковых средств, которые в результате могут привести к коммуникативному изменению текстового содержания. Как отмечает Э. Прунч, перевод «пристрастен» при определенных условиях, он становится объектом манипулирования, преимущественно в политических целях [Прунч, 2015, с. 348].

Рассмотрим примеры, свидетельствующие о манипулировании, возникающем в процессе переформулирования при применении идеологического перевода. Так, в немецкоязычных медиа наблюдается четкая тенденция к намеренному представлению России в

негативном ключе, что идет вразрез с информацией из официальных русскоязычных источников, ср. нем.:

(1) Betrachtet man die Ziele, die Wladimir Putin bereits geäußert hat, lässt das den Schluss zu, dass er nach der Ukraine nicht Halt machen würde. Putin will das Rad der Geschichte zurückdrehen auf den Stand von 1997. Er will die Nato auf den Stand vor der Erweiterung von 1997 zurückdrängen, Europa erneut in zwei Teile spalten und ein russisches Imperium vom Baltikum bis zum Schwarzen Meer schaffen, in dem eine eigenständige Ukraine keinen Platz mehr hätte (MSN).

Приведем для сравнения фрагмент Обращения Президента Российской Федерации от 24.02.2022, в котором представлена данная тема:

(2) Речь о том, что вызывает у нас особую озабоченность и тревогу, о тех фундаментальных угрозах, которые из года в год шаг за шагом грубо и бесцеремонно создаются безответственными политиками на Западе в отношении нашей страны. Имею в виду расширение блока НАТО на восток, приближение его военной инфраструктуры к российским границам. Хорошо известно, что на протяжении 30 лет мы настойчиво и терпеливо пытались договориться с ведущими странами НАТО о принципах равной и неделимой безопасности в Европе. <...> Военная машина движется и, повторю, приближается к нашим границам вплотную. <...> В соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой мною принято решение о проведении специальной военной операции. Ее цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации. При этом в наши планы не входит оккупация украинских территорий. Мы никому и ничего не собираемся навязывать силой. <...> Как бы тяжело ни было, прошу понять это и призываю к взаимодействию, чтобы как можно скорее перевернуть эту трагическую страницу и вместе двигаться вперед, никому не позволять вмешиваться в наши дела, в наши отношения, а вы-

страивать их самостоятельно – так, чтобы это создавало необходимые условия для преодоления всех проблем и, несмотря на наличие государственных границ, укрепляло бы нас изнутри как единое целое. Я верю в это – именно в такое наше будущее (Обращение).

В ходе идеологических интерпретаций упомянутые в приведенном выше тексте Обращения высказывания трансформируются в немецкоязычных СМИ: *das Rad der Geschichte zurückdrehen auf den Stand von 1997* (повернуть колесо истории вспять, вернуться к 1997 году); *die Nato auf den Stand vor der Erweiterung von 1997 zurückdrängen* (вернуть НАТО к состоянию 1997 года), *Europa erneut in zwei Teile spalten* (снова расколоть Европу на два лагеря); *ein russisches Imperium vom Baltikum bis zum Schwarzen Meer schaffen* (создать Русскую империю от Прибалтики до Черного моря). Таким образом, идеологический перевод реализуется посредством одновременного употребления экспрессивной лексики: *das Rad der Geschichte zurückdrehen, zurückdrängen* (повернуть колесо истории вспять), этнокомпонента: *russisch / ein russisches Imperium schaffen* (русский / создать Русскую империю), нагнетания атмосферы напряженности: *nach der Ukraine nicht Halt machen würde* (не остановится после Украины).

В немецком тексте информация о фактах и явлениях (*NATO, Erweiterung von 1997, schwarzes Meer* и пр.) погружена в негативно окрашенный контекст (*zurückdrehen, Imperium... schaffen, in zwei Teile spalten*), подталкивая читателя к отрицательной интерпретации происходящего.

Важной в аспекте перевода идеологического компонента является тема гендера. Проблема для современных переводчиков заключается в необходимости установления диалогичности в феминистском дискурсе, пронизанном новыми гендерными отношениями [Ефлова, Максимова, Матвеева, 2021; Максимова, 2021; Мочалова, 2021]. Общественные дискуссии в сфере распределения традиционных социальных ролей в обществе, появление разнообразных гендерных идентичностей, продвижение гендерной вариативности на фоне массового распространения измененных гендерных стереотипов поро-

дают искусственные трудности для устного и письменного переводчика. Во-первых, возникают неологизмы, требующие поиска соответствующих эквивалентов в переводящем языке, во-вторых, заданная многими зарубежными институциями гендерная политика предполагает применение идеологического перевода, основанного, как говорилось выше, на трансляции системы идей. Таким образом, гендерный фактор приобретает в переводческой теории и практике идеологическое измерение. Если в номинативном аспекте термин *гендер* может рассматриваться в качестве одного из множества существующих терминов, то его погружение в иноязычный медиаконтекст порождает интерпретативные возможности, требующие учета в процессе перевода. Вслед за Э. Прунчем, который в своей теоретико-методологической деятельности особое внимание обращал также и на феминистский дискурс, мы отмечаем лингвокреативную сторону последнего, основанную на словотворчестве [Прунч, 2015, с. 351]. Для иллюстрации сказанного приведем пример из немецкоязычной прессы. В тексте *Auch English hat jetzt ein drittes Geschlecht* (И в английском появился третий род), который опубликован в 2015 г., но продолжает пользоваться популярностью в немецкой читательской среде в 2022–2023 гг., описана ситуация, когда профессор Университета им. Гумбольдта (г. Берлин) настаивала в студенческой среде на обращении к ней с профессионально социальным артиклем *Professx* по аналогии с британским вариантом обращения *Mx*, которое рассматривается в качестве гендерно нейтрального обращения (*Welt*). В авторитетных словарях этот и подобные ему неологизмы не зафиксированы, поэтому переводчик сам вынужден принимать решение о том, как переводить такие единицы в ходе выстраивания коммуникации в рамках феминистского дискурса как части гендерного дискурса. При этом выбор весьма ограничен – либо применить тактику умолчания, либо прибегнуть к идеологическому переводу. Отметим, что в качестве одного из упреков в адрес переводчика нередко звучит именно следующее: «замалчивание, искажение и превратное толкование женской перспективы» [Прунч, 2015, с. 354].

В подобной ситуации мы рекомендуем обратить внимание на этический аспект. Так, сегодня в немецкой академической среде теоретически существует правило, запрещающее употреблять общие формы социального артикля (нем. *zwiegendernde Anredeformen*) в профессиональной сфере. Тем не менее при общении, предусматривающем гендерную вариативность, предлагается уточнить у партнера по коммуникации, как бы участник общения хотел, чтобы к нему обращались.

Таким образом, размывание гендерной идентичности, ситуация выбора стратегии перевода, необходимость владения приемами идеологического перевода ставит перед профессиональным сообществом «новые», уже многими забытые проблемы, напоминая тем самым о традициях в инновациях.

Заключение

Результаты анализа немецкоязычного медиадискурса с точки зрения современных теории и практики перевода свидетельствуют о том, что при трансляции тем «специальная военная операция» и «гендер» часто применяется прием переформулирования, то есть искажения первичного смысла, в чем мы видим политический мотив. Напряженная обстановка в мире создает условия для мультипликации идеологического перевода, что является новым вызовом для профессионального сообщества и требует от специалиста глубоких знаний в области культуры, истории и лингвострановедения. Перевод становится средством трансляции ценностей различных политических и общественных систем. Решение поставленного более 10 лет назад Э. Прунчем вопроса *to translate or not to translate* (переводить или не переводить) [Прунч, 2015, с. 406] возлагается, как и прежде, на каждого конкретного переводчика. Именно от него зависит степень идеологичности перевода, а также мера интерпретации информации, возникающей в ходе работы с любым инокультурным текстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2019. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2010–

- 2018 годы) // Сибирский филологический журнал. №4. С. 187–196. DOI: 10.17223/18137083/69/16
- Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А., 2020. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 204–215. DOI: 10.17223/18137083/72/16
- Волкова Т. А., Наливайко К. Ю., 2022. Перевод и адаптация научно-популярной статьи: эксперимент с разными коммуникативными заданиями // Язык и культура. № 58. С. 150–169. DOI: 10.17223/19996195/58/9
- Гарбовский Н. К., Костикова О. И., 2020. История перевода в истории цивилизации. М. : Моск. ун-т. 274 с.
- Ефлова М. Ю., Максимова О. А., Матвеева Е. А., 2021. Современные сценарии гендерных отношений молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. № 2 (49). С. 9–12. DOI: 10.26907/2079-5912
- Земцов И. Г., 2009. Советский язык – энциклопедия жизни. М. : Вече. 512 с.
- Иванов Е. Е., 2019. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17, № 2. С. 157–170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170
- Максимова О. Б., 2021. Гендерные роли и гендерные стереотипы как социокультурные категории: репрезентационный смысл // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 12, № 2. С. 1–12.
- Михайловская М. В., 2018. Устный перевод: идеология как категория глобального вертикального контекста // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 167–175.
- Моргунова О. А., Морару Н. Ф., 2022. Дискурсы «европейскости» в практике предоставления убежища в постколониальном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22, № 4. С. 741–754. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754
- Мочалова Н. Ю., 2021. Новый образ женской ментальности в глобализирующемся мире // Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций : материалы XXV Всерос. с междунар. участием ист.-пед. чтений (Екатеринбург, 23–26 марта 2021 г.). Екатеринбург : [б. и.]. С. 106–109. DOI: 10.26170/978-5-7186-1774-0_2021_25_16
- Мурдускина О. В., Аниськина Н. В., 2017. Реализация коммуникативно-функционального подхода при переводе текстов пресс-релизов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. № 3 (41). С. 129–133. DOI: 10.18323/2073-5073-2017-3-129-133
- Мэй У., Дубкова О. В., 2022. Перевод и интерпретация идеологием: опыт перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой на русский язык // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. № 58. С. 23–36. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-23-36
- Прунч Э., 2015. Пути развития западного переводоведения: От языковой асимметрии к политической : пер. с нем. М. : Р. Валент. 528 с.
- Рудницкая Н. Н., 2013. Перевод как объект воздействия политической идеологии // Балтийский гуманитарный журнал. № 1 (2). С. 25–28.
- Селиванова И. В., 2022. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 20, № 3. С. 51–63. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63
- Смирнова Н. С., 2021. Проблема инварианта перевода при идеологической адаптации текста // Номо loquens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира : сб. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 8 апреля 2021 г.). Том Вып. 6. СПб. : Рус. христ. гуманит. акад. С. 174–183.
- Титкова О. И., 2014. Особенности формирования частной рекуррентности в маркетинговом дискурсе (на примере интернет-маркетинга) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 20 (706). С. 136–145.
- Усачева А. Н., Махортова Т. Ю., Попова О. И., Новикова Т. Б., 2015. Скопос, интерпретация, когниция: от мультивекторной теории перевода к эффективной практике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (29). С. 46–59. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.5.6
- Халас Э., 2021. Символы и общество: Интерпретативная социология. Харьков : Гуманитарный центр. 296 с.
- Хорина Г. П., 2021. Идеологический компонент в современной культуре России // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 215–223. DOI: 10.17805/zpu.2021.4.18

ИСТОЧНИКИ

- Обращение* – Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года // Сайт kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>
- MSN* – Конфликт на Украине скоро закончится? // Новости MSN. URL: <https://www.msn.com/de->

de/nachrichten/politik/ukraine-krieg-bald-zu-ende-ex-general-glaubt-putin-ar-AA16PmZO

Welt – И в английском теперь есть третий род? // Сайт газеты Die Welt. URL: <https://www.welt.de/kultur/article140541178/Auch-Englisch-hat-jetzt-ein-drittes-Geschlecht.html>

REFERENCES

- Budaev E.V., Chudinov A.P., 2019. Ritoricheskiy analiz politicheskoy kommunikatsii v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike (2010–2018 gody) [Rhetorical Analysis of Political Communication in Contemporary Foreign Linguistics (2010–2018)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 4, pp. 187–196. DOI: 10.17223/18137083/69/16
- Bulygina E.Yu., Tripolskaya T.A., 2020. Protsessy ideologizatsii i deideologizatsii v russkom religioznom slovare [Processes of Ideologization and De-Ideologization in Russian Religious Dictionary]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 3, pp. 204–215. DOI: 10.17223/18137083/72/16
- Volkova T.A., Nalivaiko K.Yu., 2022. Perevod i adaptatsiya nauchno-populyarnoy statyi: eksperiment s raznymi kommunikativnymi zadaniyami [Translation and Adaptation of a Popular Science Article: An Experiment with Different Translation Briefs]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 58, pp. 150–169. DOI: 10.17223/19996195/58/9
- Garbovskiy N.K., Kostikova O.I., 2020. *Istoriya perevoda v istorii tsivilizatsii* [History of Translation in the History of the Civilization]. Moscow, Mosk. un-t. 274 p.
- Eflova M.Yu., Maximova O.A., Matveeva E.A., 2021. Sovremennye stsenarii gendernykh otnosheniy molodezhi [Modern Scenarios of Youth Gender Relations]. *Kazanskiy sotsialno-gumanitarnyy vestnik* [The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin], no. 2 (49), pp. 9–12. DOI: 10.26907/2079-5912
- Zemtsov I.G., 2009. *Sovetskiy yazyk – entsiklopediya zhizni* [The Soviet Language – The Encyclopedia of Life]. Moscow, Veche Publ. 512 p.
- Ivanov E.E., 2019. O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke [Aphoristic Units Recurrence in Modern Russian Language]. *Rusistika* [Russian Language Studies], vol. 17, no. 2, pp. 157–170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170
- Maksimova O.B., 2021. Gendernye roli i gendernye stereotipy kak sotsiokulturnye kategorii: reprezentatsionnyy smysl [Gender Roles and Gender Stereotypes as Sociocultural Categories: Representational Implication]. *Mir nauki*. *Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies], vol. 12, no. 2, pp. 1–12.
- Mikhailovskaya M.V., 2018. Ustnyy perevod: ideologema kak kategoriya globalnogo vertikalnogo konteksta [An Ideologically-Bound Unit as a Global Vertical Context Category from the Perspective of Interpreting Practice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 167–175.
- Morgunova O.A., Moraru N.F., 2022. Diskursy «evropeiskosti» v praktike predostavleniya ubezhishcha v postkolonialnom kontekste [Discourses of “Europeanness” in Asylum Practices in the Postcolonial Context]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 22, no. 4, pp. 741–754. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754
- Mochalova N.Yu., 2021. Novyi obraz zhenskoy mentalnosti v globaliziruyushchemsya mire [A New Image of the Female Mentality in a Globalizing World]. *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe obrazovanie v usloviyakh globalnykh transformatsiy: materialy XXV Vseros. s mezhdunar. uchastiem ist.-ped. chteniy (Ekaterinburg, 23–26 marta 2021 g.)* [Historical Science and Historical Education in the Conditions of Global Transformations. Proceedings of the 25th All-Russian with International Participation Historical and Pedagogical Readings (Yekaterinburg, 23–26 March 2021)]. Yekaterinburg, s.n., pp. 106–109. DOI: 10.26170/978-5-7186-1774-0_2021_25_16
- Murduskina O.V., Aniskina N.V., 2017. Realizatsiya kommunikativno-funktsionalnogo podkhoda pri perevode tekstov press-relizov [Implementation of the Communicative-Functional Approach to the Translation of Press Releases]. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Vector of Togliatti State University], no. 3 (41), pp. 129–133. DOI: 10.18323/2073-5073-2017-3-129-133
- Mei W., Dubkova O.V., 2022. Perevod i interpretatsiya ideologem: opyt perevoda bazovykh tsennostey sotsializma s kitaiskoy spetsifikoy na russkiy yazyk [Translation and Interpretation of Ideologemes: The Experience of Translating the Basic Values of Socialism with Chinese Characteristics into Russian]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvistikheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*

- [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], no. 58, pp. 23-36. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-23-36.
- Prunch E., 2015. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya: Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy: per. s nem.* [Ways of Development of Western Translation Studies: From Linguistic Asymmetry to Political. Transl. from German]. Moscow, R. Valent Publ. 528 p.
- Rudnytskaya N.N., 2013. *Perevod kak obyekt vozdeistviya politicheskoy ideologii* [Translation as the Object of Political Ideology Impact]. *Baltiiskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], no. 1 (2), pp. 25-28.
- Selivanova I.V., 2022. *Ideologemy kak resurs rechevogo vozdeistviya v publichnom diskurse ispanskoj monarkhii* [Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], vol. 20, no. 3, pp. 51-63. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63.
- Smirnova N.S., 2021. *Problema invarianta perevoda pri ideologicheskoi adaptatsii teksta* [The Problem of Translation Invariant in Ideological Adaptation of the Text]. *Homo loquens: yazyk i kultura. Dialog kultur v usloviyakh otkrytogo mira: sb. dokl. i soobshcheniy Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 8 aprelya 2021 g.). Tom Vyp. 6* [Homo Loquens: Language and Culture. Dialogue of Cultures in an Open World. Collection of Papers and Reports of the International Scientific Conf. (St. Petersburg, April 8, 2021). Volume Issue 6]. Saint Petersburg, Rus. khrist. gumanit. akad., pp. 174-183.
- Titkova O.I., 2014. *Osobennosti formirovaniya chastnoy rekurrentnosti v marketingovom diskurse (na primere internet-marketinga)* [The Peculiarities of Particular Recurrence Forming in the Marketing Discourse (On the Basis of Internet-Marketing)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 20 (706), pp. 136-145.
- Usacheva A.N., Makhortova T.Yu., Popova O.I., Novikova T.B., 2015. *Skopos, interpretatsiya, kognitsiya: ot multivektornoy teorii perevoda k effektivnoy praktike* [Skopos, Interpretation, Cognition: From Multivector Translation Theory to Efficient Practice]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (29), pp. 46-59. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.5.6
- Khalas E., 2021. *Simvoly i obshchestvo: Interpretativnaya sotsiologiya* [Symbols and Society: An Interpretive Sociology]. Kharkov, Gumanit. tsentr. 296 p.
- Khorina G.P., 2021. *Ideologicheskii komponent v sovremennoy kulture Rossii* [Ideological Component in Modern Russian Culture]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 4, pp. 215-223. DOI: 10.17805/zpu.2021.4.18

SOURCES

- Obrascheniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsiyi ot 24.02.2022 [Address of the President of the Russian Federation of February 24, 2022]. *Sayt kremlin.ru* [Website kremlin.ru]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>
- Ukraine-Krieg bald zu Ende? *MSN News*. URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/politik/ukraine-krieg-bald-zu-ende-ex-general-glaubt-putin-araa16PmZO>
- Auch Englisch hat jetzt ein drittes Geschlecht? *Die Welt*. URL: <https://www.welt.de/kultur/article140541178/Auch-Englisch-hat-jetzt-ein-drittes-Geschlecht.html>

Information About the Authors

Innara A. Guseynova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Language Lexicology and Stylistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, ginnar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

Alexey I. Gorozhanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Language Grammar and History, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

Информация об авторах

Иннара Алиевна Гусейнова, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, ginnar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6544-699X>

Алексей Иванович Горожанов, доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, a_gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.7>

UDC 81'25
LBC 81.18

Submitted: 11.01.2023
Accepted: 03.04.2023

IS TRANSLATION A MEANS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION?

Vadim V. Sdobnikov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The paper disputes the concept of “translation as cross-cultural communication”. Anthropological turn in Translation Studies resulted in the emergence of the communicative-functional approach to translation which dictates the need to reconsider this most popular concept. Examples of translation events are considered from the perspective of this approach to prove that the actors (source text sender, target text recipient and translator) rarely communicate directly or indirectly. The only objective reality accessible to them is the texts in two languages; these texts serve as instruments of substantive activity performed by each of the actors. In many cases the purpose of translation differs from the purpose of the Source Text (ST) Sender, which makes communication between the ST Sender and the Target Text (TT) Recipient impossible. The translator’s principal task is to create a text in the target language that would be useful for the TT Recipients activity. The principal purpose of the TT Recipient is to receive information which could be used successfully in his or her substantive activity. Actors in a translation event deal only with texts, not with each other (except in situations of oral communication in which interpretation is performed). Thus, “translation as cross-cultural communication” is a metaphor used to substitute the wish for the reality. The concept does not fit the mere definition of communication seen as giving information or exchange of information.

Key words: translation, types of translation, communication actors, cross-cultural communication, communicative-functional approach, communicative situation, translation event, purpose of translation.

Citation. Sdobnikov V.V. Is Translation a Means of Cross-Cultural Communication? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 77-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.7>

УДК 81'25
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 11.01.2023
Дата принятия статьи: 03.04.2023

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПЕРЕВОД СРЕДСТВОМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ?

Вадим Витальевич Сдобников

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье подвергается сомнению представление о переводе как виде межкультурной коммуникации или способе обеспечить межкультурную коммуникацию. Показано, что антропологический поворот в переводоведении привел к появлению коммуникативно-функционального подхода, который диктует необходимость пересмотреть это популярное представление. Примеры «переводческих событий», в которых используется перевод, рассмотренные с точки зрения коммуникативно-функционального подхода, свидетельствуют о том, что участники коммуникативного акта (автор оригинала, получатель перевода и переводчик) редко вступают в непосредственную или опосредованную коммуникацию друг с другом. Единственная объективная реальность, доступная им, – это текст, выступающий в качестве инструмента осуществления ими предметной деятельности. Во многих случаях цель перевода не совпадает с целью создания оригинала, что делает коммуникацию между автором оригинала и получателем перевода в принципе невозможной. Основная задача переводчика – создать текст, который был бы полезен получателю в рамках осуществляемой им деятельности. Основная цель получателя перевода – извлечь из текста информацию, полезную

для осуществления предметной деятельности. Участники коммуникативного акта имеют дело, прежде всего, с текстами и не общаются друг с другом (за исключением ситуаций устного перевода). Утверждение «перевод – вид межкультурной коммуникации» – только метафора, используемая для того, чтобы выдать желаемое за действительное. Оно не соответствует определению коммуникации, понимаемой как предоставление информации или обмен информацией.

Ключевые слова: перевод, виды перевода, участники коммуникативного акта, межкультурная коммуникация, коммуникативно-функциональный подход, коммуникативная ситуация, переводческое событие, цель перевода.

Цитирование. Сдобников В. В. Является ли перевод средством обеспечения межкультурной коммуникации? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 77–85. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.7>

Introduction

Translation Studies have seen dramatic changes in approaches to investigating the phenomenon of translating, and reconsideration of the overall paradigm of research. The purely linguistic approach to translation which is seen by many scholars as “a milestone in the development of translation theories” [Yan, Huang, 2014, p. 489] was enriched by functionalist approach. Different from the linguistic approach, the functionalist approach attached more importance to the function but not the language equivalence [Yan, Huang, 2014, p. 489]. Yet another milestone was the so called “cultural turn” in Translation Studies [Snell-Hornby, 2006] which paved the way to the Scopus theory of Hans Vermeer and Katarina Reiß [Nord, 2002, p. 33–34; Nord, 2007; Reiß, Vermeer, 2013]. The list of “turns” in Translation Studies would be incomplete if I do not mention Descriptive Translation Studies [Snell-Hornby, 2006, p. 47–50] and a “performative turn” [Wolf, 2017]. I do not intend to consider each approach in detail; all the more so as the literature on the approaches to translation and the overall development of Translation Studies is abundant. What matters the most is the change in the general perception of translation as an activity.

The change can be illustrated with examples of definitions of translation provided by various scholars. Peter Newmark is right to say that “there is no one classical basic text that defines translation” [Newmark, 2003, p. 55], yet he believes that we can do with the following definition: translation is “taking the meaning from one text and integrating it into another language for a new and sometimes different readership” [Newmark, 2003, p. 55]. Obviously, this standpoint is deeply rooted in the purely linguistic approach to translation. The same

is true for the definition offered by Juliane House: “translation is a process of replacing a text in one language by a text in another” [House, 2013, p. 4]. At the same time, a wider approach allows her to “see translation as a service; it serves a need human beings apparently have to transcend the world to which their own particular languages confine them” [House, 2013, p. 3]. J. House says nothing about more practical needs of people who use translation in their everyday or professional lives, but it is clear that translation scholars are still in the grip of opposite – linguistic and functionalist – approaches, at least when it comes to defining translation in general. Translation is viewed either as a substitution of a text in one language by a text in another or as a translator’s verbal activity that serves the needs of the target text user in a certain communicative situation (see, for example [Sdobnikov, 2015, p. 46–47]).

Strange as it might seem, different approaches to investigating translation have not resulted in any drastic reconsideration of one assumption that seems common, if not universal, for all translation schools. I mean the widespread belief that translation is a means of cross-cultural communication. In this regard the statement by Juliane House is most illustrative: “Translations mediate between languages, societies, and literatures, and it is through translations that linguistic and cultural barriers may be overcome” [House, 2013, p. 3]. Sonia Vandepitte states explicitly: “There is no question in translation studies that translation is an act of human communication... Since an important characteristic of translation is the fact that the source and target discourses usually belong to different cultures, the translation activity is also a intercultural process” [Vandepitte, 2008, p. 570]. The statement is axiomatic in Translation Studies, and it seems there is no reason

to doubt it. Yet, the mere development of Translation Studies that has resulted in the emergence of functionalist approach (communicative-functional approach in Russian Translation Studies) forces us to reconsider some basic concepts of the science of translating, and the idea that translation is cross-cultural communication is among them. Thus, the aim of this paper is to substantiate another idea: translation activity is not always a means of cross-cultural communication.

Translation and cross-cultural communication: an overview. As it has been mentioned above, translation is commonly seen as a means of cross-cultural communication or even as cross-cultural (intercultural) communication *per se* in Western, Eastern and Russian Translation Studies. Vilen Komissarov argued that cross-cultural communication performed through translation reproduces the process of direct verbal communication where communicators use the same language [Komissarov, 1990, p. 43]. It follows that communication through translation is most similar to one-language communication, and a translator serves as a mediator who ensures unhampered interaction between people who speak different languages. Later, this idea was voiced by Slavic scholars. For example, H. Kuzenko stated that “translation as a type of mediation is a means not only of interlingual but also of intercultural communication. Serving as a means of communication between peoples of various ethnic groups, translation is a means of interlingual and intercultural communication” [Kuzenko, 2017, p. 40].

David Katan, referring, certainly, to conditions in the Western Translation Studies, states that “the idea that translation should be considered a form of ‘intercultural mediation’ (IM) has been popularised in academic circles ever since the ‘cultural turn’ of the 1980s” [Katan, 2016, p. 365]. According to Daniel Dejica, “...phrases like ‘raising cultural awareness’, ‘translating across cultures’ or ‘cultural proficiency’ have become common in translating and interpreting” [Dejica, 2013, p.15]. He argues: “In my approach to translation, I see translators as mediators who are working with different languages and who invariably... continually absorb elements from different cultures” [Dejica, 2009, p. 41]. Apparently, Dejica shares the view of

B. Hatim and I. Mason who suggested that “the notion of mediation is a useful way of looking at translators decisions regarding the transfer of intertextual reference” [Hatim, Mason, 1997, p. 128].

It is obvious that the most common terms – and the terms that seem to be indispensable in considering translation issues – are “mediation” and “mediator”. Mona Baker states as follows: “mediation would be the same as reporting what someone else has said or written, in the same or another language, in speech or in writing” [Baker, 2008, p. 15]. The premise is significant; it implies that communication is possible when the content of a text becomes known, understandable and – as the case might be – useful to the text’s recipient. The important point is that, in the case of translation, it takes effort to solve the task of making the text understandable and, thus, useful. The reason is evident: cultures are different from one another. Evgeniia Erenchinova and Natalia Chumanova refer to E.T. Hall who “noticed that misunderstanding arose not through language but through other, ‘silent’, ‘hidden’ or ‘unconscious’ yet patterned factors. In short, cultural differences” [Erenchinova, Chumanova, 2018, p. 117–118]. Hence, close attention is paid to culture-specific elements which are embodied in a source text and which require additional effort on the part of any translator. Apparently, due to it abundant research is devoted to ways of rendering culture-specific elements, in a broader sense – to ways of overcoming barriers between cultures resulting from the use of such elements in a source text. Examples are numerous (see: [Dejica, 2009, p. 43–45; Glodjović, 2010]). The research resulted in classifications of elements that potentially can make it difficult for the target-text recipient to understand the text. Brake et al. used Iceberg Theory to demonstrate that the most important part of any culture is hidden. They argued that laws, customs, rituals, gestures, ways of dressing, food and drink and methods of greeting, and saying goodbye are all part of the culture, but they are just the tip of the iceberg. “The most powerful elements of culture are those which lie beneath the surface of everyday interaction. We call these value orientations. Value orientations are preferences for certain outcomes over others” [Brake, Medina-Walker, Walker, 1995, p. 34–39]. The presence of culture-specific elements in the source text implies that a translator is expected

to be an expert in the source culture and in the target culture to be able to bridge the gap between them and to serve the task of cultural mediator in cross-cultural communication.

Regardless of the paradigm used by translation scholars, the approaches to considering relations between culture and translation are similar. They differ mostly in the depth of consideration and the angle at which the problem is investigated, and result in almost the same conclusions. Communicative-functional approach to translation suggests entirely different vision of the role of translation in the interaction of ethnicities.

Foundations of communicative-functional approach. Communicative-functional approach did not start from scratch in the 1980s. Its emergence was due to still another “turn” in Translation Studies which I would call “anthropological turn”, when translation scholars began to pay attention to human beings who use translations for certain purposes. It is rooted in previous theories that had paved the way to its development. Among the precursors of communicative-functional approach I should mention Eugene Nida who voiced the idea that target text (TT) must evoke a certain reaction from its recipients [Nida, 1964]. The closer the reaction is to that of the source text recipients the better translation is. Actually, the correspondence of the reaction of the TT Recipient to the reaction of the source text (ST) Recipient is a prerequisite of the dynamic equivalence of the two texts. At the same time, the reaction of the TT Recipient must conform to the intention of the ST Sender.

Nida’s ideas laid foundation for the theory of Alexander Schweizer, a Russian linguist and translation scholar, who specified three most important parameters of the situation in which translation is performed, namely: the communicative intention of the ST Sender, the functional parameters of the text, the communicative effect produced by the text [Schweizer, 1988]. Obviously, the focus is on the participants of the communicative situation: we can hardly speak of any intention or communicative effect if there are no humans who have the intention or experience some influence of the text; moreover, a text can function only when it is perceived by humans, not in a vacuum.

Schweizer’s theory implies consideration of the communicative situation in which translation

is performed. But the list of the situation components specified by Schweizer is incomplete: it does not comprise a parameter which was included into the scheme of the act of communication by Evgeny Sidorov [Sidorov, 2008; Sidorov, 2010]. I mean the activities performed by the communication actors. It is the activities that trigger communication between people, therefore, they are of vital importance. To perform them, people want their needs to be satisfied, and the needs can be satisfied only through communication, in our case – through interlingual communication. Unlike Schweizer’s model, Scopos theory is devoid of this drawback. It is based on the assumption that translation is performed only when there is a need in it; therefore, the purpose of translation dictates what the translator does to achieve it. In other words, “the end justifies the means”.

Taking into account the ideas of Western and Russian precursors of the communicative-functional approach, I formulated its foundations [Sdobnikov, 2015, p. 40–47].

Communicative-functional approach implies consideration of a translation event in a certain, frequently imaginary, supposed, yet realistic environment within which this event happens or *may* happen. The term “environment” may be replaced by the more traditional and specific concept of “communicative situation”. It implies an interaction of human beings. As I have already noted people interact only when they need to or have to. The necessity to interact arises when any substantive work performed by people cannot be done unless they communicate. It is self-evident that a translator is supposed to take into consideration the aims with which they get engaged into the communication process, the needs and requirements of their substantive work, possible or definite ways in which they will use the target text. Edwin Gentzler states that “...a client who hires a translator has specific goals that need consideration; the receiving audience has certain expectations that need to be addressed; translation is a form of action, a communicative interaction” [Gentzler, 2001]. Only after the translator has realized the needs and expectations of the target audience, he/she is able to understand and formulate the purpose of translation.

The notion of the purpose of translation is widely discussed and even widely disputed by

many translation scholars. Those who admit the relevance of the notion offer various definitions of the purpose of translation, according to the approach they use. The main purpose of translation is not to simply produce a text that would be acknowledged as equivalent to the ST by an idle outsider who is capable of comparing the TT to the ST. It is noteworthy that in real life a translation is rarely assessed by professional critics or by those who pretend to be “critics”. It is communication actors who eagerly or reluctantly assess the translation in terms of its usefulness for the activities they perform. It is not incidental at all that Christiane Nord emphatically titled her book as “Translating as a Purposeful Activity” [Nord, 2007]. Thus, generally speaking, the genuine purpose of translation is to produce a text that would be instrumental in the activities performed by its end users.

Consequently, translation must be viewed as the instrument of any substantive work being done by communication actors. As Raviddin Shamilov argues: “The TT user not only receives, reads and perceives the TT but, figuratively speaking, consumes the information contained in it. The result of such consumption is that the knowledge acquired due to the information received is used in practice” [Shamilov, 2015, p. 112]. It follows that in a professional setting, a translation event is always triggered by some aim or intention. But the question arises: whose intention is it? It seems that it is the intention of the communication actors that triggers a translation event, which is not always true. The personality of another actor is most essential in our considerations, and the actor is the initiator, or commissioner, of translation. As Edwin Gentzler points out, it may be a person, a group, or an institution whose goals or aims may be different from those of the source-text author, the target-text receiver, and the translator [Gentzler, 2001]. It is always he (or, maybe, *it*, in case of some institution) who defines the character of the translation setting, the purpose of translation and, ultimately, determines the translation strategy.

It is noteworthy that in real-life situations the purpose of translation may differ from that of the source text. From this it follows that the communicative effects produced by the ST and the TT, i.e. impacts made on their respective audiences, can differ too, though in the traditional

Translation Studies the following requirement is presented as a fundamental truth, as an axiom: communicative effects produced by the ST and the TT must coincide in nature. But we shall see that in some situations it is not required and even can be impossible.

Results and Discussion

Using the provisions of the communicative-functional approach I shall try to answer the question: is translation a form or a means of cross-cultural communication?

But first, let us address the mere notion of communication. Macmillan Dictionary defines it as “the process of giving information or of making emotions or ideas known to someone; the process of speaking or writing to someone to exchange information or ideas” (Macmillan Dictionary, p. 277). From the definition it follows that communication is *direct* or *indirect* interaction of people with the aim of sharing information or ideas; in other cases it implies exchange of information. In any case, a message produced to share or exchange information is *addressed* to a *certain* recipient.

Another notion that needs to be clarified is that of “cross-cultural communication”. Evgeny Vereshchagin and Vladimir Kostomarov define cross-cultural communication as “adequate mutual understanding between two actors in the act of communication who belong to different national cultures” [Vereshchagin, Kostomarov, 1990, p. 26]. The definition implies that two (or more) actors belonging to different cultures communicate intentionally, apparently, to exchange information.

If we accept these definitions as universal truth, the traditional belief that translation is a form of cross-cultural communication becomes even more doubtful. My doubts are aroused when I consider closely the communicative situations in which various types of translation are performed.

Initially, the science of translation was focused on literary translation and translation of religious texts. From the perspective of the literary translation recipient, the translation is an instrument of his or her recreational activity, a means of aesthetic satisfaction. We can speak *ad infinitum* about the need to ensure the effect expected by the ST author, to make sure that the author’s intention is realized, the need to reproduce

the stylistic peculiarities of the text and the peculiarities of the author's individual style, to familiarize the TT audience with the author's art in general through loyal translation (and we hope that it does happen in reality). But does communication really happen between the ST Sender and the TT Recipient, for example, between the translation reader and William Shakespeare? One might say that what happens is indirect communication between the author and the TT Recipient. But I view this assumption as an attempt to present the act of translation as an act of spirit rapping. For no exchange of information (see above definitions) happens in this case. The readers (both ST readers and TT recipients) communicate with the texts, and only with the texts, trying to realize what message has been encoded in the text by its creator and, ultimately, to experience aesthetic effect.

Now let us consider situations of specialized translation. They are utterly diverse, and include, for example, scientific and technical translation (translation of scientific works, manuals, technical documentation, official documentation, just to mention the few). The only thing the TT Recipient needs is information about the author's views on a scientific problem or about scientific achievements or, in other cases, about the rules of equipment maintenance, the terms of commercial deals, etc. But it is true with one reservation: in case of commercial (or any other) correspondence, translation is really a means of communication between the ST Sender and the TT Recipient and vice versa because here we have not only perception of information extracted from the text and its further use in practical activities but direct exchange of information. But in case of a commercial contract or an international agreement, communication is nil: the function of such a document is to fix what the parties to the contract or agreement have agreed to, to contain legal grounds for further actions which can be performed by the parties independently (e.g., the seller dispatches the goods, the buyer makes payment).

Recently, researchers have paid a lot of attention to peculiarities of audiovisual translation (AVT). The same question arises: do movie viewers or gamers, as the case might be, communicate with those who have created the products? Certainly, not. They just use the

products for their own purposes. (In passing, I shall note that the purposes of those who create movies or computer games and those who use the products are different: the former perform their commercial activity while the latter perform recreational activity. And, again, no *exchange* of information happens).

More complicated are situations in which publicistic materials or advertisements of various kinds are translated. They can be characterized as dual-purpose materials: their function is both to share information and to produce some emotional effect on recipients. In case of translating advertisements, the second function is of paramount importance. It is noteworthy that the advertiser does take into account the peculiarities of the target audience, i.e. of the TT Recipients, intending to involve them in some activity, meanwhile the TT Recipients deal only with the target texts and do not see advertisers behind them. Again, no communication happens.

The situation of translating publicistic materials is still more complicated. As a rule, a publicistic text is created in the environment of a specific culture and is addressed to those who belong to this specific culture. While the author intends to produce a certain effect on his or her audience, translation is aimed to inform representatives of another culture about the author's views and position, about events in the political, social, economic life of the author's home country, or to make sure that consumers of translation (journalists, political scientists, economists, human rights activists, ecologists, etc.) would be able to use the information extracted from the TT for their own purposes which always differ from the purpose of the ST Sender. We may admit that when the US President tweets or speaks to the public he does communicate with his compatriots. But no real communication happens between him and people from other countries when his speeches are translated into other languages. The more so as the US President *intends* to address *his compatriots* and does not address Russians or residents of other countries, as the case might be.

And here we've come to a very important issue: a purpose of translation can differ dramatically from a purpose of the source text (ST). Translation can be consumed and used in the way that is not foreseen by the ST Sender,

within the framework of utterly different substantive activity. Mikhail Zwillling termed such cases as “tertiary translation”, i.e. translation in the interests of third persons, and illustrated it with a very interesting example: “It would be utterly absurd to treat as interlocutors a resident of the foreign intelligence service who gives instructions to his agent and an officer of the home intelligence service who is bugging or tapping their conversation” [Zwillling, 2009, p. 83]. In his opinion (which I share), in such cases translation is not integrated into the act of communication; it is an independent activity aimed at extracting information from the communication between the partners in the interests of the outside observer who does not take part in the communication [Zwillling, 2009, p. 83]. There is no question that the TT Recipient does not communicate with the ST Sender when tertiary translation is performed. Even in the case of communicatively equivalent translation, e.g. literary translation, one should bear in mind that at the moment when the ST was being created no one intended to translate it. Indeed, William Shakespeare could hardly dream of his plays being translated into other languages, and, certainly, never thought about people who would read his plays in other countries and in other languages many centuries after his death.

Another situation occurs when people who speak different languages meet at the same time and in the same place to perform some common activity. The success of their activity is dependent on the mediation of the interpreter who assists them. Thus, I should admit that oral interpretation is the only type of translation activity which presupposes and is aimed at establishing communication, whereas the texts uttered by the interlocutors and the interpreter are instruments of communication.

But let us come back to culture-specific elements used in texts. Usually, after mentioning that translation is a clash of two cultures, translation scholars write a lot about classifications of culture-specific elements (realia, proverbs, culture-specific metaphors, etc.) and methods of rendering them into another language. I think that what they discuss comes down to solving purely technical problems, and in this respect not much has been achieved since S. Vlahov and S. Florin published their book “Untranslatable in

Translation” [Vlahov, Florin, 1980]. After all, the overall goal of using the methods of rendering culture-specific elements is to give the TT Recipient an opportunity to fully comprehend the text, i.e. to extract the information required for performing some substantive activity. Certainly, the TT Recipient is expected to understand peculiarities of the source culture, to understand why personages of a book of fiction act in the way they act, what the ST Sender refers to in his or her publicistic article, what are the characteristics of the social institutions in the country where the ST was produced, i.e. the TT Recipient is expected to fit the situation described in the text into the “reference frame” of the source culture. At the same time, the TT Recipient remains an outside observer of what is being narrated in the text; he or she creates some vivid “pictures”, or images, in his mind, follows closely the events described but does not communicate with the ST Sender, i.e. the creator of the “pictures”.

The above considerations push me to reconsider the ideas I (as well as many other translation scholars) previously had concerning the notion of “communicative situation” in relation to translation. The notion implies communication between people but, as we saw, real communication, i.e. exchange of information, rarely happens when translation is made. Thus, the term “translation event” seems to be more appropriate as it means a combination of activities performed by the ST Sender, the TT Recipient and the translator. Most often, these activities are time-spaced, which means that they do not coincide in time and space, and, therefore, no communication is possible. Taking into account such factors as time and space, one might say that the notion of translation event is not convenient either (Macmillan English Dictionary defines “event” as “something that happens, especially something that involves several people” (Macmillan Dictionary, 2006, p. 472)). The qualifier “especially” does not change radically the meaning of the word since it implies that an event does not obligatorily involve several people. Thus, the term can be used to describe more realistically what happens when translation is made, for it implies the real distribution of activities of individuals in time and space and relations between them.

Conclusion

The above provisions and examples allow me to conclude that in all cases the translator deals primarily with texts in the source language. In this, he or she performs a dual role: on the one hand, the translator analyzes the ST to comprehend the author's communicative intention and to specify the linguistic means employed to implement this intention; on the other hand, he or she takes into account the purpose of translation, the needs and expectations of the prospective TT consumers, the conditions in which the TT would be used. All this allows the translator to choose the way (strategy) in which the text would be translated. Moreover, the analysis results in the understanding whether the purpose of translation correspond to the purpose of the ST. Performing his/her activity, the translator rarely communicates with the ST Sender directly or indirectly. In the majority of cases, the TT Recipients do not communicate with the ST Sender either, not even think of or remember the ST Sender. In cases when the purpose of translation differs from that of the source text, communication between the TT Recipient and the ST Sender is utterly impossible: addressing the text with different purposes, they can hardly be united in a common activity.

The only objective reality accessible to the translator, the ST Sender and the TT Recipient is the texts – perceived, analyzed or produced. The TT Recipients deal only with the texts performing their substantive activity, and it is the outcomes of translator's activity which determine whether the TT Recipients activity would be successful.

It means that "translation as cross-cultural communication" is a metaphor used to substitute the wish for the reality. As any metaphor, or a "hidden comparison", it implies some likeness, or similarity, between the situations of a single-language communication and situations of using two languages. In reality, these two types of situations can hardly be compared, for they are entirely different in nature: while situations of using one language may be treated as acts of communication, situations with the use of translation do not fit the commonly accepted definition of communication as exchange of information. Thus, the view according to which

translation is a means of cross-cultural communication does not fit the reality of translator profession; or, maybe, the reality does not fit Translation Study concepts?

REFERENCES

- Baker M., 2008. Ethics of Renarration: Mona Baker is Interviewed by Andrew Chesterman. *Cultus*, no. 1, pp.10-33.
- Brake T., Medina-Walker D., Walker T., 1995. *Doing Business Internationally: The Guide to Cross-Cultural Success*. Burr Ridge, Illinois, Irwin, 282 p.
- Dejica D., 2009. Approaching Cultural Relations for Translation Purposes. *Translation Studies: Retrospective and Prospective Views*, iss. 6, pp. 40-47.
- Dejica D., 2013. Mapping the Translation Process: The Cultural Challenge. *Translating Across Cultures. BAS 21st Annual International Conference*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, pp. 11-24.
- Erenchinova E., Chumanova N., 2018. Translation as Form of Cross-Cultural Communication. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 312, pp. 117-122. DOI: 10.2991/tphd-18.2019.24
- Genzler E., 2001. *Contemporary Translation Theories*. Clevedon, Multilingual Matters Ltd., 2001. 232 p.
- Glodjović A., 2010. Translation as a Means of Cross-Cultural Communication: Some Problems of Literary Text Translation. *Facta Universitatis. Series "Linguistic and Literature"*, vol. 8, no. 2, pp. 141-151.
- Hatim B., Mason I., 1997. *The Translator as Communicator*. London, Routledge. 217 p.
- House J., 2009. *Translation*. Oxford, Oxford University Press. 122 p.
- Katan D., 2016. Translation at the Cross-Roads: Time for the Transcreational Turn? *Perspectives*, vol. 24, no. 3, pp. 365-381. DOI: 10.1080/0907676X.2015.1016049
- Komissarov V.N., 1990. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 253 p.
- Kuzenko H., 2017. Translation as Cross-Cultural Communication. *Science and Education a New Dimension. Philology*, vol. 33, iss. 123, pp. 40-43.
- Newmark P., 2003. No Global Communication Without Translation. Anderman G., Rogers M., eds. *Translation Today. Trends and Perspectives*. S.l., Multilingual Matters Ltd., pp. 55-67.

- Nida E.A., 1964. *Towards a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden, Brill. 331 p.
- Nord Ch., 2002. Manipulation and Loyalty in Functional Translation. *Current Wring*, vol. 14, no. 2, pp. 32-44.
- Nord Ch., 2007. *Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained*. Manchester, St. Jerome Publishing. 154 p.
- Reiß K., Vermeer H., 2013. *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained*. Manchester, St. Jerome Publishing. 221 p.
- Sdobnikov V.V., 2015. *Perevod i kommunikativnaya situatsiya* [Translation and Communicative Situation]. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ. 464 p.
- Shamilov R.M., 2015. Formanty kommunikativnoi situatsii spetsifalnogo perevoda [Formants of the Communicative Situation of Specialized Translation]. *Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya: sb. nauch. st.* [Language. Culture. Communication. Collection of Scientific Articles], no. 1 (18), pp. 100-116.
- Sidorov E.V., 2008. *Ontologiya diskursa* [Ontology of Discourse]. Moscow, LKI Publ. 232 p.
- Sidorov E.V., 2010. *Obshaya teoriya rechevoy kommunikatsii: ucheb. posobie* [General Theory of Oral Communication. Textbook]. Moscow, Izd-vo RGSU. 244 p.
- Snell-Horny M., 2006. *The Turns of Translation Studies. New Paradigms or Shifting Viewpoints?* Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 205 p.
- Schweizer A.D., 1988. *Teoriya perevoda: status, problema, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka Publ. 215 p.
- Vandepitte S., 2008. Remapping Translation Studies: Towards a Translation Studies Ontology. *Meta: Translators' Journal*, vol. 53, no. 3, pp. 569-588.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 1990. *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Culture-Oriented Linguistics in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ. 251 p.
- Vlakhov S., Florin S., 1980. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ. 343 p.
- Wolf M., 2017. A "Performative Turn" in Translation Studies? Reflections from a Sociological Perspective. *TranscUlturAl*, vol. 9.1, pp. 27-44.
- Yan C., Huang J.J., 2014. The Culture Turn in Translation Studies. *Open Journal of Modern Linguistics*, no. 4, pp. 487-494. DOI: 10.4236/ojml.2014.44041
- Zwilling M.Ya., 2009. O nekotorykh modifikatsiyakh kommunikativnogo podkhoda k ponyatiyu perevoda [On Some Modifications of Communicative Approach to the Notion of Translation]. *O perevode i perevodchikakh* [About Translation and Translators]. Moscow, Vost. kn. Publ., pp. 80-85.

DICTIONARY

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited, 2006. 1693 p.

Information About the Author

Vadim V. Sdobnikov, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Language and Translation, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31A, 603155 Nizhny Novgorod, artist232@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4717-2980>

Информация об авторе

Вадим Витальевич Сдобников, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31А, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, artist232@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4717-2980>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.8>

UDC 81'25:008
BBC 81.18

Submitted: 29.12.2022
Accepted: 03.04.2023

TRANSLATING TRANSCULTURAL LITERATURE: CULTURAL TRANSLATION SQUARED¹

Elena V. Beloglazova

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The present paper focuses on external language-based culture presentation, which can result from two distinct kinds of translation – the traditional translation, departing from a culturally loaded text, and the translation of culture, departing directly from the culture being presented. Despite the fact that in both instances we deal with translation and similar linguistic mechanisms are being involved, the comparative study of a transcultural text of L. Tolstoy's *Hadji Murad* and its translation into English allows to demonstrate significant distinctions between the two modes of translation. At that, the distinctions affect such core features of translation as its accuracy and readability. In particular, the study revealed that the direct translation of culture, being unconditioned by the source text and the derivative status, tends to be more precise in rendering the specific features of a unique culture it deals with, introducing xenonymic elements at the expense of language homogeneity. While in traditional text-to-text translation, striving to comply with the requirements of readability and normality, cultural meanings appear to be much more prone to neutralizing and distorting. The presented study demonstrates that the losses and distortions we associate with translation are not inevitable and can be minimized. The practice underlying the translation of culture can serve as a source of a strategy fit to deal with culturally loaded texts.

Key words: translating culture, linguaculture, culturonym, foreign culture description, external linguacultural context.

Citation. Beloglazova E.V. Translating Transcultural Literature: Cultural Translation Squared. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 86-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.8>

УДК 81'25:008
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 29.12.2022
Дата принятия статьи: 03.04.2023

ПЕРЕВОД ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА: ДВОЙНОЙ ПЕРЕВОД КУЛЬТУРЫ¹

Елена Владимировна Белоглазова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В фокусе настоящей статьи находится иноязычное описание культуры, которое может быть результатом двух разновидностей переводческой деятельности – традиционного перевода, отправной точкой для которого является тот или иной культурно-маркированный текст, и перевода культуры, отправной точкой для которого выступает непосредственно описываемая культура. Цель исследования – определить различия между традиционным литературным переводом текста и переводом культуры. В результате сопоставительного анализа транскультурного текста повести «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого и ее перевода на английский язык установлено, что в переводах обоих видов применены сходные лингвистические механизмы, различия обнаруживаются при реализации таких ключевых параметров перевода, как точность и доступность. Показано, что прямой перевод культуры, не скованный рамками оригинального текста и статусом вторичности, тяготеет к точности в передаче уникальных черт описываемой культуры за счет введения ксенонимов, которое неизбежно влечет нарушение языковой однородности текста. При традиционном переводе, отражающем стремление переводчика к соблюдению требований доступности и соответствия языковой

норме, в большей степени искажаются и нейтрализуются культурные смыслы. Утверждается, что смысловые потери могут быть минимизированы. Практика перевода культуры, лежащая в основе транскультурной литературы, может послужить основой для адекватной стратегии перевода культурно-маркированных текстов.

Ключевые слова: перевод культуры, лингвокультура, культуроним, иноязычное описание культуры, инолингвокультурный контекст.

Цитирование. Белоглазова Е. В. Перевод транскультурного текста: двойной перевод культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 86–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.8>

Введение

Недавнее исследование, проведенное нами с Н.К. Генидзе и Ю.В. Сергаевой на материале корпуса заголовков *Rossica-T* [Beloglazova, Sergaeva, 2022; Белоглазова, Генидзе, 2022], показало существенную негативизацию образа России в современном международном пространстве. Это отношение уходит корнями глубоко в историю, варьируясь от настороженности до враждебности, и сохраняется до сих пор. Поэтому важно актуализировать один из немногих положительно маркированных слотов в концепте РОССИЯ, а именно слот «русская литература».

В то же время необходимо уточнить, что русская литература, оставаясь частью концепта и бренда РОССИЯ, уже давно вышла за их границы, став мировым достоянием, пополнив корпус «мировой литературы».

Мировая литература (World Literature, Weltliteratur) – термин, восходящий к трудам И.В. фон Гёте, был введен в активный научный оборот на рубеже XX–XXI вв. Дэвидом Дэмрошем, определившим ее как литературу, выигрывающую от перевода [Damrosch, 2003, p. 288]. В предисловии к «Longman Anthology of World Literature» Д. Дэмрош поясняет, что перевод не просто отражает с зеркальной точностью значение оригинала, но выступает призмой, в процессе преломления высвечивающей новые грани смысла канонического текста [Damrosch, Pike, 2009, p. xix].

Работы Д. Дэмроша – это не только апология мировой литературы, но и апология литературного перевода, который, по мнению исследователя, оказывается способным делать чужую литературу близкой, сохраняя в то же время культурную дистанцию, передавать уникальность конкретной культуры и, одновременно, ее глобальную универсальность [Damrosch, 2003, p. 164]. На комплимен-

тарную оценку автора, удивительным образом, не влияют переводческие ошибки и вольности, примеры которых он приводит в обзоре «Reading in Translation» [Damrosch, 2018].

Противоположной оценки перевода произведений художественной литературы придерживается Э. Эптер, которая считает, что сама практика перевода, лежащая в основе формирования мировой литературы, такова, что в процессе его иная культура теряется [Apter, 2013]. Особенно если перевод осуществляется на английский язык, где к нему предъявляется требование «невидимости» [Venutti, 1995] и где «сглаживание» является универсалией [Baker, 1993]. Если перевод должен читаться легко и гладко, это значит, что его идиостилевость и идиокультурность должны быть нивелированы. Мировая литература действительно доступна и понятна всем, но это происходит за счет ее «присвоения» культурными гегемонами нашего мира и «втискивания» в традиционные шаблоны [Apter, 2013].

В справедливости рассуждений Э. Эптер легко убедиться, обратившись к анализу переводов русской классики. Так, при переводе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на английский язык происходит последовательная доместикация: все идиокультуронимы, за которыми стоят русские культурные реалии переданы аналогами принимающей культуры (*барин* → *gentleman*, *верста* → *mile*, *десятина* → *acre*). Фактически в результате деятельности переводчика произошла замена одной культуры на другую, создав у читателя впечатление, о котором Дж. Конрад писал, что для него Тургенев – это Констанс Гарнетт, а Констанс Гарнетт – это Тургенев (цит. по: [Davison-Pégon, 2010]).

Рассмотрим еще один пример критикуемых Э. Эптер «присвоения» и «втискивания в шаблоны» как практик, лежащих в основе

мировой литературы: название оригинальной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» с трудом узнается в переводах *The Misfortune of Being Clever* (перевод S.W. Pring), букв. 'Несчастье быть умным', и *The Mischief of Being Clever* (перевод В. Pares), букв. 'Вред в том, чтобы быть умным'. При этом они устанавливают незапланированный автором диалог с комедией Оскара Уайльда *The Importance of Being Earnest* («Как важно быть серьезным»). Комедия Грибоедова с такими названиями начинает восприниматься сквозь призму произведения Уайльда, приобретая некоторую вторичность.

Мировая литература является порождением культурной глобализации и ее симптомом. Наступившая постглобализация – это уже эпоха транслингвальной и/или транскультурной литературы, которая по-прежнему тяготеет к глобальному охвату читательской аудитории, но при этом стремится донести до читателя уникальность каждой культуры.

Транслингвальный / транскультурный текст строится на эптеровской непереводаемости, то есть на принципиальном непереводе непереводаемого. Если мировая литература отражает перевод текста, в котором каждое слово находит свой эквивалент или аналог, то транслингвальная / транскультурная литература отражает перевод культуры, где культурное своеобразие не сглаживается, подменяясь на нечто понятное и, порой, банальное, но остается собой, обрастая при этом смыслом.

В настоящей статье на основе сравнения двух текстов, первым из которых является перевод культуры, а вторым – его перевод, продемонстрируем различия между этими разновидностями перевода.

Материал и методы

Перевод культуры неразрывно связан с нарушением границ между языками – границ тех «кругов», которые, по образному выражению В. фон Гумбольдта, языки очерчивают вокруг своих носителей, воплощая дух народа, его культуру [Гумбольдт, 1984]. Принципиальную проницаемость этих «кругов» обосновывает теория интерлингвокультурологии, в рамках которой В.В. Кабакчи формулирует принципы иноязычного описания культуры.

Кратко суммируем основные положения интерлингвокультурологии:

1. Язык формирует неразрывное единство со своей («внутренней») культурой, систематически выступая средством ее вербализации, чему служат идиокulturонимы – специальная терминология этой культуры, представляющая собой органическую часть словаря любого языка.

2. Любой язык может быть применен к описанию любой культуры. Не имея изначально средств выражения для особенностей «внешней» для него культуры, язык описания обогащается введением в него ее особых культуронимов – ксенонимов.

3. Способы введения ксенонимов варьируются по параметрам точности и доступности; в современной межкультурной коммуникации принципиальным является именно параметр ксенонимической точности, гарантирующей узнавание описываемого факта уникальной культуры, а не его подмену на инокультурный аналог.

4. Описание внешней культуры, то есть выход в область иной лингвокультуры, является в то же время и выходом за рамки языка описания: иноязычное описание культуры неизбежно сопровождается нарушением языковой однородности, кодовой гибридизацией (подробно об этих принципах см.: [Kabakchi, 2012]).

Введение в язык описания внешней культуры ксенонимов не случайно толкуется В.В. Кабакчи в переводческих терминах: фактически происходит именно перевод, но оригиналом выступает не текст, а культура, то есть происходит перевод культуры.

Исследователи считают важным отграничить описание внешней культуры от «функционально-родного варианта языка» – вторичного, но не чужого средства выражения своей культуры, в котором бывшие ксенонимы уже вошли в ядро культуронимической лексики [Кабакчи, Прошина, 2021, с. 170]. Граница между этими явлениями не всегда четко различима, особенно когда речь идет не о культурологическом трактате, а о художественном тексте, в котором при создании живого культурного ландшафта задействуется весь арсенал языковых ресурсов. Однако определить ее возможно, обратившись к рефлексии писа-

теля над языком. Например, О. Грушин – американская писательница с русскими корнями – так характеризует свой творческий метод: «Я пыталась наполнить свой английский ощущением русскости, поскольку мне хотелось, чтобы роман передавал особое русское мироощущение. Я нередко сохраняла в английских предложениях русские обороты (надеюсь, оставаясь при этом в рамках английской грамматики), вкрапляла аллюзии на русскую классику и в целом пыталась через язык донести образ мышления всего поколения русской интеллигенции шестидесятых годов» (перевод наш. – Е. Б.) [10 Questions...]. Автор поясняет, что для передачи внешней культуры она вводит в язык описания иноязычные элементы («русские обороты», «аллюзии на русскую классику»), заботясь при этом о том, чтобы остаться в рамках нормы английского языка. Следовательно, очевидна дистанция между языком описания и описываемой лингвокультурой. Отметим, что при нативизации языка эта дистанция нивелируется.

Кратко остановимся на понятиях транслингвальности и транскультурности, находящихся в фокусе нашего внимания.

Эти термины предельно близки: 1) за счет общей для них модели и первого элемента «транс», вербализующего семантику пересечения, перехода границ между языками в одном случае и культурами в другом; 2) тесной взаимосвязи между языком и культурой, которую фиксируют такие терминологические обозначения, как лингвокультура [Кабачки, Прошина, 2012; Карасик, 2022], лингвокультурология [Карасик, 2020]. Эта близость оправдывает синонимическое использование терминов. Так, З.Г. Прошина определяет транслингвальность как «плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой» [Прошина, 2017, с. 160], отмечая, что эта практика легла в основу литературного направления, именуемого «транслингвальная / транскультурная литература, иногда также называемая контактной литературой» [Прошина, 2017, с. 162].

В то же время каждому из терминов может приписываться и особое значение, и хотя его уяснение может быть несколько затруднено за счет авторских переосмыслений терминов, попытаемся все же выделить их

смысловые константы. Так, С. Келлман трактует транслингвальность достаточно широко, усматривая ее там, где автор использует более одного языка или язык, не являющийся для него родным [Kellman, 2003, p. ix]. Е.В. Харитонова и Р.Р. Чайковский рассматривают сквозь призму транслингвальности явление автоперевода [Харитонова, Чайковский, 2016]. При всех различиях этих подходов в целом речь идет о выходе за рамки своего языка в область, традиционно описываемую другими языками и носителями этих языков. Если исключить метафоры и авторские вольности, можно утверждать, что транслингвальность отражает ситуации неродноязычной языковой практики, обосновывая ее лингвокреативность, базирующуюся на языковой гибридности.

Описывая транскультурность, М.В. Тлостанова отмечает, что «культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на “непрозрачность”» [Тлостанова, 2008, с. 28]. Встречаются культуры при посредстве языков благодаря способности языков быть обращенными как к своей родной («внутренней») культуре, так и к любой иной культуре, ко всему мультикультурному миру. При этом говорящий может оставаться в рамках родной для себя культуры, но прибегать в ее описании к иному языку, а может использовать родной язык для описания внешней для него культуры. Именно это различие и позволяет провести границу между понятиями транскультурности от транслингвальности. Самой своей формой термин «транскультурность» акцентирует тот факт, что говорящий выходит при этом за рамки родной культуры. Именно в таком значении этот термин был предложен Ф. Ортисом и использован им для описания сложных процессов формирования кубинского народа в результате столкновения с носителями внешних культур. В частности, это транскulturация иммигрантов-испанцев, которые были вынуждены приспособливаться к новому культурному симбиозу.

Таким образом, под транскультурностью понимается экспансия языка (и его носителей) в область внешней для него культуры; в то время как под транслингвальностью – экспансия культуры в область иного языка, который

применяется (приспосабливается) для ее описания.

С опорой на понятие транскультурности охарактеризуем повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Этот русский текст передает нерусское (кавказское) мировосприятие, характеризуется лингвокультурной неоднородностью, описывая ситуацию экспансии русской культуры, приведшую к конфликту мироощущений. Перевод произведения на английский язык позволяет показать отличия перевода текста от перевода культуры.

Результаты и обсуждение

«Хаджи-Мурат» как перевод культуры

Л.Н. Толстой с редкой полнотой и доскональностью рисует в русскоязычном тексте образ внешней для русского языка культуры посредством ксенонимов кавказской культуры.

Наиболее частотным ксенонимом является заимствованное слово-реалия. Например:

(1) Жена Садо несла низкий круглый столик, на котором были чай, **пильгиши**, блины в масле, сыр, **чурек** – тонко раскатанный хлеб – и мед. Девочка несла таз, **кумган** и полотенце... Потом, взяв в руки кумган, он придвинул к Хаджи-Мурату таз. Хаджи-Мурат засучил рукава **бешмета** на мускулистых, белых выше кистей руках и подставил их под струю холодной прозрачной воды, которую лил из кумгана Садо (ХМ).

В примере (1) концентрация таких ксенонимов весьма высока, при этом лишь небольшая их часть сопровождается авторским пояснением (*чурек – тонко раскатанный хлеб*). В большинстве случаев функцию семантизации выполняет контекст: такие единицы, как *столик, чай, блины*, задают гастрономическое поле интерпретации. Тот факт, что читатель не понимает нюансов описания, является частью запланированного эффекта: это другая культура, о которой читатель мало знает, и автор постоянно ему об этом напоминает.

Менее частотны ксенонимы – иноязычные вкрапления. Они призваны создавать особую лингвокультурную полифонию, позволяющую избежать абсурдной ситуации, отмеченной А.С. Пушкиным: «У Расина полускиф Ип-

полит говорит языком молодого благовоспитанного маркиза» [Пушкин, 1978, с. 147]. У Толстого читаем:

(2) – **Не хабар?** – спросил Хаджи-Мурат старика, то есть: «что нового?»

– **Хабар иок** – «нет нового» – отвечал старик, глядя не в лицо, а на грудь Хаджи-Мурата своими красными безжизненными глазами (ХМ);

(3) «Ламорой твой Шамиль», – сказал Хан-Магома, подмигивая Лорис-Меликову. «**Ламорой**» было презрительное название горцев (ХМ).

Примечательно, что здесь заимствуются не культурные термины, не названия уникальных реалий, а риторические фигуры, дискурсивные обороты, позволяющие читателю слышать голос другого. Эти обороты (*не хабар, хабар иок, ламорой*) в тексте снабжены переводами-пояснениями. Смысловую нагрузку несет именно авторский перевод, а иноязычное вкрапление нужно для того, чтобы вызвать у читателя ощущение непонятности, непрозрачности, чужеродности другого.

В создании лингвокультурной полифонии участвуют и ксенонимы – риторические и фразеологические кальки:

(4) – **Приход твой к счастью**, – сказала она и, перегнувшись вдвое, стала раскладывать подушки у передней стены для сидения гостя (ХМ);

– **Сыновья твои да чтобы живы были**, – ответил Хаджи-Мурат, сняв с себя бурку, винтовку и шашку, и отдал их старику (ХМ).

(5) – Хорошо, – сказал Хаджи-Мурат. – **Веревка хороша длинная, а речь короткая** (ХМ).

Фразеология – источник сведений о национально-культурных особенностях, стереотипных представлениях, мировоззрении народа – становится, таким образом, «достоянием языкового сознания» [Багаутдинова, 2007, с. 7]. Ксенонимы этого типа вскрывают внутреннюю форму языка и позволяют читателю приблизиться к мировидению говорящего.

Помимо лексики, идиоматики, речевых клише, ксенонимами могут выступать и грамматические особенности текста. Так, Л.Н. Толстой вводит в повествование формально эквивалентную глоссу иноязычной речи, комментарием акцентируя внимание читателя на отсутствии в имитируемом языке оппозиции *ты / вы*:

(6) – **Расскажи мне (по-татарски нет обращения на вы)** все с начала, не торопясь, – сказал Лорис-Меликов, доставая из кармана записную книжку (ХМ).

Это важная черта характеристики переводчика-дипломата, единственного из русских, говорящего на языке Хаджи-Мурата и понимающего горцев.

Особую категорию ксенонимов составляют заимствованные когнитивные структуры описываемой лингвокультуры, которые автор доносит до нас через сеть метафор и сравнений:

(7) Элар сел, скрестив ноги, и молча уставился своими красивыми **бараньими глазами** на лицо разговорившегося старика (ХМ);

(8) Осман и Хаджи-Мурат были **как орлы** смелы, ловки и сильны (ХМ);

(9) Пиши: родился в Цельмесе, аул небольшой, **с ослиную голову**, как у нас говорят в горах, – начал он (ХМ);

(10) Она, **как пчела**, знала, в какое место больнее ужалить его (ХМ).

В приведенных метафорах превалирует домен естественной природы, частью которого в описываемой культуре осмысливается и человек.

Итак, мы кратко охарактеризовали стратегию описания кавказской культуры, которая строится на введении в текст системы ксенонимов различной природы, охватывающих в совокупности не только материальную культуру, но и образ мышления и речевое поведение ее представителей.

Горцам противопоставлены русские завоеватели, несущие на Кавказ свой язык, свою культуру, религию, образ жизни. Этому автор также уделяет существенное внимание, педантично описывая детали сельского, армейского и дворцового быта с использованием специальных культуронимов-русизмов:

(11) **Выборный** заходил. На **барщину** всем кирпич возить, – сказала старуха (ХМ);

(12) Эка молодчина Авдеев! **Прокурат** малый. Ну-ка? (ХМ);

(13) Только стал заряжать, **ваше благородие**, – заговорил солдат, бывший в паре с Авдеевым, – слышу – чикнуло, смотрю – он ружье выпустил (ХМ);

(14) А вот веришь ли, Антоныч, теперь скучаю. И больше с того скучаю, что зачем, мол,

за брата пошел. Он, мол, теперь **царствует**, а ты вот мучаешься. И что больше думаю, то хуже. Такой грех, видно (ХМ).

В произведении можно обнаружить культуронимы-реалии, культуронимы – риторические обороты, культуронимы-метафоры.

Охарактеризуем стратегию портретирования культуры, используемую Л.Н. Толстым. Во-первых, автор уделяет большое внимание культурной информации, о чем свидетельствует детальность и точность описаний. В оценке надежности толстовского описания кавказской культуры мы опираемся на мнение А.А. Гаджиевой, заключающей, что текст повести «демонстрирует глубокие знания автора языков тюркской группы, умелое их использование» [Гаджиева, 2021, с. 84]. Во-вторых, для введения элементов внешней культуры в русскоязычное повествование Толстой использует арсенал приемов перевода с форенизирующим потенциалом – транслитерацию, калькирование – во избежание нейтрализации оппозиции культур. В-третьих, автор создает высокую концентрацию культурно маркированных элементов в ущерб понятности и доступности описания. Это свидетельствует о том, что культурная информация является доминирующей в смысловой структуре произведения. Основными носителями культурной информации в тексте становятся слова-реалии, имена собственные и обращения, риторические обороты, дискурсивные и когнитивные структуры, в совокупности создающие объемный и многосторонний образ описываемой культуры. В-четвертых, вербализацию кавказской и русской культур автор строит симметрично, используя сопоставимые семантические и формальные классы культуронимов, что способствует созданию четкого контраста сталкивающихся миров.

Перевод «Хаджи-Мурата» как перевод перевода культуры

Произведения Л.Н. Толстого, будучи частью мировой литературы, переводились на английский язык не единожды. В частности, имеются переводы «Хаджи-Мурата», выполненные А. Мод и Л. Мод (1912), Р. Пивером и Л. Волохонской (2009), К. Зиновьевым и Дж. Хьюз (2011). В наши задачи не входило оценка качества этих переводов, их

сопоставительный анализ. Для выявления различий между переводом культуры и переводом текста мы остановились на первом переводе повести, выполненном А. Мод и Л. Мод, пережившем несколько переизданий. Выбор обусловлен тем, что переводчики были хорошо знакомы с Л.Н. Толстым (А. Мод принадлежит также авторизованная Толстым биография писателя), высокая оценка переводов самим Толстым: «Better translators both for knowledge of the two languages and for penetration into the very meaning of the matter translated could not be invented» [Maude, 1905] – «Лучших переводчиков – как по уровню владения языками, так и по глубине проникновения в смысл переводимого – невозможно себе представить» (перевод с англ. наш. – Е. Б.).

Рассмотрим, как А. Мод и Л. Мод передали столкновение культур, представленное в повести. Приведем две серии примеров: фрагменты, которые мы привлекали для характеристики авторской стратегии портретирования культур, и их переводы.

Серия 1. Передача в переводе элементов кавказской культуры

(15) – **Не хабар?** – спросил Хаджи-Мурат старика, то есть: «что нового?» (ХМ) → “**Ne habar?**” (“**Is there anything new?**”) asked **Hajji Murad, addressing the old man** (НМ, р. 5);

(16) – **Приход твой к счастью,** – сказала она и, перегнувшись вдвое, стала раскладывать подушки у передней стены для сидения гостя.

– **Сыновья твои да чтобы живы были,** – ответил Хаджи-Мурат, сняв с себя бурку, винтовку и шашку, и отдал их старику (ХМ) → “**May thy coming bring happiness!**” said she, and bending nearly double began arranging the cushions along the front wall for the guest to sit on.

“**May thy sons live!**” answered Hajji Murad (НМ, р. 4);

(17) – **Расскажи мне (по-татарски нет обращения на вы)** все с начала, не торопясь, – сказал Лорис-Меликов, доставая из кармана записную книжку (ХМ) → “**Thou must tell me**” (**in Tartar nobody is addressed as “you”**) “everything, deliberately from the beginning,” said Loris Melikov drawing a notebook from his pocket (НМ, р. 58);

(18) Пиши: родился в Цельмесе, аул небольшой, **с ослиную голову,** как у нас говорят в горах, – начал он (ХМ) → “Write: Born in Tselmess, a small

aoul, ‘the **size of an ass’s head,**’ as we in the mountains say,” he began (НМ, р. 59).

Приведенные фрагменты иллюстрируют точную передачу кавказских ксенонимов всех видов, а также авторских переводов-комментариев.

При переводе фрагментов, в которых описана кавказская культура, эпизодически встречаются случаи сглаживающего перевода.

(19) Хаджи-Мурат этот был знаменитый своими подвигами наиб Шамиля, не выезжавший иначе, как с своим значком в сопровождении десятков мюридов, **джигитовавших** вокруг него (ХМ) → ...murids, who **caracoled and showed off** before him (НМ, р. 8);

(20) Хаджи-Мурат сидел, опустив глаза, и, глядя мальчика по курчавой голове, приговаривал:

– **Джигит, джигит** (ХМ)

→ Hadji Murad, his eyes turned down, sat stroking the boy’s curly hair and saying: “**Dzhigit, dzhigit!**” (НМ, р. 41).

Так, в примере (19) сглаживается культурно маркированный глагол *джигитовать*, при том, что в других контекстах (см. пример (20)) переводчики сохраняют однокоренное опорное слово *dzhigit*.

Серия 2. Передача в переводе элементов русской культуры

(21) **Выборный** заходил. На **барщину** всем кирпич возить, – сказала старуха (ХМ) → **The Elder** has been and orders everybody to go and **work for the master**, carting bricks,” said the old woman (НМ, с. 43);

(22) Эка молодчина Авдеев! **Прокурат** мальиш. Ну-ка? (ХМ) → “What a smart chap you are, Avdeev!... As wise as a **judge!** Now then, lad” (НМ, р. 11);

(23) Только стал заряжать, **ваше благородие,** – заговорил солдат, бывший в паре с Авдеевым, – слышу – чикнуло, смотрю – он ружье выпустил (ХМ) → “I was just going to load, **your honor,** when I heard a click,” said a soldier who had been with Avdeev; “and I look and see he’s dropped his gun.” (НМ, р. 29);

(24) А вот веришь ли, Антоныч, теперь скучаю. И больше с того скучаю, что зачем, мол, за брата пошел. Он, мол, теперь **царствует,** а ты вот мучаешься. И что больше думаю, то хуже (ХМ) → “And yet, will you believe me, Panov, it’s chiefly because of that that I feel so dull now? ‘Why did you

go instead of your brother?’ I say to myself. ‘He’s now **living like a king** over there, while you have to suffer here;’ and the more I think of it the worse I feel.” (НМ, р. 13).

Как показывает вторая серия примеров, применительно к культуронимам-русизмам доминирует стратегия сглаживания – нейтрализации культурной маркированности, а также некоторая небрежность, приводящая к неточностям перевода: *прокурат* значит «ловкач» и к юридической системе отношения не имеет; *your honor* – обращение, жестко привязанное к судье, является спорным соответствием для *ваши благородие*. Не преследуя цели дать обзор переводческих ошибок, мы лишь хотели отметить асимметрию в отношении переводчика к маркерам разных культур.

Выборочное сглаживание в описаниях кавказской культуры и сплошное сглаживание в описаниях русской культуры может приводить к размыванию границы между культурами, столкновение между которыми является центральной темой произведения.

Так, *барин* и *мюрид* сливаются в переводе в широкозначном *master*; *выборный* в русской деревне и *старик* чеченцев сливаются в *elder*; *шапка* старика отца Петра Авдеева, *фуражка* императора Николая, *шляпа-треуголка* князя Чернышева, *папах* Эльдара сливаются в *cap*.

В доказательство значимости стертых в переводе различий приведем мнение социолога, политолога, экономиста (не лингвиста и не культуролога) С. Хантингтона: «...флаги имеют значение, как и другие символы культурной идентификации, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы, потому что имеет значение культура, а для большинства людей культурная идентификация – самая важная вещь» [Хантингтон, 2003].

Заключение

Л.Н. Толстой тщательно, педантично описывает сталкивающиеся культуры, уделяя особое внимание таким макрокультурным параметрам, как религия и язык. Текст изобилует специальной лексикой, где военная номенклатура, реалии быта, вербализованные культуронимами соответствующих культур, выстраиваются в четкие оппозиции.

При этом кавказские ксенонимы оказываются более концентрированными и рельефными, поскольку требуют от автора особых усилий для их введения, которые и придают ксенонимам особую значимость. Симметричные элементы оппозиции – идиокультуронимы-русизмы – сливаются с языком описания, являясь его органической частью. Разный статус культуронимов – идионимов русской культуры и ксенонимов кавказской – вносит асимметрию в изначально симметричную антитезу Толстого. Эта асимметрия становится очевидной в переводе текста на английский язык.

Обобщим наши наблюдения. Во-первых, описание русской культуры, воспринимаемое читателем и переводчиком как органичное лингвокультурное единство, подвергается сглаживающему переводу, в котором все идиокультурное содержание нейтрализуется. Во-вторых, описание кавказской культуры, которое отличается обычная для транскультурных текстов кодовая гибридность, встроенные авторские комментарии, изначально лишено столь ценной в переводах гладкости. Соответственно, и перевод оказывается свободным от этого требования, а переводчик, уполномоченный примером автора, волен не жертвовать точностью передачи культурно значимой информации, но сохранять лингвокультурную полифонию, хотя и в ущерб доступности текста читателю. В результате первичный перевод описания русской культуры оказывается менее точным, чем перевод перевода кавказской культуры. В-третьих, результатом различных стратегий перевода применительно к фрагментам текста, обращенным к русской и кавказской культурам, является искажение авторского замысла произведения, поскольку в англоязычном переводе в значительной степени стирается столкновение культур, а элементы сглаживающего перевода создают несуществующую в оригинале зону культурной общности.

Абстрагируясь от текста, послужившего отправной точкой для наших рассуждений, можно отметить следующее:

– перевод традиционно легко относится к нейтрализации культурной информации, что оказывается нормой даже для культурно нагруженных текстов. Это то, что Э. Эптер называет тотальным переводом, подрывающим

ценность переводной литературы. В лучшем случае такой перевод теряет культуру, в худшем – подменяет культуры;

– транскультурная / транслингвальная литература – реакция на мировую литературу с ее культурным выхолащиванием – является примером перевода культуры, который можно и, наверное, логично инкорпорировать в технологию перевода в целом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена; грант 1ВГ «Универсальные и лингвоспецифические механизмы иноязычного описания русской культуры».

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia; grant 1VG “Russian culture through the prism of foreign languages: universal and language-specific mechanisms.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаутдинова Г. А., 2007. Человек во фразеологии (антропоцентрический и аксиологический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань. 45 с.
- Белоглазова Е. В., Генидзе Н. К., 2022. Стереотипное и творческое в заголовках Rossica: корпусное исследование // Известия Восточного института. № 4. С. 104–113. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-4/104-113
- Гаджиева А. А., 2021. «Свое» и «чужое» в бикультурном художественном пространстве // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. № 2. С. 81–84.
- Гумбольдт В. фон, 1984. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М. : Прогресс. 400 с.
- Кабакчи В. В., Прошина З. Г., 2012. В чужой монастырь со своим лингвокультурным уставом: обращение // Личность. Культура. Общество. Т. 14, № 1 (69–70). С. 164–173.
- Кабакчи В. В., Прошина З. Г., 2021. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. Т. 25, № 1. С. 165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
- Карасик В. И., 2020. Перспективы развития современной лингвокультурологии // Перспективные направления современной лингвистики. М. : РУДН. С. 26–31.
- Карасик В. И., 2022. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // Общая и русская лингвоаксиология. Ярославль : Канцлер. С. 14–39.
- Прошина З. Г., 2017. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Т. 14, № 2. С. 155–170. DOI:10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170
- Пушкин А. С., 1978. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. С. 146–152.
- Глостанова М. В., 2008. От философии мультикультурализма к философии транскulturации. М. : РУДН. 251 с.
- Хантингтон С., 2003. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М. : АСТ. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3893>
- Харитоновна Е. В., Чайковский Р. Р., 2016. Авторский перевод как форма транслингвизма // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2 (50). С. 140–145.
- Apter E., 2013. Against World Literature: On the Politics of Untranslatability. L. ; N. Y. : Verso. 382 p.
- Baker M., 1993. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology: In Honour of John Sinclair. Amsterdam : John Benjamins. P. 233–250.
- Beloglazova E. V., Sergaeva Yu. V., 2022. Titular Creativity in Rossica: Can You Know a Book by Its Cover? // Когнитивные исследования языка. № 2 (49). P. 516–520.
- Damrosch D., 2003. What Is World Literature? Princeton, Oxford : Princeton University Press. 324 p.
- Damrosch D., 2018. How to Read World Literature. 2nd ed. Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell. 216 p.
- Damrosch D., Pike D. L., 2009. Preface // Longman Anthology of World Literature. 2nd ed. London ; N. Y. : Pearson / Longman. P. xv–xix.
- Davison-Pégon C., 2010. No Smoke Without Fire? Mrs Garnett and the Russian Connection // Cahiers Victoriens et édouardiens. Vol. 71 (Printemps). DOI: 10.4000/cve.2827
- Harrison N., 2014. World Literature: What Gets Lost in Translation? // The Journal of Commonwealth Literature. Vol. 49, № 3. P. 411–426. DOI:10.1177/0021989414535420
- Kabakchi V. V., 2012. Formation of Russian-Culture-Orientated English // Journal of Siberian Federal

- University. Humanities and Social Sciences. Vol. 5, № 6. P. 812–822.
- Kellman S., Lvovich N. (eds.), 2022. The Routledge Handbook of Literary Translingualism. N. Y. ; L. : Routledge. 426 p.
- Kellman S., 2003. Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft. Lincoln ; L. : University of Nebraska Press. 339 p.
- Maude A., 1905. The Translating of Russian // The Saturday Review. Vol. 99, iss. 2567. P. 17.
- Ortiz F., 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Reprint: N. Y. : Knopf, (1940) 1947. Durham, NC ; L. : Duke University Press Books. 408 p.
- Venutti L., 1995. The Translator's Invisibility. A History of Translation. L. ; N. Y. : Routledge. 353 p.
- 10 Questions with Olga Grushin. URL: <https://www.politics-prose.com/book-notes/10-questions-olga-grushin>
- ИСТОЧНИКИ**
- ХМ – Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. URL: <https://www.litres.ru/lev-tolstoy/hadzhi-murat/>
- HM – Tolstoy L. Hadji Murad / transl. by A. Maude. Mineola ; N. Y. : Dover Publ., 2009. 160 p.
- REFERENCES**
- Bagautdinova G.A., 2007. *Chelovek vo frazeologii (antropocentricheskii i aksiologicheskii aspekty): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Human in Phraseology (Anthropocentric and Axiological Aspects). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Kazan. 45 p.
- Beloglazova E.V., Genidze N.K., 2022. Stereotipnoe i tvorcheskoe v zagolovkakh Rossica: korpusnoe issledovanie [Convention and Creativity in the Rossica Titles: A Corpus-Based Study]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], no. 4, pp. 104-113. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-4/104-113
- Gadzhieva A.A., 2021. «Svoe» i «chuzhoe» v bikulturnom khudozhestvennom prostranstve [“Own” and “Alien” in Bicultural Fictional Space]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities], no. 2, pp. 81-84.
- Gumboldt V. fon, 1984. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Writings on Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 400 p.
- Kabakchi V.V., Proshina Z.G., 2012. V chuzhoy monastyr so svoim lingvokulturnym ustavom: obrashchenie [Into a Strange Monastery With Ones Own Statute: Forms of Address]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], vol. 14, no. 1 (69-70), pp. 164-173.
- Kabakchi V.V., Proshina Z.G., 2021. Leksiko-semanticheskaya otноситelnost i adaptivnost v perevode i mezhkulturnoy kommunikatsii [Lexico-Semantic Relativity and Adaptivity in Translation and Intercultural Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 1, pp. 165-193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
- Karasik V.I., 2020. Perspektivy razvitiya sovremennoy lingvokulturologii [Prospects of Modern Linguaculturology Development]. *Perspektivnye napravleniya sovremennoy lingvistiki* [Development Trends of Modern Linguistics]. Moscow, RUDN, pp. 26-31.
- Karasik V.I., 2022. Shchedrost kak tsennost russkoy lingvokultury [Generosity as a Value of the Russian Linguaculture]. *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya* [General and Russian Linguoaxiology]. Yaroslavl, Kantsler Publ., pp. 14-39.
- Proshina Z.G., 2017. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and Its Application]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i specialnost* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], vol. 14, no. 2, pp. 155-170. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170
- Pushkin A.S., 1978. O narodnoy drame i drame «Marfa Posadnitsa» [About the Folk Drama “Marfa Posadnicza”]. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy. V 10 t. T. 7. Kritika i publitsistika* [Pushkin A.S. Complete Works. In 10 Vols. Vol. 7. Criticism and Publicism]. Leningrad, Nauka Publ. Leningr. otd-nie, pp. 146-152.
- Tlostanova M.V., 2008. *Ot filosofii multikulturalizma k filosofii transkulturalitsii* [From the Philosophy of Multiculturalism to the Philosophy of Transculturalism]. Moscow, RUDN. 251 p.
- Khantington S., 2003. *Stolknovenie tsivilizatsiy i preobrazovanie mirovogo poryadka* [Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow, AST Publ. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3893>
- Kharitonova E.V., Chaykovskiy R.R., 2016. Avtorskiy perevod kak forma translingvizma [Self Translation as a Form of Translingualism]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], no. 2 (50), pp. 140-145.
- Apter E., 2013. *Against World Literature: On the Politics of Untranslatability*. London, New York, Verso. 382 p.

- Baker M., 1993. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications. *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 233-250.
- Beloglazova E.V., Sergaeva Yu.V., 2022. Titular Creativity in Rossica: Can You Know a Book by Its Cover? *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 2 (49), pp. 516-520.
- Damrosch D., 2003. *What Is World Literature?* Princeton, Oxford, Princeton University Press. 324 p.
- Damrosch D., 2018. *How to Read World Literature*. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell. 216 p.
- Damrosch D., Pike D.L., 2009. Preface. *Longman Anthology of World Literature*. London, New York, Pearson / Longman, pp. xv-xix.
- Davison-Pégon C., 2010. No Smoke Without Fire? Mrs Garnett and the Russian Connection. *Cahiers Victoriens et édouardiens. Vol. 71 (Printemps)*. DOI: 10.4000/cve.2827
- Harrison N., 2014. World Literature: What Gets Lost in Translation? *The Journal of Commonwealth Literature*, vol. 49, no. 3, pp. 411-426. DOI:10.1177/0021989414535420
- Kabakchi V.V., 2012. Formation of Russian-Culture-Orientated English. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 5, no. 6, pp. 812-822.
- Kellman S., Lvovich N., eds., 2022. *The Routledge Handbook of Literary Translingualism*. New York, London, Routledge. 426 p.
- Kellman S., 2003. *Switching Languages: Translingual Writers Reflect on Their Craft*. Lincoln, London, University of Nebraska Press. 339 p.
- Maude A., 1905. The Translating of Russian. *The Saturday Review*, vol. 99, iss. 2567, p. 17.
- Ortiz F., 1995. *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*. Reprint: New York, Knopf, (1940) 1947. Durham, NC, London, Duke University Press Books. 408 p.
- Venutti L., 1995. *The Translators Invisibility. A History of Translation*. London, New York, Routledge. 353 p.
- 10 Questions with Olga Grushin. URL: <https://www.politics-prose.com/book-notes/10-questions-olga-grushin>

SOURCES

- Tolstoy L.N. *Khadzhi-Murat*. URL <https://www.litres.ru/lev-tolstoy/hadzhi-murat/>
- Tolstoy L. *Hadji Murad*. Mineola, New York, Dover Publ., 2009. 160 p.

Information About the Author

Elena V. Beloglazova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English for Professional Communication, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, evbeloglazova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0267-9614>

Информация об авторе

Елена Владимировна Белоглазова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, evbeloglazova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0267-9614>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.9>

UDC 81'25:82-1
LBC 81.18

Submitted: 15.01.2023
Accepted: 06.03.2023

**POETIC TRANSLATION AS A HERMENEUTIC DIALOGUE
OF A TRANSLATOR WITH THE SOURCE TEXT
(ON THE ANALYSIS OF MULTI-TEMPORAL TRANSLATIONS
OF M.Yu. LERMONTOV'S "COSSACK CRADLE SONG")**

Svetlana V. Serebriakova

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Alexandra I. Milostivaya

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The article discusses the comparative hermeneutic analysis of the semantic-derivational worldview of the translators who render the classical poetic text in different historical periods. The relevance of the study is stipulated by the increased attention to the sociocultural determination of meaning generation within the framework of the cognitive-and-discursive paradigm that dominates in the modern community of linguists and translators. *Cossack Cradle Song* and its five translations into German carried out in different periods served as the practical material. The article aims to establish the features of multi-temporal Russian-German translations of the poem and the source text as a single semantic space that reflects the worldview of the author of the original text, variably explicated by different translators through the language of the target text. According to the research hypothesis, poetic translation reflects the translator's hermeneutic interaction with the original text, which generates the personal meaning of the translated text. The findings of the linguo-stylistic analysis of the *Cossack Cradle Song* at the semantic, meta-semiotic, and meta-metasemiotic levels, reveal that the compensation technique plays the leading role in the process of translating the poetic text studied in this article, contributing to the achievement of expressive and impressive equivalence of the original and the translation in the process of explication of invariant content-factual and content-conceptual meanings, as well as the subjective-personal determinism of translation decisions, which does not contradict the intentions implied by the author of the source text.

Key words: translation, M. Yu. Lermontov, multi-temporal translations, hermeneutics, Russian, German, linguo-stylistic analysis, compensation technique.

Citation. Serebriakova S.V., Milostivaya A.I. Poetic Translation as a Hermeneutic Dialogue of a Translator with the Source Text (On the Analysis of Multi-Temporal Translations of M.Yu. Lermontov's "Cossack Cradle Song"). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 97-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.9>

УДК 81'25:82-1
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 15.01.2023
Дата принятия статьи: 06.03.2023

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
ПЕРЕВОДЧИКА С ИСХОДНЫМ ТЕКСТОМ
(ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ
«КАЗАЧЬЕЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА)**

Светлана Васильевна Серебрякова

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Александра Ивановна Милостивая

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному герменевтическому анализу отраженного в переводных текстах смысло-деривационного мировидения переводчиков, осуществлявших трансляцию классического поэтического текста в разные исторические периоды. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием к социокультурной детерминации смыслогенерирования в рамках доминирующей в современной лингвистике когнитивно-дискурсивной парадигмы. Материалом для анализа послужила «Казачья колыбельная песня» М.Ю. Лермонтова и пять ее разновременных переводов на немецкий язык. Цель статьи – установить специфику разновременных русско-немецких переводов и оригинального текста как единого семантического пространства, в котором отражается мировидение автора исходного текста, вариативно эксплицированное разными переводчиками посредством языка текста-транслята. Выявлено, что в поэтическом переводе отражена герменевтическая интеракция переводчика с текстом оригинала, генерирующая личностный смысл текста-транслята. В результате лингвостилистического анализа «Казачьей колыбельной песни» на семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях определено, что ведущую роль в процессе перевода изучаемого в данной статье поэтического текста играет техника компенсации, способствующая достижению экспрессивной и импрессивной эквивалентности оригинала и перевода в процессе экспликации инвариантных содержательно-фактуальных и содержательно-концептуальных смыслов, а также субъективно-личностная детерминированность переводческих решений, которая не противоречит интенциям, имплицитным автором оригинала.

Ключевые слова: перевод, М.Ю. Лермонтов, разновременные переводы, герменевтика, русский язык, немецкий язык, лингвостилистический анализ, техника компенсации.

Цитирование. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Поэтическая трансляция как герменевтический диалог переводчика с исходным текстом (опыт интерпретации разновременных переводов «Казачьей колыбельной песни» М.Ю. Лермонтова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 97–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.9>

Введение

В антропоцентрически ориентированном переводоведении акцент делается на двоякой языковой компетенции переводчика, генерирующего эксплицитные и имплицитные обертоны смысла с позиции креативного мировидения, детерминированного особенностями горизонта понимания у создателя текста-транслята. В трудах по истории перевода справедливо отмечается, что «установление связи между эпохой, личностью переводчика и результатами его труда предполагает и выявление переводческой интенции, мотивации выбора переводчика, его духовной связи с текстом оригинала» [Юдина, 2020, с. 43]. Подобные рассуждения релевантны в контексте презумпции сущности поэтического перевода как деятельности сотворчества автора оригинала и переводчика, «причем своеобразие вторичного творческого акта определяется наличием общих посылок и эмоционального строя у людей, принадлежащих не только к разным этносам, но и – зачастую – к разным социумам и историческим эпохам» [Алексеева, 2013, с. 56].

Особую актуальность приобретает при этом исследование как индивидуального переводческого дискурса, так и дискурсивного пространства, формируемого текстом оригинала и его переводными, в том числе и разноречивыми, версиями. Включение в данное пространство разновременных переводов одного исходного текста расширяет исследовательскую перспективу, состоящую в изучении динамических процессов в переводящем языке. Такое индивидуальное дискурсивное пространство переводчика поэтических текстов неизбежно включает в себя игру переводчика с поэтом, однако «играя с автором в одну и ту же игру, переводчик, тем не менее, разыгрывает свою игру, отличную от игры автора, идет ли он “своей дорогой” или даже если он “идет по следу поэта”» [Куницына, 2020, с. 6].

Значительный интерес представляет в этом плане обращение к творчеству поэтов, произведения которых в течение столетий привлекают внимание не только ученых, но и переводчиков. Цель данной статьи – определить специфику стихотворения М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» и его раз-

современных переводов на немецкий язык как единого семантического пространства, в котором отражается мировидение автора исходного текста, вариативно эксплицированное разными переводчиками посредством языка текста-транслята.

Материал и методы

Антропоцентрический вектор современной полипарадигмальной лингвистики, будучи «проявлением универсальности социокультурной триады “личность – культура – общество” в изучении эманаций человеческой личности» [Митягина, 2017, с. 31], определяет взаимодействие методов разноаспектного изучения художественных текстов, допускающих ввиду их эстетической емкости множественность интерпретаций. Данный факт обусловил конвергенцию подходов и методов исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Философско-герменевтический подход ориентирует на комплексное понимание текста, невозможное без адекватного понимания его частей, простое сложение которых не дает представления об эмерджентном смысле целого [Серебрякова, Милостивая, 2017, с. 52]. Переводчик приближается к исходному тексту, применяя процедуру герменевтического диалога с его «внутренним» миром. Этот диалог разворачивается не только между двумя разными языками, но и между двумя разными культурами [Danner, 2021, S. 72].

Обращение к разновременным переводам одного оригинала предполагает использование структурно-семиотических методов, позволяющих выйти за рамки текстовых и внетекстовых структур с целью изучения эстетического содержания произведения в широком культурно-историческом контексте. Ю.М. Лотман писал о многослойности и неоднородности текста, который перестает быть элементарным сообщением, вступая в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией [Лотман, 2002, с. 160]. Отмеченное ученым усложнение социально-коммуникативной функции текста необходимо учитывать и переводчику для обеспечения качества перевода, и лингвисту для интерпретации перевода как творческого процесса.

Переводчески релевантной концепцией для нашей работы является предложенная К. Норд факторная модель анализа исходного текста, акцентирующая изучение взаимоотношений внетекстовых и внутритекстовых характеристик исходного текста с учетом его доминирующей коммуникативной функции [Nord, 2009, S. 41]. Базовой процедурой нашего исследования, коррелирующей по основным параметрам с моделью К. Норд, выступает разработанный германистами МГУ метод сплошного трехуровневого лингвостилистического анализа поэтических произведений, фокусирующий внимание на семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях и апробированный в ходе анализа русских переводных версий сочинений Шекспира [Задорнова, 1984, с. 8–9]. На семантическом уровне анализируются языковые стилевые элементы (лексические и грамматические). На метасемиотическом уровне допускаются возможности генерирования нового смысла, поэтому в фокус переводоведа попадают коннотации, эксплицирующие новые экспрессивные, эмоциональные и образные смыслы, то есть метасодержание. На метаметасемиотическом уровне на передний план выходят маркеры языковой личности автора, обнаруженные переводчиком сквозь призму дискурсивной информации о литературном направлении, жанровом каноне и, шире, о культурно-исторической эпистеме той или иной эпохи. При этом имеет место деконструкция семантического наполнения произведения, содержательно-концептуальной информации, детерминированной писательским мировидением.

Деятельностный подход, используемый в данной статье, определяет специфику функциональной транслатологии и трактовку перевода как межкультурного трансфера, предполагающего обращение переводчика при интерпретации оригинала к широкому социальному, культурному и историческому контексту, к конкретным коммуникативным условиям его бытования. Таким образом, по словам К. Райса и Х. Фермеера, перевод зависит не только от значения, но и от смысла / от подразумеваемого автором, то есть от смысла текста-в-ситуации [Reiß, Vermeer, 1984, S. 58].

Материалом для переводческой рефлексии послужила «Казачья колыбельная песня» М.Ю. Лермонтова, который почти половину своей короткой жизни провел на Кавказе. Многократные «свидания» поэта с кавказским краем – в детстве в путешествиях с бабушкой, Е.А. Арсеньевой, затем в ссылке, на военной службе – оставили неизгладимые впечатления в душе поэта, полюбившего Кавказ и близко познакомившегося с горским бытом и нравами. «Казачья колыбельная песня», датированная 1838 г., впервые была опубликована в 1840 г. в «Отечественных записках». Существует пять переводов «Казачьей колыбельной песни» на немецкий язык (см. список источников): 1) «Der Kosakin Wiegenlied», выполненный Фридрихом Боденштедтом (F. Bodenstedt) и опубликованный в 1852 г. в Берлине в первом томе сборника «Поэтическое наследие Михаила Лермонтова» (Bodenstedt) с важным для переводческого анализа подзаголовком: «Zum Erstenmal in den Versmaßen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt, mit Einleitung und erläuterndem Anhang versehen von Friedrich Bodenstedt» – «Первый перевод с русского языка на немецкий с сохранением стихотворного размера, с предисловием и комментариями Фридриха Боденштедта» (перевод с немецкого наш. – С. С., А. М.); 2) «Wiegenlied einer Kosakenmutter», выполненный Андреасом Ашариным (A. Ascharin), вышедший в свет в Ревеле в конце XIX в. и переизданный в 1985 г. в Лейпциге (Ascharin); 3) «Kosakisches Wiegenlied», выполненный Ричардом Питрасом (R. Pietraß) в конце XX в. и опубликованный в Берлине в 1987 г. (Pietraß); 4) «Kosakisches Wiegenlied», выполненный Каем Боровски (K. Borowsky), изданный в 2000 г. (Borowsky); 5) «Wiegenlied der Kosaken», выполненный Эриком Бернером (E. Boerner), изданный в 2011 г. (Boerner).

Основоположник отечественной науки о переводе А.В. Федоров рассматривал новые переводы литературного произведения в различные исторические эпохи как свидетельство высокой художественной ценности исходного текста в мировой культуре и подчеркивал, что каждый новый перевод «раскрывает какие-либо новые, ранее не выявленные черты оригинала» [Федоров, 1983, с. 57]. Аксиоматичен

также тот факт, что «использование разновременных переводов в качестве лингвистического источника изучения языка дает возможность увидеть те изменения, которые в нем произошли» [Кольцова, 2012, с. 44].

Новые переводные версии художественного произведения эксплицируют не только лингвистические инновации, но и особенности принимающей культуры в рамках эпистемологической ситуации периода их возникновения, то есть они являются культурно-сензитивными. Ю.М. Лотман, обращаясь к вопросу о возможности эквивалентной трансляции поэзии, подчеркивает фрактальный характер различных переводных версий в рамках единого переводческого пространства: «Любой из заполняющих его текстов T1, T2, T3 ... Tn будет возможной интерпретацией исходного текста. Вместо точного соответствия – одна из возможных интерпретаций, вместо симметричного образования – асимметричное, вместо тождества элементов, составляющих T1, T2, – условная их эквивалентность» [Лотман, 1996, с. 15].

Следовательно, оригинал и все версии его разновременных переводов рассматриваются нами как единое семантическое пространство в координатах культурно-исторической эпистемы. Его формирование, как отмечает Л.В. Кушнина, «является динамическим процессом, неоднозначным, нелинейным, имеющим множество векторов развития, что приближает его к синергетическим системам» [Кушнина, 2011, с. 173]. Этот процесс порождает многомерные концептуально-валерные смыслы, вариативность которых детерминруется, в числе прочего, фоновыми знаниями реципиента переводов. Ядром этого единого семантического пространства, его инвариантом, является текст на языке оригинала, включающий «функциональное содержание исходного сообщения, то есть его смысловую сторону (семантическую и прагматическую)» [Швейцер, 2018, с. 69–70]. Разновременные переводы-варианты, находясь в отношениях коммуникативно адекватного тождества с оригиналом, преломляют его инвариантный смысл сквозь призму индивидуально-переводческого мировидения и тем самым выступают в качестве метатекстов. Таким образом, как отмечал В.С. Виноградов, перевод по-

эзии – «это искусство “вторичное”, искусство “перевыражения оригинала” в материале другого языка» [Виноградов, 1978, с. 42]. Поэтический перевод представляет собой «своеобразную форму “вторичного” художественного творчества» [Виноградов, 1978, с. 42].

Трактовка перевода как герменевтического диалога с исходным текстом в ходе трансляции поэтического произведения, имплицитно примат не буквальной и дословной передачи значений отдельных лексем, а приоритетное ориентирование на воспроизведение концепта, его семиотики, когда переводчику необходимо сопоставлять ассоциативно-вербальные сети и «сцеплять смыслы» своего и чужого языков. При таком подходе перевод рассматривается как принятие определенного решения [Darwish, 2008, p. 29; Wilss, 2005, S. 660] по выбору актуального варианта-эквивалента в социокультурной эпистеме периода трансляции, причем данный эквивалент должен коммуникативно адекватно отобразить актуальные инвариантные содержательно-фактуальные и содержательно-концептуальные смыслы оригинала. Уподобление текста-транслята, характеризующегося «определенной свободой интерпретации, содержательным и формальным варьированием» [Жантурина, Колесникова, 2022, с. 63], оригинальному поэтическому произведению осуществляется при помощи техники компенсации, которая призвана обеспечить максимально возможное экспрессивное и импрессивное тождество исходного и переводного текстов.

Результаты и обсуждение

Обратимся к разновременным немецким переводам стихотворения М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (Лермонтов, 1984), созданного поэтом в кавказский период его жизни и творчества. Стихотворение построено как монолог матери-казачки, где три инициальные строфы написаны в традиции колыбельной, а три финальные изображают наполненную опасностями судьбу ребенка, который станет воином-казаком.

Специфика переводов этого стихотворения проявляется прежде всего в трансляции заглавия, которое, будучи «сильной» позицией текста, детерминирует рецепцию его концеп-

туального смысла. На семантическом уровне анализа заглавие исходного текста представляет собой расчлененный номинативный знак – «*Казачья колыбельная песня*» (атрибутивное сочетание существительного, номинирующего жанр оригинала, с двумя препозитивными определениями). Структура исходного заглавия в переводах вариативна. Важно отметить, что включенные в заглавие прилагательные, обозначающие признак по отношению к его предмету, мотивированы существительными разных классов: *казачья* – от нарицательного названия лица (*казак*), *колыбельная* – от названия предмета (*колыбель*). Базовая заголовочная номинация стихотворения, определяющая жанр поэтического произведения, сохранена во всех переводных версиях и представлена нерасчлененным знаком – сложным существительным *Wiegenlied* (колыбельная песня).

На метасемиотическом уровне анализа поэтического литературного произведения в фокус анализа переводоведа попадает художественно-эстетический контекст функционирования языковых знаков, детерминирующий генезис коннотаций в составе образного содержания (метасодержания) оригинала и перевода. При этом акцентируется их индивидуально-авторское восприятие, сопровождаемое приращением эмерджентных смыслов в художественном дискурсе. В данном аспекте особое значение приобретает лингвокультурно маркированная атрибутивная характеристика песни – *казачья*, представленная прилагательным, восходящим к гендерно отмеченным обозначениям лиц *казак* / *казачка*. Наименование лица *казак* известно с XIII века. Казаками назывались люди, которые обосновывались в новых неизведанных местах, члены «военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства» (ТСРЯ, с. 259). По данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, *казак* определяется как «войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому словению казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении» (Даль², с. 72–73).

Переводчески релевантным является то, что мотивированные существительным *казак* прилагательные (*казачий*, *казацкий*) различа-

ются по семантике. Так, *казачий / казачья* обнаруживают сему коллективной принадлежности (*казачье войско*), в то время как *казацкий* – сему индивидуальной принадлежности (*казацкая сабля*). В лермонтовском названии «*Казачья колыбельная песня*» реализована сема коллективной принадлежности, отражающая факт бытования особых колыбельных песен во многих казачьих семьях. Структура заглавия сохранена в современных переводах Р. Питраса и К. Боровски («*Kosakisches Wiegenlied*»), однако прилагательное *kosakisch* не зафиксировано в немецких толковых словарях, атрибутивный признак принадлежности к казакам реализуется посредством определяющего слова *Kosaken*- в сложных существительных (*Kosakenfrau*).

В переводе Ф. Боденштедта «*Der Kosakin Wiegenlied*» эксплицирована сема гендерной посессивности, эксплицируемая в немецком суффиксе *-in* (нем. *Kosakin* «казачка»), не содержащаяся в исходном заглавии, однако в полной мере реализованная в содержании стихотворения, представляющего собой монолог матери. В прагматическом плане данный вариант перевода более четко обозначает адресанта песни и снимает возможную культурную лауну. Отметим, что перевод Ф. Боденштедта высоко оценивается современными исследователями и переводчиками произведений Лермонтова. Сема гендерной принадлежности реализована и в переводе А. Ашарина «*Wiegenlied einer Kosakenmutter*», атрибутивная посессивность представлена здесь грамматически корректно в противоположность современному переводу Э. Бернера, где акцентирован мужской гендерный аспект «*Wiegenlied der Kosaken*» посредством множественного числа маскулинного существительного – *der Kosak – die Kosaken* (казак – казаки).

Адресант однозначно представлен в переводе Ф. Боденштедта – это мать будущего казака, предвидящая его дальнейшую судьбу как продолжение дела отца, старого опытного воина. Оценочный характер имеет в исходном тексте описание младенца как будущего воина:

(1) Богатырь ты будешь с виду
И казак душой (Лермонтов, с. 89).

Лексическая единица *богатырь*, выражающая понятие русской лингвокультуры, определяется следующим образом: «человек рослый, дородный, дюжий и видный; необычайный силач; смелый и удачливый, храбрый и счастливый воин, витязь» (Даль¹, с. 102), то есть описывается как внешность, так и характер. Богатырь – это персонаж русских былин и сказок, совершающий подвиги.

Данные культурные смыслы реализованы в переводных версиях стихотворения по-разному: *ein Ritter* (рыцарь) – как результат прагматической адаптации у Ф. Боденштедта; *ein Recke* (богатырь, витязь, великан, герой) – у А. Ашарина и Р. Питраса, *ein Held* (герой) – у К. Боровски:

(2) Wirst ein **Ritter** anzusehen,
Doch Kosak von Herz (Bodenstedt, S. 11).
(3) Von Gestalt wirst du ein **Recke**,
Ein Kosak von Herz (Ascharin, S. 191).
(4) Gleichen wirst du einem **Recken**,
Fühlen als Kosak (Pietraß, S. 145).
(5) Aussehen wirst du wie ein **Held**
Und das Herz eines Kosaken haben (Borowsky, S. 89).

Приведенные соответствия утрачивают как лингвокультурную специфику исходного обозначения, так частично и эксплицитную сему ‘сильный’. В переводе Э. Бернера не отражены и стилистические особенности поэтизма *ein Mann* (мужчина):

(6) Bist vom Kopf bis zu den Zehen
Dann Kosak, ein **Mann** (Boerner, S. 38).

При переводе слова *душа*, эксплицирующего один из значимых концептов русской культуры, переводчики отдали предпочтение не словарному соответствию *Seele*, а номинациям с *Herz* (сердце): *Kosak von Herz* (Ф. Боденштедт и А. Ашарин), *das Herz des Kosaken haben* (К. Боровски) и лишенное атрибута: *Kosak* (Р. Питрас и Э. Бернер).

Маркером жанра колыбельной песни является завершающий каждую строфу рефрен, представленный междометной конструкцией *баюшки-баю*:

(7) Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю (Лермонтов, с. 89).

Эта конструкция восходит к устаревшему глаголу *баить* – в диалектах имевшему значения «говорить, болтать, беседовать, рассказывать, разговаривать, толковать; баить ребенка, байкать, баюкать – припевая укачивать, усыплять» (Даль, 1978, с. 39), представляя собой переводческую лакуну. В трех версиях перевода данная конструкция воспроизводится с помощью глагола *schlafen/einschlafen* (спать / засыпать), отражающего содержательную сущность колыбельной песни:

- (8) Schlaf, mein Kind, schlaf ein! (Bodenstedt, S. 10)
 (9) Schlaf, mein süßes Kind! (Ascharin, S. 191)
 (10) Schlafe ruhig ein (Boerner, S. 38).

К. Боровски, выполнивший перевод белым стихом, использует в качестве рефрена междометное соответствие *eiaropeia* (баюшки-баю), не ставя перед собой задачу сохранения рифмы и ритмической композиции ИТ:

- (11) Schlafe, mein Kleiner, sei ruhig,
eiaropeia (Borowsky, S. 89).

Р. Питрас использует транскрипцию русской рифмовки убаюкивания, что воссоздает ритмический рисунок лермонтовского стиха:

- (12) Schlafe, schaf mein lieber Engel,
Bajuschki-baju (Pietraß, S. 144).

Результаты анализа позволяют рассмотреть идейно-концептуальное содержание стихотворения с выходом на метаметасемиотический уровень исследовательской рефлексии, детерминированный основными биографическими вехами и восприятием эстетики Лермонтова, а также русской историко-культурной эпистемой середины XIX в., что релевантно в ходе интерпретации переводных версий анализируемого стихотворения, в котором поэт устами матери описал военный путь и будущую судьбу младенца, сына старого казака-воина, которую мать определяет как *бранное житье* (устар. «военная, боевая жизнь»), полное опасностей и боевых столкновений с горцами:

- (13) Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
 Смело вдернешь ногу в стремя
 И возьмешь ружье (Лермонтов, с. 89).

Только в трех переводных версиях сделана попытка сохранить это устойчивое сочетание фольклорного типа, однако с утратой его поэтической функции и принадлежности высокому стилю: *Kriegerleben* (жизнь воина) (К. Боровски) и *blut'ge Kampfesmär* (сказ о кровавой битве) (А. Ашарин):

- (14) Es wird eine Zeit kommen,
 Da wirst du selbst das **Kriegerleben**
 kennenlernen;
 Kühn wirst du den Fuâ in den Steigbügel setzen
 Und das Gewehr nehmen (Borowsky, S. 89).
 (15) Kommen wird die Zeit und bringen
blut'ge Kampfesmär,
 du auch wirst aufs Roâ dich schwingen,
 greifen zu der Wehr (Ascharin, S. 191).

В переводе Р. Питраса будущий военный жизненный уклад маленького казака эксплицирует лексема *Schlacht* (битва), стилистически возвышенный коннотативный оттенок придает ей свободный генитивный атрибут *eines Tages* (букв. «однажды»):

- (16) Selber wirst du **eines Tages**
 In das **Schlachten** ziehn;
 Kühn besteigen deinen Rappen,
 Das Gewehr am Knie (Pietraß, S. 145).

В других версиях использован описательный перевод, не сохранивший поэтического пафоса. Чувства матери-казачки в них переданы без экспрессии, ибо не раскрыты опасности, сопровождающие жизнь казака-воина.

Таким образом, перевод на метаметасемиотическом уровне эксплицирует маркеры языковой личности М.Ю. Лермонтова, обнаруженные переводчиком сквозь призму дискурсивной информации о личных жизненных впечатлениях писателя от пребывания на Кавказе и поддерживаемые представленным в тексте-трансляте культурно-историческим колоритом, выражающим «дух» данной эпохи.

Заключение

Рассмотрение текста оригинала – стихотворения М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» – и его пяти переводных версий как единого семантического пространства с использованием процедуры лингвостилисти-

ческого анализа позволило получить следующие результаты, репрезентирующие особенности коммуникативно равноценного воссоздания инвариантных содержательно-фактуальных и содержательно-концептуальных смыслов в различных переводных версиях. Ведущая роль в переводах принадлежит технике компенсации, которая применяется для трансляции индивидуально-авторских смыслов оригинала в разновременных переводах на немецкий язык. Кроме того, указанная техника призвана обеспечить коммуникативную эквивалентность оригинала и текста-транслата как в экспрессивном, так и импрессивном аспектах. В поэтической коммуникации компенсация манифестируется на языковом уровне (в ходе линейной и нелинейной селекции лексем и грамматических форм), а также в экстралингвистическом пространстве семиозиса в социуме и культуре. В поисках адекватного в коммуникативном плане эквивалента при переводе рассматриваемого стихотворения М.Ю. Лермонтова значима субъективная детерминированность выбора переводчика.

Перспективы дальнейшего транслатологического изучения разновременных переводов произведений М.Ю. Лермонтова на разные языки заключаются в выявлении:

– структурно-семантических и прагматических особенностей переводов с учетом национальных, возрастных, гендерных, религиозных и других характеристик личности переводчиков;

– особенностей использования и перевода прецедентных феноменов в различных жанрах художественного дискурса М.Ю. Лермонтова (роман, повесть, короткий рассказ, стихотворение);

– специфики восприятия разновременных переводов произведений М.Ю. Лермонтова на исходном и переводящем языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева М. О., 2013. К вопросу о важности герменевтического подхода при переводе поэтических текстов // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 3. С. 55–63.
- Виноградов В. С., 1978. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М. : Изд-во МГУ. 174 с.
- Жантурина Б. Н., Колесникова С. М., 2022. Перцептивные и градуально-оценочные парадигмы переводного поэтического текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 5. С. 62–72. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.5.6
- Задорнова В. Я., 1984. Восприятие и интерпретация художественного текста. М. : Высш. шк. 152 с.
- Кольцова Ю. Н., 2012. Разновременные переводы новеллы П. Мериме «Кармен» как источник анализа эволюции русского языка // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 2. С. 43–48.
- Куницына Е. Ю., 2020. Поэтический перевод как посттворчество: игра автора vs игра переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 1. С. 3–26.
- Кушнина Л. В., 2011. Основные принципы синергетики перевода // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». № 4. С. 173–177.
- Лотман Ю. М., 1996. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Яз. рус. культуры. 464 с.
- Лотман Ю. М., 2002. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство – СПб. 768 с.
- Митягина В. А., 2017. Социопрагматическое измерение транслатологической парадигмы: коммуникативное действие в переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 30–40. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.3
- Серебрякова С. В., Милостивая А. И., 2017. Семантическая эмерджентность как переводческая проблема // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 48–57. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.5
- Федоров А. В., 1983. Искусство перевода и жизнь литературы : Очерки. Л. : Сов. писатель. 352 с.
- Швейцер А. Д., 2018. Перевод и лингвистика. М. : URSS : ЛЕНАНД. 278 с.
- Юдина Т. В., 2020. Конкурирующие переводы художественной литературы и проблема культурной идентичности переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 1. С. 39–51.
- Danner H., 2021. Hermeneutik. Zugänge, Perspektiven, Positionen. Darmstadt : WBG Academic. 159 S.
- Darwish A., 2008. Optimality in Translation. Melbourne : Writescope Publishers. 318 p.
- Nord C., 2009. Textanalyse und Übersetzen. Tübingen : Julius Groos. 283 S.
- Reiß K., Vermeer H. J., 1984. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen : Niemeyer. 245 S.

Wilss W., 2005. Übersetzen als Sonderform des Risikomanagements // *Meta. Translators' Journal*. Vol. 50, №2. S. 656–664. DOI: 10.7202/011009ar

ИСТОЧНИКИ

Лермонтов – Лермонтов М. Ю. Казачья колыбельная песня // Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М. : Худ. лит., 1984. С. 88–90.

Bodenstedt – Lermontoff M. Der Kosakin Wiegenlied // Michail Lermontoff's Poetischer Nachlass, zum Erstenmal in den Versmaßen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt, mit Einleitung und erläuterndem Anhang versehen von F. Bodenstedt. Berlin : Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei. Bd 1., 1852. S. 10–12.

Borowsky – Lermontow M. Kosakisches Wiegenlied // Gedichte / Übersetzt von K. Borowsky. Leipzig : Reclam Verlag, 2000. S. 89–90.

Pietraß – Lermontow M. Kosakisches Wiegenlied // Gedichte und Poeme / Übersetzt von R. Pietraß. Berlin : Rütten & Loening, 1987. S. 144–145.

Boerner – Lermontow M. Wiegenlied der Kosaken // Gedichte und Epigramme / Neu Übertragen von E. Boerner. Norderstedt : Books on Demand, 2011. S. 38–39.

Ascharin – Lermontow M. Wiegenlied einer Kosakenmutter // Einsam tret ich auf den Weg, den Leeren / Übersetzt von A. Ascharin. Leipzig : Reclam Verlag, 1985. S. 191–193.

СЛОВАРИ

*Даль*₁ – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1978. 699 с.

*Даль*₂ – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1979. 779 с.

ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

REFERENCES

Alekseeva M.O., 2013. К вопросу о важности герменевтического подхода при переводе поэтических текстов [The Importance of Hermeneutical Approach to Translation of Poetic Texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow

University Translation Studies Bulletin], no. 3, pp. 55-63.

Vinogradov V.S., 1978. *Leksicheskiye voprosy perevoda khudozhestvennoy prozy* [Lexical Issues of Prose Translation]. Moscow, Izd-vo MGU. 174 p.

Zhanturina B.N., Kolesnikova S.M., 2022. Pertseptivnye i gradualno-otsenochnye paradigmy perevodnogo poeticheskogo teksta [Perceptual and Gradual-Evaluative Paradigms of the Translated Poetic Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 5, pp. 62-72. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.5.6

Zadornova V.Ya., 1984. *Vospriyatie i interpretatsiya khudozhestvennogo teksta* [Perception and Interpretation of a Literary Text]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 152 p.

Koltsova Yu.N., 2012. Raznovremennyye perevody novelly P. Merime «Karmen» kak istochnik analiza evolyutsii russkogo yazyka [Translations of Carmen by Prosper Mérimée Made at Different Periods as a Source of Analyzing the Evolution of the Russian Language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 2, pp. 43-48.

Kunitsyna E.Yu., 2020. Poeticheskiy perevod kak posttvorchestvo: igra avtora vs igra perevodchika [Poetic Translation as Recreation: Authors Play vs Translators Game]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 1, pp. 3-26.

Kushnina L.V., 2011. Osnovnye printsipy sinergetiki perevoda [Translation Synergy: The Main Principles]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], no. 4, pp. 173-177.

Lotman Yu.M., 1996. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Within Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 464 p.

Lotman Yu.M., 2002. *Istoriya i tipologiya russkoy kultury* [History and Typology of Russian Culture]. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPb Publ. 768 p.

Mityagina V.A., 2017. Sotsiopragsmaticheskoe izmerenie translologicheskoy paradigmy: kommunikativnoe deystvie v perevode [Socio-Pragmatic Measurement of Translatology Paradigm: Communicative Action in Translation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2.*

- Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 30-40. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.3
- Serebryakova S.V., Milostivaya A.I., 2017. Semanticheskaya emerdzhentnost kak perevodcheskaya problema [Semantic Emergence as a Translation Problem]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 48-57. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.5
- Fedorov A.V., 1983. *Iskusstvo perevoda i zhizn literatury: Ocherki* [The Art of Translation and the Life of Literature. Essays]. Leningrad, Sov. pisatel Publ. 352 p.
- Shveytser A.D., 2018. *Perevod i lingvistika* [Translation and Linguistics]. Moscow, URSS, LENAND Publ. 278 p.
- Yudina T.V., 2020. Konkuriyushchie perevody khudozhestvennoy literatury i problema kulturnoy identichnosti perevodchika [Competing Translations of Fiction and Translators Cultural Identity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], no. 1, pp. 39-51.
- Danner H., 2021. *Hermeneutik. Zugänge, Perspektiven, Positionen*. Darmstadt, WBG Academic. 159 S.
- Darwish A., 2008. *Optimality in Translation*. Melbourne, Writescope Publishers. 318 p.
- Nord C., 2009. *Textanalyse und Übersetzen*. Tübingen, Julius Groos. 283 S.
- Reiß K., Vermeer H.J., 1984. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen, Niemeyer. 245 S.
- Wilss W., 2005. Übersetzen als Sonderform des Risikomanagements. *Meta. Translators Journal*, vol. 50, no. 2, S. 656-664. DOI: 10.7202/011009ar

SOURCES

- Lermontov M. Yu. Kazachya kolybelnaya pesnya [Cossack Cradle Song]. *Stikhotvoreniya. Poemy. Maskarad. Geroy nashego vremeni* [Poetry. Poem. Masquerade. Hero of Our Time]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1984, pp. 88-90.
- Lermontoff M. Der Kosakin Wiegenlied. *Michail Lermontoffs Poetischer Nachlass, zum Erstenmal in den Versmaßen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt, mit Einleitung und erläuterndem Anhang versehen von F. Bodenstedt*. Berlin, Verlag der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, Bd. 1, 1852, S. 10-12.
- Lermontow M. Kosakisches Wiegenlied. *Gedichte*. Leipzig, Reclam Verlag, 2000, S. 89-90.
- Lermontow M. Kosakisches Wiegenlied. *Gedichte und Poeme*. Berlin, Rütten & Loening, 1987, S. 144-145.
- Lermontow M. Wiegenlied der Kosaken. *Gedichte und Epigramme*. Norderstedt, Books on Demand, 2011, S. 38-39.
- Lermontow M. Wiegenlied einer Kosakenmutter. *Einsam tret ich auf den Weg, den Leeren*. Leipzig, Reclam Verlag, 1985, S. 191-193.

DICTIONARIES

- Dal V. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1978. 699 p.
- Dal V. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 2* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1979. 779 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu., 2006. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, A TEMP Publ. 944 p.

Information About the Authors

Svetlana V. Serebriakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Translation Studies, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, sserebriakova@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Alexandra I. Milostivaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russia, amilostivaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>

Информация об авторах

Светлана Васильевна Серебрякова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Россия, sserebriakova@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5743-3227>

Александра Ивановна Милостивая, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Россия, amilostivaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5052-2622>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.10>

UDC 811.512.133'25:821
LBC 81.633.1-8

Submitted: 20.12.2022
Accepted: 06.03.2023

THE SPECIFICITY OF LITERARY TRANSLATION STRATEGY (BASED ON THE MATERIAL OF UZBEK PROSE)

Saodat E. Kamilova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article presents the results of the study on the specificity of the translation strategy chosen by N.V. Vladimirova, a famous Uzbek philologist and translator. The research aims to prove that the translation strategy is a multi-level concept, which implies the algorithm of translator's actions, including thoughtful choice of the text genre, the use of one-level translation form, appreciation of artistic and esthetic value of the text, reliable reconstruction of personage image in literary translation, in particular, psychological portraying, and national authenticity of literary work representation, revealed in the unity of its form and content. The analysis of N.V. Vladimirova's translations of the Uzbek stories *Novvoy qiz (Baker Girl)* by Chulpan and *Uloqda (On Ulak)* by A. Kadyri demonstrated the application of this strategy. It was revealed that the dominant translation tactics used by N.V. Vladimirova, was transformation (replacement, omission, adding, transposition). National authenticity and emotional mode of the original are shown to be preserved due to the use of this tactics. The description of translation strategies applied by other well-known translators is viewed as a research perspective. It will contribute to revealing similarity and differences in literary text translation, thus enabling the understanding of the trajectory of translation schools development in a particular period.

Key words: translation, translation strategy, translation tactics, algorithm of translation actions, Uzbek literature.

Citation. Kamilova S.E. The Specificity of Literary Translation Strategy (Based on the Material of Uzbek Prose). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 108-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.10>

УДК 811.512.133'25:821
ББК 81.633.1-8

Дата поступления статьи: 20.12.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

О СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЫ)

Саодат Эргашевна Камилова

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. В статье описана переводческая стратегия известного узбекистанского филолога и переводчика Н.В. Владимировой. Показано, что индивидуальная переводческая стратегия – это многоуровневое понятие, включающее алгоритм следующих переводческих действий: осознанный выбор рода и жанра произведения, использование одноступенчатой формы перевода, понимание художественно-эстетической ценности произведения и прогнозирование, воссоздание в художественном переводе средствами другого языка достоверного образа персонажа, его психологического портрета, передача национального колорита художественного произведения в единстве формы и содержания. Реализация этой стратегии продемонстрирована на материале переводов на русский язык узбекских рассказов «Девушка-пекарь» Чулпана и «На улаке» А. Кадьри, выполненных Н.В. Владимировой. Установлено, что доминирующей переводческой тактикой является трансформация (замена, опущение, добавление, перестановка). Показано, что посредством этой тактики достигается сохранение в переводе национального колорита и эмоциональной тональности оригинала. Перспективы исследования заключаются в описании переводческих стратегий других известных пере-

водчиков, которое позволит определить общность и различия в подходах к переводу художественного текста, а также охарактеризовать направления развития переводческих школ в тот или иной исторический период.

Ключевые слова: перевод, переводческая стратегия, переводческая тактика, алгоритм переводческих действия, узбекская литература.

Цитирование. Камилова С. Э. О стратегии художественного перевода (на материале узбекской прозы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 108–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.10>

Введение

В лингвистике неизменный научный интерес вызывают переводческие решения, к которым приходят переводчики художественных произведений, поскольку удачно подобранные речевые средства позволяют максимально приблизить художественный перевод к оригиналу.

В существующих теоретических концепциях в переводоведении, такие как эквивалентность [Vinay, Darbelnet, 1972], Skopos-теория [Reiss, Vermeer, 1984; Holz-Mänttari, 1984], дескриптивная парадигма [Toury, 1995], парадигма неопределенности [Quine, 1960], локализация [Dunne, 2006], культурный перевод [Bhabha, 1994], в качестве одного из ключевых понятий выступает переводческая стратегия. Это объясняется тем, что переводчик, работая над текстом, выделяет проблему, которую надо решить на практике, а значит выбирает наиболее приемлемый для него путь, исходя из поставленных целей. Вопрос трактовки термина «переводческая стратегия» является дискуссионным. Например, Х. Крингс, стоявший у истоков теории о «переводческой стратегии» обозначил данным термином потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи [Kring, 1986, p. 18]. В.Н. Комиссаров понимал стратегию как «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» [Комиссаров, 2002, с. 356], А.Д. Швейцер называет стратегию перевода «программой переводческих действий при учете жанра текста, цели перевода и социальной нормы перевода» [Швейцер, 1988, с. 65]. В целом анализ публикаций по данной проблеме дает основание полагать, что понятие «переводческая стратегия» используется в науке в широком и

узком значениях. В широком понимании «переводческая стратегия» соотносится с переводом вообще (устным, письменным, синхронным) и толкуется как «программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [Сдобников, 2011, с. 172]. В основу такой интерпретации положена коммуникативная цель.

В узком значении «переводческая стратегия» как концепция перевода художественного текста считается, согласно Т.А. Казаковой, как «система взаимодействий когнитивно-эмоциональных факторов понимания и переводческой установки, направленных на решение практических задач по созданию художественного подобия оригиналу на другом языке» [Казакова, 2006, с. 18]. На наш взгляд, данная категория нуждается в дополнении, поскольку стратегия перевода художественного текста – это достаточно объемное суждение, включающее, во-первых, алгоритм переводческих действий как определенный порядок переводческих шагов конкретного переводчика; во-вторых, переводческую тактику как использование некоторых методик, приемов и техник перевода; в-третьих, предпереводческий анализ текста и последующую доработку переведенного текста. Причем алгоритм переводческих действий каждый переводчик художественных текстов разрабатывает самостоятельно и не изменяет на протяжении всей переводческой деятельности, он становится своего рода «визитной карточкой» переводчика.

Иначе дело обстоит с переводческими тактиками. Они могут варьироваться, поскольку для перевода отдельного произведения, эпизода / картины в художественном тексте переводчику приходится прибегать к различным методикам, способам и приемам перевода. Этим и объясняется невозможность существования одинаковых переводов одного и того же художественного произведения.

Все сказанное определяет актуальность исследования индивидуальных переводческих стратегий выдающихся переводчиков, которое позволяет выявить тенденции развития подходов к переводу на определенном историческом этапе.

Материал и методы

Методология данного исследования определяется совокупностью следующих методов: лингвистического описания для изучения специфики текста-оригинала; герменевтики для характеристики идейно-художественного своеобразия узбекских рассказов; сопоставительного для сравнения оригинала и перевода.

Материалом исследования послужили оригинальные тексты рассказов узбекских писателей («Девушка-пекарь» Чулпана, «На улаке» А. Кадыри) и переводы данных произведений на русский язык, выполненные Нинель Васильевной Владимировой – известным переводчиком узбекской прозы XX века.

Результаты и обсуждение

Стратегия переводческих действий, которой следовала Н.В. Владимирова, включает четыре составляющих.

1. Осознанный выбор рода и жанра произведения, то есть понимание того, зачем необходимо переводить то или иное художественное произведение. Н.В. Владимирова считала, что узбекский рассказ представляет собой один из хорошо разработанных жанров в узбекской литературе. Именно рассказ, по ее мнению, «являет собой своеобразный микрокосмос национального словесного искусства, в котором в конденсированном виде не только отражаются генеральные закономерности развития узбекской литературы, но и обретают зримую ясность сопутствующих ли-

ний и факторов этого развития» [Владимирова, 2011, с. 2]. Представление лучших образцов узбекской малой прозы русскому читателю Н.В. Владимирова считала одним из важнейших шагов для раскрытия узбекской ментальности. Подтверждением сказанного служат две антологии ее переводов узбекских рассказов XX в. – «Гранат» (74 рассказа первой половины XX в.) и «Тысяча и одна жизнь» (74 рассказа второй половины XX в.).

2. Использование одноступенчатой формы перевода. На протяжении XX в. в Узбекистане была принята так называемая «двухступенчатая» форма перевода, то есть сначала носителями узбекского языка создавался подстрочник, а затем русские авторы делали окончательный художественный перевод узбекского произведения. Следовательно, до иноязычного читателя подлинник доходил как бы через третьи руки («трехсубъектное» восприятие (рецепция): писатель – составитель подстрочника – русский переводчик – читатель), где естественно искажался не только оригинальный текст, но и национальная языковая картина мира, философские и религиозные представления, этические и эстетические нормы узбекского социума. В результате появился целый ряд похожих друг на друга переводов произведений узбекских авторов с потерей творческого метода и индивидуального стиля писателя, оригинальности художественных средств и поэтического синтаксиса. По этой причине постепенно за узбекской литературой XX в. закрепился статус «средненькой».

Одним из вариантов перевода, характерных для современной переводческой школы Узбекистана, стал «одноступенчатый» способ перевода, при котором филолог-билингв объединял две стадии перевода и самостоятельно делал художественный перевод произведения, который хотя и был вторичной, но уже более точной интерпретацией текста. Именно Н.В. Владимирова стоит у истоков одноступенчатого формата перевода в Узбекистане. Г.Т. Гарипова справедливо отмечает, что «как переводчику узбекских текстов ей не было равных. Она бралась за писателей с абсолютно нетрадиционным взглядом на мир, помноженным на неклассический “философствующий” стиль письма, “размышляющий” язык,

который требовал и нестандартного переводческого мышления, способного раздвинуть привычные информационно-образные переводческие стратегии до со-творческого проникновения в саму структуру сакральной художественной картины мира писателя, его, сокровенным сознанием обусловленного, языка» [Гарипова, 2020, с. 25].

3. Понимание художественно-эстетической ценности произведения и прогнозирование. Н.В. Владимирова, будучи прекрасным литературоведом (доктор филологических наук, профессор), хорошо разбиралась в художественных текстах. Для нее важно было осуществить перевод в единстве формы и содержания, донести идею автора до русскоязычного читателя. Прежде чем переводить то или иное художественное произведение, она представляла скрупулезный литературоведческий анализ текстов в виде научных статей. Например: «Маленькие новеллы Фитрата», «Мастерство Фитрата-новеллиста», «Век нынешний и век минувший в новеллистике Абдуллы Каххара», «Неопознанное в художественном мире рассказа» и другие [Владимирова, 2011]. Великолепное литературоведческое чутье позволяло переводчице выбрать из большого количества существующих произведений те, которые отражали новаторство и высокое мастерство писателя. Известно, что после публикации перевода произведения определенного прозаика, выполненного Н.В. Владимировой, этот писатель становился популярным не только в Узбекистане, но и за пределами республики. Так произошло с романом «Бунт и смирение» («Исён ва итоат») тогда еще начинающего, а сейчас самого читаемого узбекского писателя Улугбека Хамдама. После издания перевода данного романа о нем заговорили в СМИ, его стали читать и обсуждать в научной среде. Г.Т. Гарипова, например, отмечает: «Она смогла так развернуть роман Улугбека Хамдама, что он прозвучал как новое слово в современной национальной романистике. В роман вплетены коранические и библейские сюжеты, цитаты, образы. Наверное, только Нинель Васильевна, вобравшая в себя как единое целое узбекский язык и русское мышление, смогла сохранить для русского читателя важнейший биб-

лейский культурный текст и его абсолютно новое инонациональное восприятие узбекским писателем. В перевод названия она вводит одну единственную фразу “И азъ воздам...” и сразу меняет всю переводческую стратегию: не делает двойной перевод (библейский текст в романе У. Хамдама пересказан на узбекском языке), а встраивает отрывки непосредственно оригинального библейского текста в перевод авторского пересказа» [Гарипова, 2020, с. 29]. Аналогичным образом вошли в литературу рассказы Канчибека Кенжи, Назара Эшонкула, Шукура Холмирзаева и других.

Предпереводческий анализ текста требовал от Н.В. Владимировой, во-первых, определения жанровой специфики рассказа (краткость, лаконичность, роль деталей и т. д.); во-вторых, выявления свойственной переводимым авторам манеры создания художественных произведений, их приверженности к реалистической или модернистской технике письма, эстетических установок авторов; в-третьих, знания контекста создания произведения; в-четвертых, изучения проблемы существования внутри узбекского языка нескольких наречий (хорезмский, сурхандарьинский, ферганский) и сложной системы диалектов, в-пятых, понимания метафорических выражений, принципов создания ритмизованной прозы (особенно для рассказов XX в.). Н.В. Владимирова достаточно скрупулезно работала с текстом, изучала весь доступный материал, общалась с писателями и лингвистами.

4. Воссоздание в художественном переводе достоверного образа героя, его психологического портрета. Н.В. Владимирова уделяла пристальное внимание образной структуре художественного произведения. Именно передача художественного образа во всей полноте являлась фундаментом ее переводов, а также отправной точкой в выборе переводческой тактики. В качестве примера сравним образ главной героини в рассказе Чулпана «Новвой киз» («Девушка-пекарь») и в переводе Н.В. Владимировой. Главная героиня произведения стала жертвой насильника, и эта трагедия сломала девушке жизнь. В коротком рассказе в три с половиной страницы Чулпану удалось отразить всю жизнь девушки – от полусиротского существования до страш-

ной картины суда, когда из ее души, молчавшей и страдающей все эти годы, наконец, вырвался громкий и отчаянный крик. В оригинальном рассказе психологический портрет героини в рассказе выстраивается посредством отдельных деталей, штрихов, смены интонации. Так, когда девушке удается вырваться из рук насильника, то она слышит вдогонку насмешливый голос:

(1) Новвой киз! Нон тўла саватинг қолибдир!
(XX аср..., с. 4).

Эй, девушка-пекарь, ты оставила полную плетенку лепёшек!

(Тысяча..., с. 10).

Обыденность, с которой произнесены Ульмасбаем эти слова, диссонирует с той катастрофой, что случилась с девушкой. Н.В. Владимирова добавляет всего одно междометие *эй* и выравнивает интонационную выразительность перевода и оригинала.

Вторая часть рассказа (рассказ поделен на три части) носит информативный характер, что отражено, например, в следующем контексте:

(2) Сўфи одамларни «фаллоҳ» (кутулиш)га чакирган вақтида кампир ҳам... узилди. Энди киз бечора ҳали қанотини ростламай туриб онасини ва уясини йўқотиб қўйган қушдай бўлган эди... (XX аср..., с. 5).

Когда суфи призывал людей к вечерней молитве, оборвалась жизнь ее матери. Теперь несчастная девушка осталась одна на всем белом свете, словно неоперившийся птенец в разоренном гнезде (Тысяча..., с. 10).

Чулпан использует только одно словосочетание-эмоцию *қиз бечора* (досл. «девушка бедняга»), разрывая строгость информационной фразы и погружая читателя в атмосферу жестокой реальности. Чулпановская эмоция-жалость *қиз бечора* переведена как *несчастливая девушка*. Переводчица отказывается от многоточия, однако удачно подобранное слово-образ *несчастливая* позволяет точно передать интонацию оригинала.

В конце второй части рассказа Чулпан в четырех предложениях рисует печальную судьбу девушки при помощи емких деталей:

(3) Бурунрок унинг ёшлиғи, хусни, тозалиғи, бир оз умиди бор эди, энди у нарсалардан ҳеч бири

қолмади. Сўнгги эридан чиққан вақтида устида бир қатор эски кийими, бошида «худо урган» бир паранжи-чиммати қолиб эди. Ундан икки-уч ой ўтгач, паранжи-чиммат ҳам ташланди. Энди эски, йиртиқ бир қатор кийим, эзилган юрак, чарчаган гавда, гангиган эсгина қолди... (XX аср..., с. 5).

Вначале у нее была молодость, красота и немалая надежда. Теперь их нет. От мужа она ушла в старой одежде, в рваной парандже. А два месяца назад она сбросила паранджу, у нее осталась лишь рваная одежда, несчастное сердце, измученное тело и страшная память (Тысяча..., с. 11).

Как видим, в переводе тоже четыре предложения. Однако деление текста другое: первое предложение оригинала переводчица делит на два, а третье и четвертое предложения объединяет. Данное решение позволяет сделать фразы емкими и глубокими, а образ девушки представить более выпукло в ее одиночестве и со страшной душевной раной.

Третья часть рассказа представлена как драматическое действие. Люди собрались не просто на суд, а скорее на зрелище. Будничная атмосфера происходящего достигается за счет быстрой смены картинок-фраз, полифонизма действия и сухого перечисления юридических действий. Переводчица точно, почти буквально переводит эту часть, не меняя порядка слов, не используя синонимов. В конце данной части интонация сменяется, наступает кульминация, которая передана Чулпаном посредством градации:

(4) Бошлади. Бирдан қаттиқ бошлади. – Мен новвой киз эдим... Беш йилдан бери нон ёпиб, ўзим сотиб қари онамни боқар эдим... Бир кун... Бир кун... У ёғини айта олмади. Нафаси оғзига тиқилди, бўғилди, бадтар қалтиради. Сўнгра бирдан ёввойи бир «дод» чиқариб йиқилди. Пастдан ҳам бир хунук «дод» чиқди. Унда айбдор ҳам йиқилди (XX аср..., с. 6).

И вдруг громко начала говорить: – Я пекла лепешки, продавала их и этим заработком содержала старую мать. Это было пять лет назад. Однажды... Однажды... Она задохнулась и еще сильнее задрожала, потом раздался дикий, нечеловеческий крик, и она упала на землю. Внизу, там, где сидел обвиняемый, словно эхо, тоже раздался крик. Это был крик ужаса, смертельного страха (Тысяча..., с. 12).

В переводе опущено первое слово-предложение, но в последующих предложениях эмоции переданы по нарастающей посред-

ством обрывочных фраз: переводчице удается воссоздать крик, вырвавшийся из груди женщины, который заключал в себе всю муку и ужас страданий, и крик обвиняемого, который выдал его.

Таким образом, Н.В. Владимирова, выстраивая алгоритм своей переводческой деятельности, отталкивается от образа / психологического портрета героев, а не от буквального, точного перевода слов.

Переводческая тактика, как было отмечено ранее, подбирается к каждому произведению индивидуально. Переводчик варьирует способы и приемы перевода. В лингвистике описан целый спектр переводческих тактик. Наиболее востребованы из них модернизация, тематизация, национализация, трансформация (замена, опущение, добавление, перестановка) и др. Не будем характеризовать их подробно, так как этому посвящен ряд наших исследований [Камилова, 2014; Камилова, Миркурбанов, 2021; Kamilova, Arustamyan, 2020]. В рамках данной статьи рассмотрим переводческую тактику, которую применила Н.В. Владимирова при переводе рассказа Абдуллы Кадыри «На улаке» («Улогда»). Перевод этого рассказа считается одной из лучших работ переводчицы. Этот рассказ долго считался непереводаемым, так как он исключительно «национальный», изобилует диалектизмами, просторечиями, множеством двусмысленностей и иносказаний. Анализируя текст, Н.В. Владимирова отмечает, что «Кадыри весьма лаконичен и точен в словах, он отказывается от присущей восточной традиции многословия и цветистости» [Владимирова, 2011, с. 165]. Действительно, чтобы передать накал, азарт и смысл игры «улак» писатель намеренно выбирает краткие, рубленые фразы, похожие на конные скачки, борьбу, состязания. Именно способ построения фраз стал основой сближения оригинала и перевода. Это не значит, однако, что переводчица только следовала за авторским текстом. Художественное перевыражение требовало от Н.В. Владимировой максимальной полноты восприятия оригинала. Название рассказа «Улогда» передается транслитерацией «На улаке» (не «козлодрание»), что позволило передать национальный колорит художественного произведения. При этом в переводе почти

не использованы заимствования из узбекского языка, даже для сложных понятий переводчицей подобраны русские слова.

В процессе перевода данного рассказа Н.В. Владимирова в качестве главной переводческой тактики избирает трансформацию (замена, опущение, добавление, перестановка и т. д.). Чаще всего используются перестановка и замена, что обусловлено существенными различиями грамматического строя узбекского и русского языков. Приведем пример:

(5) Чойни наридан-бери ичиб, отхонага югурдим» (XX аср..., с. 14).

Я наскоро проглотил чай и побежал в конюшню (Гранат, с. 23).

В переводе порядок слов (сказуемые, дополнение и обстоятельство) соответствует нормам русского языка и перестановка не исказила смысла фразы.

Помимо этого, в переводе часто используются одновременно замена, добавление и перестановка, позволяющие раскрыть настроение, центральный смысл отрывка:

(6) Улуғ ҳайитдаги ҳайитликка олдирган мўғул эгарча билан ғалатича қилиб тойчамни эгарладим. Тоғамга ялиниб-ялпоғланиб олдирган ўрус юганни артиб-суртиб солдим-да, ўзим четрокдан туриб кам-қўстини кузатдим:

– Қуюшқони ҳам ўрнида, эгар ҳам яхши қўнган, қоринбоғи ҳам жипс, юган ҳам тўраларникидек!

Лекин умулдириғининг йўқлиги бироз қўнглимни ғаш қилди (XX аср..., с. 14).

Я надел на коня изящное монгольское седло, купленное мне в подарок на праздник хаит. Начистил русскую уздечку, ту самую, что выпросил у дяди, потом стал поодаль посмотрел коня. Все было в порядке: сбруя на месте, седло, как влитое, подпруга прилажена вплотную, а уздечка, ах какая уздечка, просто царская. А вот нагрудника не было, и это меня немножко расстроило (Гранат, с. 23).

В данном отрывке прямая речь заменена в переводе на косвенную. Помимо изменения порядка следования слов, эмоциональное состояние героя, от лица которого ведется повествование, передано посредством добавления междометия *ах* и повторения слова *узедчка*.

Интересно в этом плане и переводческое решение Н.В. Владимировой в следующем отрывке:

(7) Қашлоғични олдим-да, қора қашқамни яланғочлаб уёқ-буёғини қашлаб чиқдим. Жонивор типир-типир қилади, бош чайқайди, ер тепинади, дум силкитади... Шунинг билан менинг кўнглимга: «Худо хоҳласа келаси йилга бир улоқлар чопайки, ҳамма мени: «**Тургун чавандоз**», деб атасин деган орзулар тушади (XX аср..., с. 15).

Я схватил скребницу, расседлал своего конька с белой отметинкой на лбу и начал его чистить. Конь волновался, мотал головой, бил копытом землю, махал хвостом. Я мечтал: бог даст, на следующий год я буду участвовать в состязаниях и тогда все ахнут: «**Вот так Тургун-наездник! Отличный джигит**» (Гранат, с. 24).

Переводчик добавил восклицание *Вот так* и предложение *Отличный джигит*, тем самым показав, как важны мечты героя. Перцептивная визуализация за счет добавления слов, словосочетаний, а иногда и предложений помогает не только передать эмоциональный тон (пафос) произведения, но и показать рефлексии, эксплицировать внутренний монолог героя.

Следует отметить, что в переводе рассказа «На улаке» отсутствуют три абзаца. Н.В. Владимирова использовала прием опущения: в конце первой части нет последнего предложения, в конце второй – трех предложений, и четырех предложений в начале третьей части. В этих предложениях прочитывается социально-исторический контекст (1915 г.). Вероятно, опущение этих фрагментов было сделано из-за цензуры, рассказ переведен в советское время (в 60-е гг. XX в.). Главный герой – барчук, у него есть слуги. Повествование от лица юноши из зажиточной семьи претило существующей тогда идеологии, и публикация полного перевода была невозможна. Однако нельзя говорить, что Н.В. Владимирова отходит от оригинала. Замысел писателя состоял в том, чтобы рассказать о национальной игре улак, передать дух, энергию состязания; поделиться мыслью о том, что стать отличным наездником – мечта каждого узбекского мальчишки. Переводчица смогла раскрыть эту идею, найти тождество смыслов путем найденных предельно близких русских слов, фраз, понятий. Так, интерпретируя текст, раскрывая творческую индивидуальность узбекского писателя А. Кадыри, Н.В. Владимирова раскрывает и свою индивидуаль-

ность, не заслоняя при этом авторскую. В частности, описание спортивной борьбы в переводе так же, как и в оригинале, передано выражениями с семантикой быстроты, энергичности, но это не перевод слова в слово, а совпадение смыслов:

(8) Отаси боласини, акаси укасини танимайди, чанг-тўзон, терланган, пишилган, ҳар ким улоқни тақимига босиш қайғусида. Бош ёрилиб, кўз чикқан билан, отдан йиқилиб қўли синган билан парвойи-фалак... Ишқилиб, улоқни тақимга босилса бўлди... Тақимга босиш ўзи жуда ҳам нашъаликда! Лекин тақимга босиш ҳар кимга ҳам муяссар бўлавермайди, тақимга кўпроқ босувчилар бояги чавандозлар; азобланиб, ўлаёзиб бўлса ҳам улоқни тақимга босгач, отга қамчи бериб эллик-олтмиш одим нарига қочиб борадилар-да, яна орқадагилар тарафидан ўралиб олинадилар. Яна тортиш» (XX аср..., с. 16)

Уже никого нельзя узнать в лицо. Пыль, гам, запах пота. Каждый старался схватить тушу, сунуть ее под колено, никто не обращал внимания на разбитую голову, битый глаз, вывихнутую руку. Лишь бы схватить козла и сунуть под колено. Это уже половина победы. Но не каждому это удавалось. Уже многие хватали тушу, а не могли ускакать дальше – их настигали соперники (Гранат, с. 25).

Что касается последующей доработки текста, то особенностью Нинель Васильевны являлось то, что свои переводы перед сдачей в печать, она прочитывала вслух, чтобы услышать музыку текста: «Она читала куски перевода медленно, растягивая слова, делая паузы, что, казалось, она не переводит, а сама проживает эту чужую жизнь» [Гарипова, 2020, с. 29]. Автор статьи, будучи ученицей Н.В. Владимировой, не раз была свидетелем ее предпереводческой работы с текстом и «чтений перевода».

В результате реализации собственной переводческой стратегии Н.В. Владимировой удалось представить переводческую деятельность не как механическую передачу на другом языке текста оригинала, а как живой процесс, позволяющий воссоздать творческий дух, добиться художественного соответствия. Не случайно среди узбекистанских филологов бытует мнение о том, что лицо узбекской литературы XX в. на русском языке нарисовано Нинель Васильевной Владимировой.

Выводы

Таким образом, исследование всех компонентов переводческой стратегии определенного переводчика в неразрывной связи убеждает нас в необходимости понимать художественный перевод как литературное творчество. Иными словами, искусство перевода, как и всякое искусство, требует большой гибкости и только переводчик со своим индивидуальным взглядом, талантом, годами отшлифованной техникой и переводческим чутьем способен осуществить перевыражение оригинального текста, созданного средствами другого языка.

Нам представляется целесообразным понимать переводческую стратегию в рамках художественного перевода как программу действий переводчика, состоящую из таких значимых частей, как осознанный выбор рода и жанра произведения, использование одноступенчатой формы перевода, понимание художественно-эстетической ценности произведения и прогнозирование, воссоздание в художественном переводе достоверного образа героя, его психологического портрета, которые направлены на выстраивание художественного произведения средствами другого языка в единстве формы и содержания.

Исследование стратегий перевода конкретных переводчиков видится нам перспективным, так как это поможет охарактеризовать динамику развития национальных переводческих школ, выявить общие тенденции и описать индивидуальные подходы на том или ином историческом этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Владимирова Н. В., 2011. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода. Ташкент : Фан. 336 с.
- Гарипова Г. Т., 2020. Тысяча и одна жизнь: максимализм как форма быта и бытия ученого-литературоведа, переводчика и человека Нинель Васильевны Владимировой // «Старик Державин...»: ушедшие филологи, наши учителя : сб. науч. ст. / сост. и ред. Э. Ф. Шафранская. СПб. : Свое изд-во. С. 23–32.
- Казакова Т. А., 2006. Художественный перевод. Теория и практика. СПб. : ИнЪязиздат. 535 с.
- Камилова С. Э., 2014. Особенности воссоздания национальной картины мира при переводе современной узбекской прозы на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 695. С. 59–63.
- Камилова С. Э., Миркурбанов Н. М., 2021. Лингвостилистическая детерминация передачи национальной специфики художественного перевода (на материале узбекской прозы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 3. С. 75–86. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.7
- Комиссаров В. Н., 2002. Современное переводоведение. М. : ЭТС. 424 с.
- Сдобников В. В., 2011. Стратегия перевода: общее определение // Вестник ИГЛУ. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-perevoda-obschee-opredelenie>
- Швейцер А. Д., 1988. Теория перевода : статус, проблемы, аспекты. М. : Наука. 215 с.
- Bhabha H., 1994. The Location of Culture. L. : Routledge. 295 p.
- Dunne K.J. (ed.), 2006. Perspectives on Localization. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins. 356 p.
- Holz-Mänttari J., 1984. Translatorisches Handeln: Theorie und Methode. Helsinki : Academia Scientiarum Fennica. 193 p.
- Kamilova S. E., Arustamyan Ya. Yu., 2020. Original Projections of Author's «Self» in Modern Russian and Uzbek Short Story // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. № 13 (12). P. 2012–2026. DOI: 10.17516/1997-1370-0700
- Krings H. P., 1986. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. Tübingen : Narr. 18 p.
- Quine W. V. O., 1960. Word and Object. Cambridge, MA : MIT Press. 309 p.
- Reiss K., Vermeer H. J., 1984. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. [S. l.] : Niemeyer. 253 p.
- Toury G., 1995. Descriptive Translation Studies – and Beyond. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins. 311 p. (Benjamins Translation Library ; vol. 4).
- Vinay J.-P., Darbelnet J., 1972. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Paris : Didier. 170 p.

ИСТОЧНИКИ

Гранат – Гранат. Узбекские рассказы / сост. и пер. Н. В. Владимировой. Ташкент : Изд-во худ. лит. им. Гафура Гуляма, 1967. 411 с.

Тысяча... – Тысяча и одна жизнь: Рассказы узбекских писателей / сост. и пер. Н. В. Владимирова. Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1988. 512 с.
XX asr... – XX asr ўзбек ҳикояси антологияси. Toshkent shahri : «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» Давлат илмий нашриёти, 2009. 624 б.

REFERENCES

- Vladimirova N.V., 2011. *Razvitiye uzbekskoy prozy XX veka i voprosy hudojestvennogo perevoda* [The Development of Twentieth-Century Uzbek Prose and Issues of Literary Translation]. Tashkent, Fan Publ. 336 p.
- Garipova G.T., 2020. Tsyacha i odna zhizn: maksimalizm kak forma byta i bytiya uchenogo literaturoveda, perevodchika i chloveka Ninel Vasilevny Vladimirovoy [A Thousand and One Lives: Maximalism as a Form of Life and Being of the Literary Scholar, Translator and Human Being by Ninel Vasiljevna Vladimirova]. «*Starik Derzhavin...*»: ushedshie filologi, nashi uchitelya: sb. nauch. st. [“Old Man Derzhavin...”: Gone Philologists, Our Teachers. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Svoe izd-vo, pp. 23-32.
- Kazakova T.A., 2006. *Hudozhestvenniy perevod. Teoriya i praktika* [Artistic Translation. Theory and Practice]. Saint Petersburg, Inyazizdat. 535 p.
- Kamilova S.E., 2014. Osobennosti vossozdaniya natsionalnoy kartiny mira pri perevode sovremennoy uzbekskoy prozy na russkiy yazik [Features of Recreating the National Picture of the World in the Translation of Modern Uzbek Prose into Russian Language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarniye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 695, pp. 59-63.
- Kamilova S.E., Mirkurbanov N.M., 2021. Lingvostilisticheskaya determinatsiya peredachi natsionalnoy spetsifiki hudozhestvennogo perevoda (na materiale uzbekskoy prozy) [Linguistic-And-Stylistic Determination of National Peculiarities Representation in Literary Translation (Exemplified by Uzbek Prose)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazikoznaniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 3, pp. 75-86. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.7
- Komissarov V.N., 2002. *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern Translation Studies]. Moscow, ETS Publ. 424 p.
- Sdobnikov V.V., 2011. Strategiya perevoda: obsheye opredeleniye [Translation Strategy: General Definition]. *Vestnik IGLU* [Science Journal of Irkutsk State Linguistic University], no. 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-perevoda-obschee-opredelenie>
- Shveytser A.D., 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka Publ. 215 p.
- Bhabha H., 1994. *The Location of Culture*. London, Routledge. 295 p.
- Dunne K.J., ed., 2006. *Perspectives on Localization*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins. 356 p.
- Holz-Mänttärä J., 1984. *Translatorisches Handeln: Theorie und Methode*. Helsinki, Academia Scientiarum Fennica. 193 p.
- Kamilova S.E., Arustamyan Ya. Yu., 2020. Original Projections of Authors “Self” in Modern Russian and Uzbek Short Story. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, no. 13 (12), pp. 2012-2026. DOI: 10.17516/1997-1370-0700
- Krings H.P., 1986. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern*. Tübingen, Narr. 18 p.
- Quine W.V.O., 1960. *Word and Object*. Cambridge, MA, MIT Press. 309 p.
- Reiss K., Vermeer H.J., 1984. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. S. l., Niemeyer. 253 p.
- Toury G., 1995. *Descriptive Translation Studies – And Beyond*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins. 311 p. (Benjamins Translation Library, vol. 4).
- Vinay J.-P., Darbelnet J., 1972. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris, Didier. 170 p.

SOURCES

- Vladimirova N.V., ed. *Granat. Uzbekskiy rasskazy* [Pomegranat. Uzbek Short Stories]. Tashkent, Izd-vo khud. lit. im. Gafura Gulyama, 1967. 411 p.
- Vladimirova N.V., ed. *Tsyacha i odna zhizn: Rasskazy uzbekskikh pisateley* [A Thousand and One Lives: Short Stories of Uzbek Writers]. Tashkent, Izd-vo lit. i iskusstva, 1988. 512 p.
- XX asr ozbek khikoyasi antologiyasi*. Tashkent shahri, “Ozbekiston milliy entsiklopediyasi” Davlat ilmiy nashriyoti Publ., 2009. 624 p.

Information About the Author

Saodat E. Kamilova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Literary Studies, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Universitetskaya St, 4, 100174 Tashkent, Uzbekistan, saodatkame@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7542-3970>

Информация об авторе

Саодат Эргашевна Камилова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского литературоведения, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, ул. Университетская, 4, 100174 г. Ташкент, Узбекистан, saodatkame@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7542-3970>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.11>

UDC 811.511.25'25
LBC 81.667.1-8

Submitted: 10.01.2023
Accepted: 03.04.2023

TRANSLATION OF FOLKLORE TEXTS AS A MEANS OF PRESERVING THE NENETS LANGUAGE: AN INTEGRATIVE APPROACH

Aleksandr M. Polikarpov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Oľga E. Latysheva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia;
Ethno-Cultural Centre of the Nenets Autonomous Area, Naryan-Mar, Russia

Abstract. The article presents the results of the research into folklore translation, which is carried out through a comparative study of the translation texts and the original folklore texts and through integrative modelling (hypothetical description) of the translation process. Nenets folklore texts recorded during expeditions to the Kanin tundra and their translations into Russian performed at the Ethnocultural Centre of the Nenets Autonomous Area were used as the material for the analysis. The peculiarities of folklore translation from the Nenets language into Russian are exemplified by the text in the genre of oral story. It is shown that they are connected both with the linguistic factors of folklore text content transmission (language-oriented, speech-oriented and communicative) and extralinguistic factors influencing the translation (specifics of donor culture and its relations with recipient culture, the history of Nenets people, the history of folklore translation development). The article reveals how the integrative approach can be applied to the study of Nenets folklore texts translation into Russian. It is based on the ideas of integrative translation studies being actively developed at the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Due to the integrated consideration of internal and external factors of translation, while taking into account historical and ethno-cultural prerequisites for the translation process, as well as the specifics of the translation product and the features of the translated text reception, folklore translation is positioned as a means to preserve the indigenous language.

Key words: translation, Nenets language, Russian language, folklore text, integrative approach, indigenous language, revitalization.

Citation. Polikarpov A.M., Latysheva O.E. Translation of Folklore Texts as a Means of Preserving the Nenets Language: An Integrative Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 118-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.11>

УДК 811.511.25'25
ББК 81.667.1-8

Дата поступления статьи: 10.01.2023
Дата принятия статьи: 03.04.2023

ПЕРЕВОД ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Александр Михайлович Поликарпов

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия

Ольга Ефремовна Латышева

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия;
Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа, г. Нарьян-Мар, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования фольклористического перевода, которое осуществлено посредством сопоставительного изучения текстов перевода и исходных фольклорных текстов,

а также интегративного моделирования (гипотетического описания) процесса перевода. Материалом для анализа послужили ненецкие фольклорные тексты, записанные во время экспедиций в Канинскую тундру, и их переводы на русский язык, выполненные в Этнокультурном центре Ненецкого автономного округа. На примере текста в жанре устного рассказа охарактеризованы особенности фольклористического перевода с ненецкого языка на русский; показано, что они обусловлены как лингвистическими факторами передачи содержания фольклорного текста (языковыми, речевыми и коммуникативными), так и экстралингвистическими, влияющими на перевод (специфика культуры-донора и ее соотнесенность с культурой-реципиентом, история ненецкого народа, история перевода в сфере фольклора). Раскрыты возможности использования интегративного подхода к изучению переводов ненецких фольклорных текстов на русский язык. Он основывается на идеях интегративного переводоведения, активно разрабатываемого в Северном (Арктическом) федеральном университете им. М.В. Ломоносова. Ввиду интегрированного рассмотрения внутренних и внешних факторов перевода с учетом исторических и этнокультурных предпосылок реализации переводческого процесса, а также специфики получаемого переводческого продукта и особенностей рецепции переводного текста фольклористический перевод позиционируется как средство сохранения миноритарного языка.

Ключевые слова: перевод, ненецкий язык, русский язык, фольклорный текст, интегративный подход, миноритарный язык, ревитализация.

Цитирование. Поликарпов А. М., Латышева О. Е. Перевод фольклорных текстов как средство сохранения ненецкого языка: интегративный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 118–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.11>

Введение

Для изучения переводов с ненецкого языка необходимо понимание его особенностей и социального статуса. Ненецкий язык относится к северной группе самодийской ветви уральской языковой семьи; иногда он включается в более крупную языковую семью – уральско-юкагирскую. Этот язык считается младописьменным: ненецкая письменность была разработана в советское время на основе большеземельского говора и внедрена в 1931 г. на латинице, а в 1937 г. на кириллице.

По социально-функциональным показателям ненецкий язык классифицируется сегодня как язык с низким уровнем витальности, хотя количество его носителей в России – одно из самых больших по сравнению с количеством носителей других языков коренных малочисленных народов нашей страны. По данным переписи 2021 г. в Российской Федерации насчитывается более 49 600 ненцев [Красс].

Устная разновидность ненецкого языка не имеет единой устной литературной нормы и представлена одним из двух его основных диалектов: тундрового или лесного.

Тундровый диалект ненецкого языка представлен тремя основными группами говоров: западной (к западу от р. Печоры, по левому берегу р. Печоры), центральной

(в Большеземельской тундре между р. Печорой и Уральскими горами) и восточной (к востоку от Уральских гор). Западная группа делится на крайне-западные (канинский, тиманский и колгуевский) и западные (малоземельский) говоры. Центральная группа представлена большеземельским говором, который занимает промежуточное положение между западными и восточными говорами и в повседневной устной коммуникации используется представителями восточной части Ненецкого автономного округа. Восточная (сибирская) группа ненецких говоров включает в себя приуральский и ямальский говоры, распространенные на территориях западнее р. Оби и Обской губы, и крайне-восточные говоры (надымский, тазовский, гыданский и таймырский), которые представлены в регионах восточнее Обской губы. Некоторые ученые считают, что такое деление ненецких говоров является весьма условным, поскольку «достоверной исчерпывающей информации об их особенностях современная самоэология не располагает» [Кошкарева, 2008, с. 131–132].

В лесном диалекте ненецкого языка также выделяются отдельные говоры (пуровский, аганский и нумтовский), которые характеризуются целым рядом отличительных признаков (подробно о них см.: [Кошкарева, 2005, с. 15–37]).

Тундровый диалект ненецкого языка используется в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края, а также в некоторых других северных регионах России, например в Республике Коми и в Архангельской области.

Ненцы, использующие в своем общении лесной ненецкий диалект, проживают в основном на юге Ямало-Ненецкого автономного округа, в бассейнах рек Пур и Таз. Их численность невелика и составляет не более 2 тыс. человек. Представители лесных ненцев проживают также на территории Ханты-Мансийского автономного округа (Югры). Лесной диалект ненецкого языка его носители считают самостоятельным языком и называют нешанским. В начале 1990-х гг. он получил письменность на основе пуровского говора.

В связи с обозначенной тематикой статьи следует упомянуть о том, что в «Атласе языков мира ЮНЕСКО, находящихся под угрозой исчезновения» «тундровый ненецкий» классифицируется как находящийся под угрозой исчезновения (*definitely endangered*), а «лесной ненецкий» определяется как серьезно уязвимый (*severely endangered*) (Atlas). Две вышеназванные разновидности ненецкого языка, считающиеся в России диалектами [Буркова, 2003] или наречиями [Амелина, 2011], значительно отличаются друг от друга, что позволяет некоторым ученым рассматривать тундровый и лесной ненецкий как отдельные языки [Люблинская, Пушкарева, 2019].

Устная коммуникация на ненецком языке сегодня ограничивается в основном внутрисемейным общением, а также коммуникацией в таких сферах деятельности, как оленеводство, рыболовство, охота и традиционные народные промыслы. Важной сферой функционирования ненецкого языка является фольклорное творчество. Значимым фактором для нашего исследования следует считать сохранение у тундровых ненцев как в отдаленных стойбищах Ненецкого автономного округа, так и на целом ряде территорий Ямало-Ненецкого автономного округа устной традиции сказительства. При этом способностью воспроизводить фольклор и продолжать народные традиции владеют, как отмечается состави-

телями «Диалектологического атласа», только немногочисленные представители старшего поколения [Диалектологический атлас..., 2017, с. 11].

Одно из эффективных средств сохранения коренных малочисленных народов России представляет перевод фольклорных произведений на другие языки. Об этом пишут многие отечественные лингвисты и культурологи (см., например: [Петрова, 2005; Валькова, Разумовская, 2021]).

Исходя из возможности сохранения культурного наследия ненецкого народа посредством перевода фольклорных текстов, важно осознавать необходимость передачи при переводе в первую очередь этнокультурных особенностей и художественной ценности письменно фиксируемых устных фольклорных произведений. Именно поэтому цель представляемого в статье исследования составляет описание специфики фольклористического перевода с учетом интегративного подхода, позволяющего в максимальной степени передать последующим поколениям духовные ценности одного из коренных народов Севера.

Материал и методы

В качестве материала данного исследования выбраны фольклорные тексты, записанные сотрудниками Этнокультурного центра Ненецкого автономного округа в 2015 г. во время экспедиции в Канинскую тундру, и их переводы на русский язык, размещенные в сборнике материалов комплексной экспедиции под названием «Тропами предков» (Тропами предков). В сборник включены фольклорные произведения разных жанров: сказки, эпические песни, приметы, поверья, пословицы, поговорки, забавы, заговоры, легенды, а также устные рассказы о старинных ненецких обрядах и обычаях. Представляемые в сборнике переводы выполнены О.Е. Латышевой, уроженкой Канинской тундры. Это особенно важно, так как фольклорные материалы характеризуются реализацией в них канинского говора со всеми его фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями. Можно сказать, что лексическая специфика канинского говора обусловлена в первую очередь тем, что в суровых климатических условиях

севера оленеводство до сих пор представляет важную отрасль хозяйства и образует основу материального благополучия местного населения [Бармич, 2014, с. 281].

Интегративный подход к рассмотрению фольклорно-переводческого материала предполагает качественно новый уровень интерпретации фольклорных переводческих практик с учетом экстралингвистических факторов, в том числе этнокультурных, оказавших влияние на формирование исходных текстов. Это способствует расширению границ переводческого процесса и рассмотрению интегративности в «системологическом» ключе (об этом см.: [Поликарпов, 2017, с. 10]).

В качестве основных методов исследования используются сопоставительный и системный анализ. Первый позволяет не только сопоставить форму и содержание текстов оригинала и перевода, получить релевантную информацию о коррелятивности отдельных элементов исходных и переводных текстов, но и обнаружить обусловленные культурной адаптацией изменения, которые способствуют повышению качества перевода. Выявляемая коррелятивность и отход от нее обусловлены как лингвистическими (внутриязыковыми и межъязыковыми, в том числе соотношением систем языков, участвующих в процессе перевода), так и экстралингвистическими факторами.

Системный анализ делает возможным комплексное исследование проблем фольклористического перевода текста с разбиением изучаемого транслатологического процесса на отдельные подпроцессы (об этом см.: [Княжева, Пирко, 2013, с. 146]). Ценность системного анализа, применяемого по отношению к фольклористическому переводу, состоит прежде всего в его ориентированности на раскрытие целостности перевода как системы взаимообусловленных факторов и на обнаружение механизмов, обеспечивающих такую целостность. Особое внимание в системном анализе уделяется установлению различных типов связей, существующих как внутри фольклористического перевода, так и во вне его – взаимосвязи с историей, культурой и этнографией ненцев.

В качестве вспомогательного метода исследования задействуется интент-анализ,

который позволяет изучать интенциональную структуру текста [Слово в действии..., 2000]. В результате интерпретирующего погружения как в текст оригинала, так и в текст перевода и оценивания их элементов можно определить содержание конкретного фольклорного текста и интенцию, лежащую в его основе. Более понятным в связи с этим становится желание переводчика максимально сохранять смысл исходного текста, задействуя прежде всего лексические корреляты, но в то же время опуская некоторые второстепенные элементы, а также дополнительно комментируя фрагменты текстов, связанные, например, с наличием в них культурами, мифологемами, этнокультурными реалиями, культурно маркированной лексикой. Учитывая возможности применения интегративного подхода к переводу фольклорных текстов, мы можем предположить, что интенции, заложенные в текст оригинала и в текст перевода, могут модифицироваться не только ввиду видимых различий контактирующих языков, но и благодаря экстралингвистическим факторам, посредством которых языковые личности обнаруживают актуализацию тех или иных смыслов [Дудников, 2017, с. 179].

Перспективным для проводимого фольклорно ориентированного исследования представляется метод рецепции, нацеленный на изучение различных аспектов восприятия ненецких фольклорных текстов носителями ненецкого языка, с одной стороны, и переводов этих текстов представителями культуры-реципиента, с другой. Изучение реакции читателя на переводы исходных текстов и рефлексии, связанной с сопоставлением культуры-донора с трансформированной через переводчика культурой исходного текста позволяет, по словам И.К. Федоровой, «дать эффективную оценку не только общей адекватности текста перевода, но и, например, успешности воздействия таких тонких и сложных структурных элементов <...> текста, как подтекстовая информация, аксиологические и религиозные смыслы текста, эстетическая составляющая образов» [Федорова, 2015, с. 56].

Для осуществления переводов фольклорных текстов, вошедших в вышеупомянутый сборник материалов экспедиции, использовались следующие лексикографические источ-

ники: «Ненецко-русский словарь» Н.М. Терещенко, который содержит более 22 000 лексических единиц (НРС), и «Словарь маминго языка (на канинском говоре)» (СМЯ), который содержит более 7 500 слов и подготовлен одним из самых известных российских специалистов по ненецкому языку М.Я. Бармич, которая родилась в Канинской тундре.

Кроме того, были изучены существующие практики фольклористического перевода при использовании ненецкого языка в качестве исходного. В целом в развитии перевода ненецких фольклорных текстов можно выделить четыре этапа. Первый этап – дореволюционный (досоветский). Он начинается с опубликования И.С. Фатером первого ненецкого фольклорного текста в виде сказки «Вада хасово» на немецком языке в Санкт-Петербурге в 1787 г., когда ненецкой письменности еще не существовало. Изучением ненецкого фольклора в XIX в. занимался финский языковед и этнограф, основоположник изучения уральских языков и культур М.А. Кастрен, который в 1841–1844 гг. совершил путешествие по Лапландии, северной России и Сибири. В начале XX в. финский ученый Т. Лехтисало собирал фольклорный материал как у тундровых, так и у лесных ненцев, а в 1947 г. опубликовал 285 записанных фольклорных текстов в книге на немецком языке «Juraksamojedische Volksdichtung» (Народное творчество юрако-самодийцев) [Lehtisalo, 1947].

Второй этап развития ненецко-русского фольклористического перевода можно обозначить как младописьменный. В связи с созданием на основе большеземельского говора ненецкой письменности в конце 1930-х гг. стали появляться сборники ненецких фольклорных текстов, в том числе с переводами на русский язык. Активно собирал ненецкий фольклор исследователь ненецкого языка Г.Н. Прокофьев, его единомышленники и ученики Г.Д. Вербов, Н.М. Терещенко, А.П. Пырерка, А.С. Тайборей. Благодаря этим филологам фольклорные тексты переводились на русский язык.

Третий этап развития фольклористического ненецко-русского перевода – послевоенный. Он характеризуется повышением интереса к изучению ненецкого фольклора. Его сбором и обработкой занимались такие известные

специалисты, как этнограф Б.О. Долгих, фольклорист З.Н. Куприянова и др.

Четвертый (современный) этап развития перевода фольклорных текстов отличается от предыдущих тем, что собиранием фольклорного материала и изучением фольклорных текстов разных жанров стали заниматься ученые и писатели – представители ненецкого народа: Л.П. Комарова (Ненянг), Л.В. Лапцуй, Е.Г. Сусой, Е.Т. Пушкарева, Л.А. Лар, С.М. Приходько, П.Т. Турутинова, Н.М. Янгасова и др. (о них см.: [Пушкарева, Бурыкин, 2011, с. 4]).

Знакомство с историей исследования ненецкого фольклора, с зарождением и развитием перевода ненецких фольклорных текстов позволяет более осознанно подойти к процессу перевода.

Результаты и обсуждение

В результате исследования фольклорных текстов канинских ненцев и их переводов, содержащихся в указанном выше сборнике фольклорных материалов, установлено, что сложность перевода таких текстов состоит прежде всего в том, что типологически исходный и переводящий языки в значительной степени отличаются друг от друга.

Первый этап исследовательской работы по изучению современного состояния ненецкого фольклора можно считать полевым, поскольку устнопорождаемые тексты носителей канинского говора записывались на аудио- и видеоносители во время экспедиции. На втором этапе эти записи обрабатывались и материал представлялся в письменном виде, что требовало соответствующих знаний и умений как в области фольклористики в целом, так и в сфере обработки фольклорного материала. Важными в связи с обработкой устного фольклорного наследия и его письменной фиксацией представляются идеи о роли устнопорождаемой речи в переводе, изложенные в научной статье Е.Ю. Мощанской и А.М. Поликарпова «Устнопорождаемая речь в ситуации устного перевода: дидактический аспект» [Мощанская, Поликарпов, 2017].

На третьем (предпереводческом) этапе подготовки ненецких фольклорных текстов к переводу необходимо было в первую очередь

решить вопрос о том, на какого читателя он ориентирован. Если переводы фольклорных текстов предназначаются для специалистов, нацеленных на изучение специфики ненецкого фольклора (фольклористов, этнокультурологов, лингвистов, этнопереводоведов и др.), то необходимо более нюансированно подходить к соблюдению требований к качеству перевода. Он может включать поморфемное глоссирование, поскольку глоссы используются для пояснения того, как именно соотносятся текст оригинала и текст перевода в аспектах содержания и его языкового выражения. Если перевод предназначен для широкого круга читателей, то стратегия и тактики его выполнения должны быть другими. Анализируемые нами переводы ориентированы на широкого читателя, они осуществлялись для ознакомления всех желающих с современным состоянием ненецкого фольклора в рамках деятельности Этнокультурного центра Ненецкого автономного округа. Поэтому переводчиком была выбрана стратегия, которую можно условно назвать культурно-этнографической. Отметим, что помимо самих текстов-оригиналов и их переводов в сборнике представляется информация в виде комментариев о местах записи фольклорных текстов, аудио- и видеозаписях, хранящихся в фондах центра, толкуются содержащиеся в фольклорных текстах культуремы и мифологемы. В конце сборника представлен также небольшой культурологический словарь, в котором объясняются ненецкие этнографические реалии, например: *амдавока* – ненецкая игра, *синякуй* – передняя часть чума, *юна* – нарта для перевозки постели и одежды и др. В приложении приводится список информантов и иллюстрации в виде фото, на которых запечатлены предметы одежды и быта ненцев: *пена паны* (паница из оленьего меха – традиционная женская зимняя верхняя одежда), *сывы мальча* (зимняя малица – мужская верхняя одежда ненцев, как правило, обработанная дымом), *ной пи* (суконное покрывало для женской нарты) и др.

В качестве результата работы на этапе собственно перевода представим текст-оригинал, относящийся к жанру устного рассказа *хари ваде мы*, в котором речь идет о традиционном обряде (*сенений вато*) и его пе-

ревод. Фольклорный текст был записан в июне 2015 г. в Канинской тундре от информанта Марины Прокопьевны Ардеевой, жительницы с. Ома, 1929 г. р.

Мяд' якэна нибтебава

Ока амгэм' маня" выгна" Пелагея Прокопьевна Бобрикова теневась, мал' Пола пабанэ номдебидозь. Луца' вадавна – бабушка Пелагея.

Бабушка Пелагея мядм' якэна нибтеба теневась. Ята" масавэй хортькон' хора' сую едём', харнипанг' таркам' масьтесыты. Ся' якада саванэ ханта, тики якэнда мядм' нибтра пьсьтыда. Нерня' мяд нернинэмда, тикэд нёда хэвхым'. Бабушка Пелагея тики тамна амгэхом' хэтбасеты, маня" нисьтыва" изле" (Тропами предков, с. 57).

Очищение чума дымом

Много чего знала в нашей тундре Пелагея Прокопьевна Бобрикова, все звали её Пола паба. По-русски – бабушка Пелагея.

Бабушка Пелагея умела очищать чум дымом. В посуду на угли клала кишку оленёнка, ветку можжевельника. Когда поднимался дым, начинала этим дымом окуривать чум. Сначала переднюю часть чума, затем вход в чум. Бабушка Пелагея при этом ещё что-то говорила, мы не прислушивались (Тропами предков, с. 57).

Название текста оригинала совпадает с названием ненецкого обряда очищения чума дымом (*Мяд' якэна нибтебава*). Морфологический анализ показывает наличие в составе названия ритуала существительного *мяд'* в форме родительного падежа, образованной от *мя"* «чум»; существительного *якэна* в местно-творительном падеже (специфической формы канинского говора, ср. соответствующую форму лексемы *якэхэна* в большеземельском говоре) – «дымом»; специальной формы слова для выражения процессуальности *нибтебава*, образованной от *нибтесь* «очистить от погани», в которой постфикс *-бава* обозначает процесс. Для понимания смысла текста оригинала важно идентифицировать ненецкую культуру «нибтебава», хранящую в себе архаичную информацию о том, что ненцы регулярно проводили обряд очищения, при котором использовали тлеющие угли, ветки можжевельника, жир оленьих кишок или березовый гриб (чагу), шерсть бобра и рыбий жир. При этом достигалась ритуальная чистота, а это означало символическую «связь с верхним, чистым миром, а за-

пах якобы отгонял от этого места злых духов» [Лар, 2008, с. 106]. Название рассматриваемого фольклорного текста переведено с использованием синтаксической замены, при которой последний компонент предложения оригинала реализуется в инициальной позиции: *Очищение чума дымом*.

Проведенный сопоставительный анализ исходного и переводного текстов показывает, что переводчик придерживается принципа верности оригиналу, соблюдая точность в передаче содержания, сохраняя форму и выбирая соответствующий стиль художественного повествования.

В тексте оригинала используется большое количество форм слов, относящихся к канинскому говору: *ока амгэм'* (форма винительного падежа) – *много чего* (ср. большезем. *нока намгэм'*); *выгна''* – *в тундре* (ср. большезем. *вынгаханана''*); *нюмдебидозь* – *они звали* (ср. большезем. *нюмдебидонзь*, форма прошедшего времени, образована от глагола *нюмдесь*); *харнипаг' таркам'* (винительный падеж) – *ветку можжевельника* (ср. большезем. *харнипаңг' таркам'*); *масьтесьты* – *клала* (ср. большезем. *масибтесьты* – от исходной формы глагола *масибтесь*); *ся'* – *когда* (ср. большезем. *сяха'*); *якэнда* (имя существительное с лично-предназначительным суффиксом в целях выражения предназначения) – *дымом* (ср. большезем. *якэхэнда*); *изле''* – *прислушивались* (большезем. *инзеле''*). Для эквивалентного и адекватного перевода это не представляет препятствие, поскольку переводчик родом из Канинской тундры и относится к носителям канинского говора.

В фольклорном тексте встречается целый ряд этнокультурных реалий, которые связаны с жизнью и бытом тундровых ненцев. Приведем примеры реализации данных реалий и обсудим возможности их перевода. *Ята'' масавэй хортъкон'* можно было бы дословно перевести словосочетанием **В посуду с углем*. Однако для русскоязычного реципиента требуется пояснение того, что ненцы часто применяют для проведения ритуала очищения старую, вышедшую из употребления металлическую посуду, в которую кладут тлеющие угли. Поэтому в процессе перевода предложения *Ята'' масавэй хортъкон' хора'*

сую едём', харнипаңг' таркам' масьтесьты на русский язык задействуется комплексная трансформация: вместо словосочетания **в посуду с углем* используется обстоятельный комплекс *в посуду на угли*, а далее дается видоизмененное пояснение того, что бабушка Пелагея клала именно на угли, которые находятся в посуде, *кишку оленёнка и ветку можжевельника*. В языке тундровых ненцев обозначения оленей по возрасту, развитию рогов, мастей по окрасу, по степени их прирученности или способа использования (например, запрягания в нарту) представлены в большом количестве [Мухачев, Харючи, Южаков, 2010, с. 128–129]. В вышеприведенном тексте такой ненецкой реалией является лексема *хора' сую*, которую можно перевести как *теленоч-самец*, если учесть, что *хора'* – это самец, а *сую* – олененок до года.

В рассматриваемом исходном тексте представлены два русскоязычных вкрапления: имя и уменьшительно-ласкательная форма для обозначения людей (*Пелагея Прокопьевна Бобрикова, бабушка Пелагея*). Это свидетельствует о тесной исторической связи ненецкого и русского народов, а также о существовании традиций из советского времени, когда имена, отчества и фамилии ненцам давались на русский манер. В анализируемом тексте прослеживается принадлежность главной героини рассказа к родовой группе тундровых ненцев Лидянг. В переводе на русский язык слово *лидяңг* означает «бобр». Представители рода Лидянг после христианизации стали Бобриковыми и проживают до сих пор в населенных пунктах Канинской тундры, кочуя по территории полуострова Канин.

Важным в фольклористическом переводе представляется точное формулирование высказывания в строгом соответствии с мыслью, выраженной в тексте оригинала предложением определенной структуры. Проследим в предложении *Ся' якада саваңэ ханта, тикы якэнда мядм' нибтра пясътыда* последовательность морфологических форм вместе с их значениями. *Ся'* (наречие времени *когда*); *якада* (к основе *яка* «дым» присоединяется лично-предназначительный суффикс *-да* в целях выражения предназначения); *саваңэ* – «хороший, достигший определенного состояния», в данном контексте «густой» образовано от

большезем. «сава» (хороший); *ханта* (глагольная форма прошедшего времени от *хэсь* «становиться»); *тикы* – «этим»; *якэнда* – «дымом»; *мядм'* (форма винительного падежа от существительного *мя* – «чум»; *нибтра* – глагольное имя от *нибтесь* «окуривать»); *пясьтыда* – начинал(-а) (*ты* обозначает 3-е лицо, *да* – единственное число, форма образована от глагола *пясь* «начинать»). В переводе использована характерная для устного рассказа разговорная структура главной части гипотаксисной структуры, в которой отсутствует подлежащее. При этом осуществлена лексическая замена (*саванэ ханта* → *подниматься*) в препозитивной придаточной части и реализована частеречная замена в главной части (*нибтра пясьтыда* → *начинала окуривать*). В результате произведенных переводческих действий получилось вполне понятное для русскоязычного реципиента высказывание: *Когда поднимался дым, начинала этим дымом окуривать чум.*

Применение сопоставительного и системного анализа, а также интен-анализа в целях оценки качества перевода позволило нам установить, что осуществленный перевод максимально приближен к исходному тексту. При этом соблюдены нормы устно-разговорной разновидности русского языка, характерные для фольклорных текстов. Интенции, заложенные в текст оригинала и текст перевода, совпадают, поскольку информанты (канинские ненцы) рассказывают этнографам и фольклористам о своих традициях, обычаях и жизни в тундре для того, чтобы сохранить ненецкий язык с его говорами и культуру ненецкого народа. Этим целям служат и опубликованные тексты переводов. В них учтены этнокультурные аспекты, такие как ненецкая мифология и культураны, ненецкие реалии, отражающие обряды и обычаи, восходящие к историческим корням ненецкого народа.

Заключение

Расширение границ исследования процесса перевода фольклорных текстов за счет включения в константы перевода помимо языковых, речевых и коммуникативных (то есть собственно лингвистических) некоторых других аспектов, таких как этнокультурные, со-

циально-исторические, этнографические, позволяет по-новому взглянуть на перспективы развития перевода с использованием языков коренных малочисленных народов России. При интегративном подходе к фольклористическому переводу с ненецкого языка в фокус рассмотрения перемещаются не только факторы, влияющие на перевод, но и системообразующие и системосохраняющие аспекты перевода. Результаты проведенного анализа текста оригинала и текста перевода, предлагаемые методы исследования перевода фольклорных текстов на русский язык показывают, что фольклористический перевод может стать реальным инструментом сохранения ненецкого языка, поскольку документирование и архивирование фольклорных текстов на миноритарном языке вместе с переводами на русский язык дает возможность последующим поколениям знакомиться с историей и культурой коренного малочисленного народа. В то же время фольклористический перевод может способствовать укреплению дружбы и взаимопонимания между народами, населяющими нашу страну.

Исследование ненецкого фольклора посредством перевода, демонстрация привлекательности фольклористического перевода как инструмента сохранения языка коренного малочисленного народа могут способствовать витальности миноритарного языка. Именно интегративный подход к переводу фольклорных текстов позволяет обеспечить его качество. Благодаря понятному и адекватному переводу при соблюдении комплексного подхода можно пробудить у молодежи интерес к родному языку и родной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амелина М. К., 2011. Акцентные характеристики производных имен в тундровом наречии ненецкого языка // Урало-алтайские исследования. № 2 (5). С. 7–38.
- Бармич М. Я., 2014. Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралистики 2014. СПб.: Нестор-История. С. 148–299.
- Буркова С. И., 2003. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 259 с.

- Валькова Ю. Е., Разумовская В. А., 2021. Перевод в контексте сохранения языков и культур коренных народов Сибири // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18, № 4. С. 393–404. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-4-393-404
- Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, 2017 / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Калининград : Изд. Дом «РОСТ-ДОАФК». 256 с.
- Дудников К. Э., 2017. Интент-анализ, коммуникативные стратегии и тактики, теория речевых актов: сравнительный анализ современных подходов к изучению интенциональности в ее речевом проявлении // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 5 (39). С. 176–188.
- Княжева Е. А., Пирко Е. А., 2013. Оценка качества перевода в русле методологии системного анализа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 145–151.
- Кошкарева Н. Б., 2005. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск : Любава. 223 с.
- Кошкарева Н. Б., 2008. О лексикографическом описании диалектов ненецкого языка // Материалы 2-й Международной конференции по самодистике (Посвящается 100-летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко) (16–18 окт. 2008 г.). СПб. : Нестор-История. С. 131–136.
- Красс А. Этническая перегруппировка: как поменялось соотношение народов России. URL: <https://news.ru/society/etnicheskaya-peregruppировka-kak-pomenyalos-sootnoshenie-narodov-rossii/>
- Лар Л. А., 2008. Традиционная религиозно-обрядовая жизнь ненцев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 62. С. 98–108.
- Люблянская М. Д., Пушкарева М. В., 2019. Создание новой терминологии на тундровом ненецком языке // Родной язык. № 2. С. 5–32.
- Мощанская Е. Ю., Поликарпов А. М., 2017. Устно-порождаемая речь в ситуации устного перевода: дидактический аспект // Педагогическое образование в России. № 5. С. 109–115.
- Мухачев А. Д., Харючи Г. П., Южаков А. А., 2010. Кочующие через века: оленеводческая культура и этноэкология тундровых ненцев. Екатеринбург : Креатив. команда «Кипяток». 160 с.
- Петрова Т. И., 2005. Двухязычный перевод как фактор сохранения родного языка // Вестник Якутского государственного университета. Т. 2, № 3. С. 101–105.
- Поликарпов А. М., 2017. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 6–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1
- Пушкарева Е. Т., Бурькин А. А., 2011. Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты). СПб. : Петербург. востоковедение. 390 с.
- Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса, 2000 / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб. : Алетей. 316 с.
- Федорова И. К., 2015. Изучение рецепции переводного текста как метод исследования в переводоведении (на примере киноперевода) // Вестник Пермского Университета. № 1 (29). С. 55–65.
- Lehtisalo T., 1947. Juraksamojedische Volksdichtung, gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo. Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura. 615 S.

ИСТОЧНИКИ

- Тропами предков* – Тропами предков : сб. материалов комплекс. экспедиции к кан. ненцам / сост. О. Е. Латышева. Нарьян-Мар: Этнокультур. центр Ненец. автоном. окр., 2016. 100 с.
- Atlas* – Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <https://ich.unesco.org/en/home>

СЛОВАРИ

- СМЯ* – Бармич М. Я. Словарь маминого языка (на канинском говоре). СПб. : Алмаз-граф, 2015. 312 с.
- НРС* – Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. СПб. : Просвещение, 2008. 942 с.

REFERENCES

- Amelina M.K., 2011. Aktsentnye kharakteristiki neproizvodnykh imen v tundrovom narechii nenetskogo yazyka [Accent Characteristics of Non-Derivative Names in the Tundra Dialect of the Nenets Language]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], no. 2 (5), pp. 7-38.
- Barmich M.Ya., 2014. Leksicheskaya kharakteristika yazyka kaninskikh nentsev [Lexical Characteristics of the Language of the Kanin Nenets]. *Voprosy uralistiki 2014* [Problems of

- Uralistics 2014]. Saint Petersburg, Nestor-Istorya Publ., pp.148-299.
- Burkova S.I., 2003. *Sopostavitel'noe opisanie funktsionalno-semanticheskikh poley obuslovlennosti v lesnom i tundrovom dialektakh nenetskogo yazyka* [A Comparative Description of the Functional-Semantic Fields of Conditionality in the Forest and Tundra Dialects of the Nenets Language]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t. 259 p.
- Valkova Yu.E., Razumovskaya V.A., 2021. *Perevod v kontekste sokhraneniya yazykov i kultur korennykh narodov Sibiri* [Translation in the Context of Preserving Languages and Cultures of the Siberian Indigenous Population]. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], vol. 18, no. 4, pp. 393-404. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-4-393-404
- Koshkareva N.B., ed., 2017. *Dialektologicheskii atlas uralskikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialectological Atlas of the Uralic Languages Spread in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. Kaliningrad, Izd. Dom «ROST-DOAFK». 256 p.
- Dudnikov K.E., 2017. *Intent-analiz, kommunikativnye strategii i taktiki, teoriya rechevykh aktov: sravnitel'nyy analiz sovremennykh podkhodov k izucheniyu intentsionalnosti v ee rechevom proyavlenii* [Intent Analysis, Communication Strategies and Tactics, Theory of Speech Acts: A Comparative Analysis of Modern Approaches to the Study of Intentionality in Its Speech Manifestation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], no. 5 (39), pp. 176-188.
- Knyazheva E.A., Pirkov E.A., 2013. *Otsenka kachestva perevoda v rusle metodologii sistemnogo analiza* [Evaluating the Quality of Translation in the Framework of Systems Analysis Methodology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 145-151.
- Koshkareva N.B., 2005. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta nenetskogo yazyka* [Essays on the Syntax of the Forest Dialect of the Nenets Language]. Novosibirsk, Lyubava Publ. 223 p.
- Koshkareva N.B., 2008. *O leksikograficheskom opisanii dialektov nenetskogo yazyka* [On the Lexicographic Description of the Dialects of the Nenets Language]. *Materialy 2-y Mezhdunarodnoy konferentsii po samodistike (Posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya Natalyi Mitrofanovny Tereshchenko) (16–18 okt. 2008 g.)* [Proceedings of the 2nd International Conference on Self-Dialecticism (Dedicated to the Natalia Mitrofanovna Tereshchenko's 100th Anniversary of the Birth) (16–18 Oct. 2008)]. Saint Petersburg, Nestor-Istorya Publ., pp.131-136.
- Krass A. *Etnicheskaya peregruppirovka: kak pomenyalos sootnoshenie narodov Rossii* [Ethnic Regrouping: How the Ratio of the Peoples of Russia Has Changed]. URL: <https://news.ru/society/etnicheskaya-peregruppirovka-kak-pomenyalos-sootnoshenie-narodov-rossii/>
- Lar L.A., 2008. *Traditsionnaya religiozno-obryadovaya zhizn nentsev* [Traditional Religious and Ceremonial Life of the Nenets]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 62, pp. 98-108.
- Lyublyanskaya M.D., Pushkareva M.V., 2019. *Sozdanie novoy terminologii na tundrovom nenetskom yazyke* [Creating New Terminology in Tundra Nenets Language]. *Rodnoy yazyk* [Mother Tongue], no. 2, pp. 5-32.
- Moshchanskaya E.Yu., Polikarpov A.M., 2017. *Ustnoporozhdaemaya rech v situatsii ustnogo perevoda: didakticheskii aspekt* [Oral Speech in an Interpretation Situation: A Didactic Aspect]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], no. 5, pp. 109-115.
- Mukhachev A.D., Kharyuchi G.P., Yuzhakov A.A., 2010. *Kochuyushchie cherez veka: olenevodcheskaya kultura i etnoekologiya tundrovyykh nentsev* [Nomads Through the Ages: Reindeer Herding Culture and Ethnoecology of the Tundra Nenets]. Yekaterinburg, Kreativ. komanda «Kipyatok». 160 p.
- Petrova T.I., 2005. *Dvuyazychnyy perevod kak faktor sokhraneniya rodnogo yazyka* [Bilingual Translation as a Factor in Native Language Preservation]. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Yakutsk State University], vol. 2, no. 3, pp.101-105.
- Polikarpov A.M., 2017. *Integrativnoe perevodovedenie: predposylki vzniknoveniya i osnovnye idei* [Integrative Translation Studies: Origin and Main Ideas]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 6-17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1
- Pushkareva E.T., Burykin A.A., 2011. *Folklor narodov Severa (kulturno-antropologicheskie as-*

- pekty*) [Folklore of the Peoples of the North (Cultural and Anthropological Aspects)]. Saint Petersburg, Peterburg. vostokovedenie Publ. 390 p.
- Ushakova T.N., Pavlova N.D., eds., 2000. *Slovo v deystvii: Intent-analiz politicheskogo diskursa* [Word in Action: Intent-Analysis of Political Discourse]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ. 316 p.
- Fedorova I.K., 2015. *Izuchenie retseptsii perevodnogo teksta kak metod issledovaniya v perevodovedenii (na primere kinoperevoda)* [The Study of Reception of the Translated Text as a Research Method in Translation Studies (On the Example of Film Translation)]. *Vestnik Permskogo Universiteta* [Perm University Herald], no. 1 (29), pp. 55-65.
- Lehtisalo T., 1947. *Juraksamojedische Volksdichtung, gesammelt und herausgegeben von T. Lehtisalo*. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura. 615 S.

SOURCES

- Latysheva O.E., ed. *Tropami predkov: sb. materialov kompleks. ekspeditsii k kan. nentsam* [Ancestral Paths. Collection of Materials from a Comprehensive Expedition to the Nenets of Kanin]. Naryan-Mar, Etnokultur. tsentr Nenets. avtonom. okr., 2016. 100 p.
- Atlas of the World's Languages in Danger*. URL: <https://ich.unesco.org/en/home>

DICTIONARIES

- Barmich M.Ya. *Slovar maminogo yazyka (na kaninskom govore)* [Dictionary of Mother's Language (In the Kanin Dialect)]. Saint Petersburg, Almaz-graf Publ., 2015. 312 p.
- Tereshchenko N.M. *Nenetsko-russkiy slovar* [Nenets-Russian Dictionary]. Saint Petersburg, Prosveshchenie Publ., 2008. 942 p.

Information About the Authors

Aleksandr M. Polikarpov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Translation Studies and Applied Linguistics, Head of the Scientific and Educational Centre "Integrative Translation Studies of the Subarctic Space", Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia, a.polikarpov@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0726-2524>

Ol'ga E. Latysheva, Postgraduate Student, Department of Translation Studies and Applied Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severnoy Dviny Emb., 17, 163002 Arkhangelsk, Russia; Deputy Director, Ethno-Cultural Centre of the Nenets Autonomous Okrug, Smidovicha St, 20A, 166000 Naryan-Mar, Russia, etnonao@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0728-0457>

Информация об авторах

Александр Михайлович Поликарпов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики, директор научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства», Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, 163002 г. Архангельск, Россия, a.polikarpov@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0726-2524>

Ольга Ефремовна Латышева, аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, наб. Северной Двины, 17, 163002 г. Архангельск, Россия; заместитель директора, Этнокультурный центр Ненецкого автономного округа, ул. Смидовича, 20А, 166000 г. Нарьян-Мар, Россия, etnonao@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0728-0457>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.12>

UDC 81'25
LBC 81.18

Submitted: 18.11.2022
Accepted: 06.03.2023

DOMESTIC – FOREIGN – INTERCULTURAL: PRAGMATICS OF TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF THE TEXTS DEVOTED TO S. DIAGHILEV'S ARTWORKS)

Marina Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Irina D. Volkova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with the linguistic representation of the linguoculturological triad “domestic – foreign – intercultural” as part of the theory of reflective and translation turns developed by D. Bachmann-Medick. Globalization has transformed the principle of binary categorization and mapped out the possibility of their synthesis and formation of a third space of communication. The purpose of the study is to analyze and describe translation strategies and techniques used for the transfer of intercultural meanings that create a third space in the perception of the global recipient, where neither basic, nor adaptive culture markers are preserved. The empirical basis of the study is represented with the original and translated texts of international artistic festivals, memoirs of Russian and foreign artists, as well as the verbal content of news online platforms dedicated to the 150th birth anniversary of S.P. Diaghilev. As a result of the analysis, three key strategies for the translation of linguistic-and-cultural units have been identified: domestication, foreignization and intercultural mediation. They are interchangeably used in the process of translating the Russian texts under consideration. However, owing to the communicative task of original texts – to convey the specifics of Russian culture and include national art in the world cultural fund, the strategy of intercultural mediation is the most frequently used one. This strategy is implemented through the use of Gallicisms in translated English and German texts, international vocabulary, and elimination of national and cultural specifics. It has been shown that a translator's individual style is imposed on the systemic and cultural specifics of natural languages.

Key words: translation, translation strategy, translation technique, domestication, foreignization, intercultural mediation.

Citation. Fadeeva M. Yu., Volkova I.D. Domestic – Foreign – Intercultural: Pragmatics of Translation (On the Material of the Texts Devoted to S. Diaghilev's Artworks). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 129-138. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.12>

УДК 81'25
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 18.11.2022
Дата принятия статьи: 06.03.2023

«СВОЕ» – «ЧУЖОЕ» – «МЕЖКУЛЬТУРНОЕ»: ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ТВОРЧЕСТВУ С. ДЯГИЛЕВА)

Марина Юрьевна Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Дмитриевна Волкова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается языковая репрезентация лингвокультурологической триады «свое – чужое – межкультурное» в рамках концепции рефлексивного и переводческого поворотов Д. Бахманн-Медик. Глобализация привела к трансформации принципа «бинарных категоризаций», обозначив возможность их синтеза и формирования «третьего пространства» коммуникации. Цель исследования заключается

ся в выявлении стратегий и приемов перевода для передачи межкультурных смыслов, создающих «третье пространство» коммуникации, в котором не сохраняются маркеры ни исходной, ни принимающей культур. Эмпирическую основу работы составили посвященные 150-летию со дня рождения С.П. Дягилева оригинальные и переводные сопроводительные тексты международных художественных фестивалей, мемуары российских и зарубежных деятелей искусства, а также текстовый контент новостных онлайн-платформ. В результате анализа выделены три стратегии перевода культуры: форенизация, доместикация и межкультурная медиация. Наиболее частотной выступает стратегия межкультурной медиации, что обусловлено коммуникативной задачей оригинала – передать специфику русской культуры и включить национальное искусство в мировой культурный фонд. Стратегия вербализуется посредством галлицизмов, интернационализмов, приема элиминации национально-культурной специфики. Установлено, что на системную и культурную специфику естественных языков накладываются особенности авторской индивидуальности переводчика.

Ключевые слова: перевод, стратегия перевода, прием перевода, доместикация, форенизация, межкультурная медиация.

Цитирование. Фадеева М. Ю., Волкова И. Д. «Свое» – «чужое» – «межкультурное»: прагматика перевода (на материале текстов, посвященных творчеству С. Дягилева) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 129–138. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.12>

Introduction

The humanities theory of cultural turns of the 20th – early 21st century (7 Cultural Turns) developed by Doris Bachmann-Medick focuses on understanding the “foreignness” of culture as the awareness of the need to study cultural differences, not similarities. The turns represent a change in perspectives, research angles, and these changes are not irreversible, they are easily superimposed on each other, together forming a mosaic picture of the world of cultural sciences [Bachmann-Medick, 2017].

According to the logic of the “reflexive turn”, the principle of binary opposites has been transformed (we are here, others are there) and isolated differences have become unacceptable for the world community. The globalization of the cultural space has led to an understanding of their relationship, namely to the perception of a whole “spectrum of mixed differences” [Geertz, 1983, p. 32].

Translation turn is the consequence of the natural globalization of the world community ties. Since the 1980s translation studies turn has altered to a cultural study of translation. The classical concepts of text-oriented translation began to be supplemented by such new leading categories as cultural representation and transformation, foreignness and dissimilarity, displacement, cultural differences and power. Thus, translation studies have acquired a new cultural dimension. Translation implies a wider transfer of other people’s ways of thinking, worldviews and various practices [Van Doorslaer, 2019.].

On account of / owing to due to their inequality in the global relationship of power between centers and peripheries, the dissimilarity of languages and cultures acquires a new research perspective [Bhabha, 1996, p. 55]. Global post-colonial shifts move the pole of the original and the pole of translation apart, forming the so-called Third Space. The third space is defined as a productive space of communication, transformation of cultural meanings and a locus of cultural production that blurs the existing boundaries and calls into question the established categories of culture. It provides communicants with a policy of inclusion, not exclusion, and stimulates both cooperation and controversy [Bhabha, 1996, p. 57]. In the third space, a hybrid identity guarantees the possibility of a dialogue. The identity of an individual is not determined simply through opposition to others, but it itself becomes “other”, defined by someone else.

The study of translation from the viewpoint of the third space seems to be relevant since the contact of two cultures inevitably gives rise to a new space of interaction between culturally conditioned meanings – “intercultural space”. The interaction of the categories of “domestic” and “foreign” with the meanings of different cultural models verbalized in a text is dynamic and is characterized by different degree of partners’ urge for rapprochement. Accordingly, the “intercultural” is characterized by ambiguity, uncertainty, novelty and can cause mixed feelings: from fear to inspiration.

In sociology, four scenarios of intercultural interaction are distinguished:

– Dominance (the norms and values of one’s culture take precedence over the values of the other’s culture and are elevated to an ideal);

– Assimilation (the norms and values of a foreign culture are adopted and integrated into a domestic culture);

– Divergence (the norms and values of both cultures are recognized as equivalent; however, a number of components turn to be incompatible, which leads to contradictions and does not allow one culture to be integrated into another);

– Synthesis (the most significant parts of both cultures merge into one, which allows it to acquire new qualities) [Thomas, 2003, p. 46].

The criterion that determines the nature of intercultural interaction in this classification is the result of the influence of one culture on another. As we can see, the scenarios of dominance and assimilation correlate with the well-known translation strategies: foreignization and domestication in the terminology of Lawrence Venuti [Venuti 1995]. Depending on the translator’s choice of a linguocultural strategy, the text of translation may appear “foreign” (alienating), or “domestic” (naturalizing) [Nesterova, 2019, p. 19]. At the same time, the experience shows that the text of translation (especially in the field of literature and art) reveals not only domestic and foreign features, but also intercultural ones. It should be mentioned that in the cross-cultural space, the interaction of cultures takes place according to a mixed scenario: divergence + synthesis.

The research object of the present paper is represented with a triad “domestic – foreign – intercultural”. The research subject is represented with the strategies and techniques in the manifestation of these categories in original and translated texts dedicated to the artworks of S.P. Diaghilev. The purpose of the study is to analyze and describe translation strategies and techniques used for the transfer of intercultural meanings that create a third space in the perception of the global recipient.

Materials and Methods

The year of 2022 marks the 150th birth anniversary of Sergey Pavlovich Diaghilev, the popularizer of Russian art abroad. He was one of the originators of a new trend of exhibition

organization; his private ballet enterprise inaugurated the reform of the world ballet theater of the 20th century. Through the art of opera and ballet, S. Diaghilev opened the Russian culture with its national traditions to the world bridging the national and European cultures.

The intercultural dialogue was facilitated by numerous cultural events promoted by S. Diaghilev, such as the Russian Seasons project, which introduced Europeans to the achievements of Russian culture and art.

The research is based on the materials of the International Festival of Arts “Diaghilev P.S.”, a special project “Stay Home with Russian Seasons”, literary memoirs, as well as news on the 150th birth anniversary of S.P. Diaghilev posted on the Russia Beyond platform. The original Russian-language publications and their translations into English and German have been analyzed. The total wordage of empirical material made 200,000 printed characters.

The following scientific methods were used to achieve the goal of the study: theoretical analysis with the use of inductive and deductive methods to summarize the collected theoretical data; the method of synthesis, description and linguistic observation, translational analysis. The comparison of source texts and translated text was carried out using intent analysis and content analysis.

Results and Discussion

Diaghilev as a cultural phenomenon

The phenomenon of the Russian expatriate community was formed in the 20th century. This concept characterizes the entire cultural heritage, memorable sites, historical facts somehow associated with the stay of Russians abroad. The Russian community was represented by almost the entire population of Russia with art celebrities being the brightest part of it. They formed the image of the world in the national consciousness and left a noticeable mark on Russian and world culture [Filicheva, 2020].

Intercultural contacts contributed to the entry of Russian art into the pan-European context and highlighted the originality of this art, which, according to contemporaries, attracted foreigners with its mysterious Russianness [Parkhomenko, 2019,

p. 157]. Russian ballet (The Firebird, The Coronation of Spring, The Prodigal Son, etc.) formed the gold standard of the 20th century classics.

Sergey Diaghilev, an outstanding impresario and founder of the world-famous Russian Seasons, played a major role in popularizing Russian opera and ballet classics abroad.

A.N. Benois wrote about the productions of 1909 in Paris: “At first, a small, and then ever-widening circle of fanatical admirers was formed around our venture. *Les fervents des russes* included French critics, writers and artists who better than any advertisements and reviews carried the good news around the city that something amazing and beautiful was being prepared in Châtelet. It turned out that Russian performances were in demand not only in Russia to satisfy some kind of national pride. The world culture was in need of them as well” [Benois, 1990].

After 150 years, the personality of S. Diaghilev is still discussed by Russian and foreign researchers: should he be considered a representative of Russian culture or a citizen of the world?

Soviet encyclopedic sources describe S. Diaghilev as a great Russian impresario, a citizen of Perm who grew fond of St. Petersburg and an ardent patriot who wanted to prove to the West that Russians can do everything and even more. The Western world frequently describes S. Diaghilev as an art critic, art patron, ballet impresario and founder of Russian ballet with its distinguished dancers and choreographers [Kupets, 2017]. It is noteworthy that Diaghilev’s ideas are evaluated through the prism of his original vision without reference to his nationality.

L. Garafola, a leading specialist in the history of Russian ballet, calls Diaghilev the greatest cosmopolitan who easily crossed the borders of countries and centuries. He was a deeply Russian person, and saw his mission to change the perception of Russian art, not by opposing it to French or Italian culture, but by integrating it into the world fund [Garafola, 2021].

According to L.A. Kupets, “the constantly transforming image of Diaghilev in encyclopedic narratives, like an informational iceberg, drifts along the waves of history, majestically waiting for its next observer and interpreter” [Kupets, 2017].

Strategies of translating culture

Translation has traditionally been one of the most important forms of intercultural communication, and since the middle of the 18th century it has been the dominant form of cultural appropriation of the Other [Menzel, 2011, p. 145]. By means of words transcoding, the translation acts as a medium for modeling another culture and constructing otherness.

In the process of translation, the complex interaction of domestic and foreign is especially clearly manifested. In this interaction, the translator’s individual style is superimposed on the systemic and cultural specifics of natural languages. The translation process consists of a series of choices, determined both by a strategy chosen and by the preference for one or another equivalent [Timko, 2007].

In terms of the metaphorical description given by Fr. Schleiermacher, the founder of scientific hermeneutics, the translator as an intermediary should ensure the “meeting” of the author of the original and the reader of the translation. There are two ways to make this meeting possible: the writer moves towards the reader or vice versa. The philosopher strictly distinguished between these two approaches and believed that their mixing is unacceptable [Schleiermacher, 2000].

In modern translation studies, the degree of approximation of the source text to the norms of the target language and culture has received a more detailed interpretation in the work of the American translation theorist Lawrence Venuti, who proposed the concepts of foreignization and domestication to describe translation strategies [Venuti, 1995]. The scholar notes that an adequate translation should emphasize the foreignness of the original text and point out cultural differences.

According to the German translator theorist M. Schreiber, the translator should domesticate some foreign elements if the original text contains many of them. In this case, the translation integrates the text into the target context (Einbürgerung). On the contrary, if the translator retains foreign elements of the source text, then we are talking about the foreignizing translation (Verfremdung) [Schreiber, 1993].

I.E. Klyukanov’s classification of translation strategies is based on the degree of translation intervention. The scholar distinguishes

between an adaptive translation strategy aimed at the target culture with its norms and concepts, on the one hand, and a resistive strategy aimed at conveying the culturally significant content of the original including specific language forms [Klyukanov, 1998].

P.N. Donets in his work “Translation and intercultural adaptation of the text” correlates translation with intercultural mediation in the sense of intercultural adaptation [Donets, 2004, p. 30]. Intercultural mediation in the form of a triadic discourse is understood as an alternative way to resolve disagreements caused by a mismatch of cultural landmarks, the creation of a special global cultural space in polylogues.

In this study, we rely on the differentiation of translation strategies by L. Venuti (domestication and foreignization) as the most relevant in Russian and Western translation studies and supplement it with the strategy of intercultural mediation, which corresponds to the theory of Third Space by H. Bhabha.

Foreignization / domestication / intercultural mediation

The foreignization strategy is used to familiarize the translation’s recipient with the originality of an author’s country of origin, which is also reflected in language. The foreignization strategy is implemented through such techniques as approximate translation, tracing, transliteration.

Let us turn to the translational analysis of original and secondary texts.

Bilingual booklets (in Russian and English) of the festival program are published on the official website of the Diaghilev. P.S. event, and the texts of these booklets are rich in culture-specific words. Approximation is used to translate these words into the English language:

(1) **Original:** Гончарова и Ларионов собрали коллекцию икон и **лубков**, которую показали в 1913 году на выставке «Иконописные подлинники и **лубки**» (Diaghilev, 2016).

Translation: Icons and **prints** which Larionov and Goncharova collected were displayed in the 1913 exhibition ‘Original Icons and **Lubki**’ (Diaghilev, 2016).

The term *lubok* is of Slavic origin and refers to a type of graphic work of art in the form of a

printed and then hand-colored print on paper. In the above English phrase, two variants of translations of this term are given – *prints* and *Lubki*, neither of which fully conveys the semantics of the original word: in the first case, the generalization is used, and in the second case – transliteration.

Toponyms, or place names, can also be found in the names of festival events:

(2) **Original:** Порой эти отсылки бывают буквальными, как, например, акция 1993 года «Футуристы выходят на **Кузнецкий**» (Diaghilev, 2016).

Translation: Sometimes, these references are literary, as in the 1993 ‘Futurists Take the **Kuznetsky**’ (Diaghilev, 2016).

Transliteration of the word *Kuznetsky* when translating into English the Russian name of the bridge located in St. Petersburg without specifying the object (*bridge*) indicates the translator’s intention to convey the form, not the meaning, thus leaving the pragmatic aspect in the background.

The implementation of the foreignization strategy can also be observed in translated materials into German:

(3) **Original:** В Петербурге началась новая эпоха с приездом молодого человека по имени **Сергей Павлович Дягилев**, который после обучения на юридическом факультете и безуспешных попыток стать композитором (Римский-Корсаков не признавал таланта юного ученика) вместе с «**Невскими пиквианцами**» обратился к художественному искусству (Russian Revolution).

Translation: Die großen Tage von St. Petersburg hatten begonnen, als ein junger Mann namens **Sergej Pawlowitsch Djagilew** aus der Provinz nach St. Petersburg kam und nach einem Jurastudium und erfolglosen Versuchen als Komponist – Rimsky-Korsakow ermutigte seinen Schüler kaum – sich mit seinen Freunden, den **Pickwickians de la Newa**, ausschließlich den schönen Künsten zuwandte (Russische Revolution).

The very structure of the original is almost completely preserved in the translation. The proper names are given in transliteration and transcription. It should be noted that the full name of S.P. Diaghilev is given in the translation. The name of the art group *Невские пиквианцы* represents a certain difficulty for German readers. The name of this group of art lovers is associated with the novel *The Posthumous Papers of the*

Pickwick Club by Charles Dickens. The group was formed in 1887 by students of the St. Petersburg Private School named after Karl May – A. Benois, V. Nouvel, D. Filosofov and K. Somov, and the main goal of this community was to study the history of art, primarily, painting and music. Later, S. Diaghilev and L. Bakst joined the group. S. Diaghilev's and the skills of organizer led to transforming allowed for transforming a narrow circle of art lovers into the artistic association World of Art [Berard, 2005]. In the translation, the French language version of the name is given, probably due to its higher frequency of use in European sources. We believe that the translator's note would make it easier to perceive the text of the translation. In the German translation, the French name of the group is given, is probably chosen because of its frequent use in European publications. We believe that the translator's note would make it easier to perceive the translated text.

The domestication strategy is focused on bringing the text closer to the target culture, i.e. the translator makes a transfer of the foreign through the prism of the domestic. Omissions, syntactic transformations, as well as descriptive translation are used to make a text more familiar to a foreign-language audience.

The article "How Diaghilev Made the 'Russian Revolution' in World Art", published on the Russia Beyond platform and available in German translation, provides data on Diaghilev's biography.

(4) **Original:** Человек, утонченный вкус которого считается непревзойденным, появился на свет вдали от культурных столиц 31 марта 1872 года в Новгородской губернии. Дягилев был сыном кавалергардского полковника Павла Дягилева. Мать вскоре умерла, но детство Сергей провел в атмосфере любви, тепла и уюта, которые создавала мачеха. Семейным гнездом стал город Пермь – один из промышленных центров Урала (Russian Revolution).

Translation: Sergej Djagilewwurde am 31. März 1872 in der Familie eines Leibgardeobersten geboren, weit weg von den Kulturhauptstädten Russlands – im Verwaltungsgebiet Nowgorod. Seine Mutter starb, als er noch klein war, doch seine Stiefmutter zog ihn mit Liebe und Wärme auf. Die Stadt Perm, etwa 1 500 Kilometer östlich von Moskau und damals eines der Industriezentren im Ural, wurde zur Heimat für die Familie (Russische Revolution).

This example shows the syntactic differences between two texts: the translator combines the first two sentences of the original text into one. There is an omission of the attributive clause emphasizing the good upbringing of young S. Diaghilev. The name of Diaghilev's father is also omitted, and the military rank *кавалергардский полковник* is translated using a contextual analogue *Leibgardeoberste*. The administrative-territorial lexical unit *губерния* is translated using the method of approximate translation *Verwaltungsgebiet*. The descriptive translation of the city name Perm includes the indication of the city of Moscow as a well-known territorial landmark in Russia.

The Russian-English booklet of the Diaghilev. P.S. International Festival of Arts 2021 mentions the name of Porokh art space:

(5) **Original:** В 2018 году в репертуаре площадки «ПОРОХ» появилась кинематическая драма «Фауст 3.0» (Diaghilev, 2021).

Translation: In 2018 the kinematic drama *Faust 3.0* appeared in the repertoire of the **POROKH performing arts theatre** (Diaghilev, 2021).

This example also demonstrates the use of descriptive translation which gives foreign readers the opportunity to learn what kind of a platform is mentioned.

The following examples from the Russian-English translations demonstrate some omissions in the translated texts:

(6) **Original:** Важно отметить, что Монро использовал не только реальных героев, но часто прибегал к сказочным или мифологическим образам: Снежной королеве, Русалке, Снегурочке, Аленушке, Троице, кукле Барби... (Diaghilev, 2016).

Translation: It should be mentioned that Monroe was not only interested in real-life figures but also in fairy-tale and mythological ones: the Snow Queen, the Little Mermaid, Alyonushka, Barbie and so on (Diaghilev, 2016).

(7) **Original:** Вальс из музыки к спектаклю «Живой труп» для ансамбля (Diaghilev, 2021).

Translation: Waltz from music to the performance for ensemble (Diaghilev, 2021).

As can be seen from these examples, the names of a fairy tale character *Снегурочка* (the Snow Maiden) and the performance *Живой труп* (Living Dead), as well as the religious concept *Троица* (the Trinity) are not reflected in the secondary texts.

The strategy of intercultural mediation involves the creation of a translation text for a global addressee with minimum manifestation of difference between foreign and domestic. This strategy is implemented through the use of foreign language inclusions, international vocabulary, the technique of eliminating national and cultural specifics.

The name of the Russian Seasons ballet enterprise (since 1929 known also as Russian Ballet of Diaghilev) is traditionally presented in English and German-language sources in French – *Ballets Russes*. In some translated publications a few exceptions can be found – *The Ballets Russes* (English); *Russisches Ballett / Diaghilevs Russisches Ballett* (German).

Publications dedicated to the life and work of S.P. Diaghilev are characterized by the wide use of Gallicisms. As a rule, they are preserved in translated texts.

(8) **Original:** Из Петербурга летели письма к матеке в Пермь: «Я, во-первых, большой **шарлатан**, хотя и с блеском, во-вторых, большой **шармёр**, в-третьих – большой нахал, в-четвертых, человек с большим количеством логики и малым количеством принципов и, в-пятых, кажется, бездарность; впрочем... я кажется нашел мое настоящее значение – **меценатство**» (Die Magie der «Ballets Russes»).

Translation: In einem Brief an seine Stiefmutter gab Djagilew folgendes Bild von sich selbst: «Ich bin erstens: ein **Scharlatan**, aber voller Feuer – zweitens: ein großer **Charmeür** – drittens: ein frecher Kerl – viertens: ein Mensch mit viel Logik und wenig Skrupeln – fünftens: einer, der krankt, so scheint es, an einem totalen Mangel an Talent. Außerdem glaube ich, meine wahre Bestimmung gefunden zu haben: **das Mäzenat** (Die Magie der «Ballets Russes»).

(9) **Original:** В 2011 году был учрежден почетный приз Международного фестиваля искусств «Дягилев. P.S.» – «**Удиви меня!**» за идею и реализацию художественных проектов, объединяющих различные национальные культуры (Diaghilev, 2021).

Translation: In 2011 a special award of the International Festival of Arts Diaghilev P.S. – “**Ettone-moi!**” – was established to celebrate significant creative projects aimed to unite different national cultures (Diaghilev, 2021).

The highlighted words in the above German and English fragments are inclusions from the French language.

The ways of translating French words and expressions are of great importance, since French was the lingua franca of the Russian aristocracy in the early 20th century. In the Russian-language article “Leon Bakst: Dress up like a flower!” posted on the website of the Tretyakov Gallery Magazine, there are a number of quotes in French, which are translated with the use of the following English equivalents:

(10) **Original:** Все **premieres**, мастерицы, одеваются под меня, носят белые чулки, рисунки в клеточку – **daim** и т. д. (Léon Bakst, Russian).

Translation: All **premieres** and craftswomen dress up in my style, wear white stockings and checkered patterns – **daim** [**French: chamois**], etc. (Léon Bakst, English).

(11) **Original:** Мои сандалии совсем в моде, а о расшитых чулках верно дошло до Петербурга уже: **Je touche 10 pourses sur chaque robe, chapeau et chaussure** (Léon Bakst, Russian).

Translation: My sandals are all the rage, and the news about embroidered stockings has probably reached St. Petersburg already – **Je touche 10 pourses sur chaque robe, chapeau et chaussure** [**French: I receive 10% for every dress, hat and shoe**] (Léon Bakst, English).

(12) **Original:** Стиль платьев – свежий и без вычур, преобладают сочетания **bleu roi** и белого, иногда **incidents** зеленые (Léon Bakst, Russian).

Translation: The style of the dresses is fresh and unpretentious, dominated by the combinations of **bleu roi** [**French: bright blue**] and white, sometimes with a **touch of green** (Léon Bakst, English).

The translation of the highlighted French words and phrases into English is given in brackets in the secondary text. This helps to ensure the clarity of the text and partially neutralize the foreignizing style of presentation. In the third sentence, the Russian phrase *иногда incidents зеленые* is translated into English without using the French word *incidents* – *sometimes with a touch of green*. Thus, from a pragmatic point of view, the translation turns out to be more adequate than the original text due to the indication of the necessary explanations in brackets.

It should be noted that the names of all Russian Seasons performances are traditionally given in French in the English and German-language art discourse.

The following examples illustrate this trend:

(13) **Original:** Сергей Дягилев ставит балеты «Золотой петушок», «Полуночное солнце», «Кикимора», «Шут» (Diaghilev, 2016).

Translation: On the back of it Sergei Diaghilev was to stage **Le coq d'or; Soleil de nuit; Kikimora; Chout, and Les noces** (Diaghilev, 2016).

(14) **Original:** Дягилев сам выбирал программу – он сделал ставку на постановки 29-летнего Михаила Фокина, который с трудом пробивал себе дорогу в ретроградной Мариинке. Его «Павильон Армиды», «Сильфиды», «Спящая красавица» отсылали к европейскому искусству (Russian Revolution).

Translation: Das Programm stellte Djagilew selbst zusammen und wählte die Inszenierungen des 29-jährigen Michail Fokin, der für das konservative Mariinski-Theater zu bahnbrechend war. Seine „**Le Pavillon d'Armide**“, „**Les Sylphides**“, „**La Belle au bois dormant**“ entsprachen der Tradition der europäischen Kunst. Die Bühnenbilder für die Aufführungen stammten von den Künstlern Benois und Bakst (Russische Revolution).

As we can see, the proper names given in bold are translated using French inclusions and the technique of transliteration.

The Coronation of Spring by Igor Stravinsky which became a turning point in the fate of the Russian Ballet is the only exception. Before the beginning of the First World War, it separated S. Diaghilev and his troupe from Russia. The French name *Le Sacre du printemps* was proposed by L. Bakst, but it was not fixed in other European languages. In English, *The Coronation of Spring* is a more frequent name, and in German – *Das Frühlingsopfer*, it may be explained by the difference in connotations, which prompted translators to choose contextual equivalents in their native language.

The combination of loan translation and transliteration in the following example also refers to the strategy of intercultural mediation:

(15) **Original:** «Дар», кантата для тенора, мужского хора и ансамбля на стихи Гавриила Державина (Diaghilev, 2021).

Translation: **Gift (Dar)**, cantata for the part of the tenor, male choir and ensemble after Gavrila Derzhavin (Diaghilev, 2021).

The technique of elimination of national and cultural specificity consists in neutralizing the meaning of culture-specific lexical units, because its value appears to be irrelevant to foreign readers:

(16) **Original:** Фокин представил в своих произведениях особый язык тела, в основе которого лежало **искусство славянского хоровода, хождения за солнцем**, с переплетением мифических сюжетов и сказок (Die Magie der «Ballets Russes»).

Translation: Fokine entwickelte in seinen Arbeiten eine spezielle Körpersprache, knüpfte an **die Kunst von Naturvölkern** an und durchdrang Mythologie und Märchen (Die Magie der «Ballets Russes»).

The generalized concept of *Kunst von Naturvölkern* (the art of primitive peoples) insensitive to any nation or culture is used instead of the word combination *славянский хоровод* (the Slavic round dance).

Conclusion

According to S.P. Diaghilev, art is an international phenomenon. The great impresario saw his mission in conveying the specifics of Russian national and cultural art traditions to the world cultural fund, accessible to representatives of other countries. In this context, translation is assigned the task of transforming ideas and stereotypes and ensuring a polylogue of cultures, that is the text of translation should contain the features of domestic culture, the peculiarities of foreign culture, as well as the intercultural elements.

Boris Dubin calls translation a search strategy, and culture – a living and unceasing multiplication of diversity in the space and time of choice [Dubin, 2008]. The preference for a translation strategy is explained by the tradition of the target language, as well as the language personality and individual style of the translator.

A comparative analysis of original Russian-language and translated English- and German-language sources allows us to state the fact that when translating texts with national and cultural specifics, the translator is not limited to the use of one translation strategy.

The translator, as a mediator of interacting cultures, applies the strategies of foreignization, domestication and intercultural mediation in order to balance and adapt cultural and linguistic differences. The foreignization strategy is implemented through the use of transliteration technique and French inclusions; the domestication strategy implies the use of techniques of approximation, omission, syntactic transformations;

and the strategy of intercultural mediation consists in the use of foreign-language words and phrases, international vocabulary, elimination of national and cultural specifics, as well as the combination of inclusions and transliteration.

With regard to the research material which reflects the international world-oriented trends developed by S. Diaghilev, it is important to note the special role of the strategy of intercultural mediation which allows translators to fully realize their status as mediators between cultures and point out both the features of original and assimilating cultures, to make possible the meeting of authors and readers in the third space of art communication.

REFERENCES

- Bachmann-Medick D., 2017. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukah o culture* [Cultural Turns. New Landmarks in the Sciences of Culture]. Moscow, NLO Publ. 503 p.
- Benois A., 1990. *Moi memuary: v 5 kn. Kn. 4, 5* [My Memoirs: In 5 Books. Books 4, 5]. Moscow, Nauka Publ. 743 p.
- Bérard E., 2005. Iz Parizha v zhivopisnyy Peterburg [From Paris to Picturesque St. Petersburg]. *Zvezda*, no. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/6/iz-parizha-v-zhivopisnyj-peterburg.html>
- Bhabha H.K., 1990. The Third Space. Interview with Homi Bhabha. *Identity, Community, Culture, Difference*. London, Lawrence & Wishart, pp. 207-221.
- Bhabha H.K. 1996. Cultures in Between. Hall S., Du Gay P., eds. *Questions of Cultural Identity*. London, SAGE, pp. 53-60.
- Donets P.N. 2004. *Teoriya mezhkulturnoy kommunikatsii: spetsifika kulturnykh smyslov i yazykovykh form: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Theory of Intercultural Communication: Specificity of Cultural Meanings and Language Forms. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Kharkiv. 373 p.
- Dubin B., 2008. Mistika originala [Mysticism of the Original]. *Kommersant Newspaper*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1091064>
- Filicheva N.V., 2020. Vliyaniye «russkikh sezonov» i «russkikh baletov» Dyagileva na mirovoye iskusstvo XX veka i razvitiye stilya Ar Deko [Influence of Diaghilev's "Russian Seasons" and "Russian Ballets" on the World Art of the 20th Century and the Development of the Art Deco Style]. *Novoe iskusstvoznanie*, no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-russkikh-sezonov-i-russkikh-baletov-dyagileva-na-mirovoe-iskusstvo-xx-veka-i-razvitiye-stilya-ar-deko>
- Garafola L., 2021. *Russkiy balet Diaghileva* [Diaghilev's Russian Ballet]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ. 656 p.
- Geertz C., 1983. *Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme*. Frankfurt, Suhrkamp. 320 S.
- Klyukanov I.E., 1998. *Dinamika mezhkulturnogo obshcheniya: sistemno-semioticheskoye issledovaniye* [Dynamics of Intercultural Communication: A System-Semiotic Study]. Tver, Izd-vo Tver. un-ta. 99 p.
- Kupets L.A., 2017. Obraz Dyagileva v rossiyskom entsiklopedicheskom narrative XX – nachala XXI veka [The Image of Diaghilev in the Russian Encyclopedic Narrative of the 20th – Early 21st Centuries]. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoy* [Bulletin of the Academy of Russian Ballet Named After A.Ya. Vaganova], no. 6 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-dyagileva-v-rossiyskom-entsiklopedicheskom-narrative-hh-nachala-xxi-veka>
- Menzel B., 2011. Die Zeitschrift Innostrannaja literatura als Medium kultureller Übersetzung. *Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im 20 und 21. Jahrhundert*. Berlin, Frank & Timme GmbH, S.143-176.
- Nesterova N.M., 2019. «Svoye/chuzhoye» v perevode [Domestic/Foreign in Translation]. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya v epokhu globalizatsii: Svoe. Chuzhoe. Universalnoe* [Intercultural Communication in the Age of Globalization: Domestic, Foreign, Universal], pp. 89-101.
- Parkhomenko T.A., 2019. *Kulturnoe nasledie russkogo zarubezhya v dialoge tsivilizatsiy XV – nachala XX vekov* [The Cultural Heritage of the Russian Diaspora in the Dialogue of Civilizations of the 15th – Early 20th Centuries]. Moscow, Institut Naslediya. 336 p.
- Schleiermacher F., 2000. O razlichnykh sposobakh perevoda: lektsia, prohit. 24 iyunya 1813 g. [On Different Methods of Translation. Lecture Given on June 24, 1813]. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology], no. 2, pp. 127-145. URL: www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc
- Schreiber M., 1993. *Übersetzung und Bearbeitung. Zur Differenzierung und Abgrenzung des Übersetzungsbegriffs*. Tübingen, Narr. 353 S.
- Timko N.V., 2007. *Faktor «kultura» v perevode* [The Factor of Culture in Translation]. Kursk, Kursk. gos. un-t. 154 p.

- Thomas A., 2003. Das Eigene, das Fremde, das Interkulturelle. *Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation, Band 1: Grundlagen und Praxisfelder*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, S. 44-59.
- Van Doorslaer L., 2019. Embedding Imagology in Translation Studies. *Word.ru: Baltic Accent*, vol. 10, no. 3, pp. 56-68. DOI: 10.5922/2225-5346-2019-3-4
- Venuti L., 1995. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London, New York, Routledge. 336 p.
- Russian Revolution – *Kak Diaghilev sovershil russkuyu revolyutsiyu v mirovom iskusstve* [How Diaghilev Made the Russian Revolution in the World Art]. URL: <https://ru.rbth.com/read/2395-diaghilev-russkie-sezony-balet>
- Léon Bakst (English) – Léon Bakst: “Dress Up Like a Flower!”. *The Tretyakov Gallery Magazine*. URL: <https://www.tretyakovgallerymagazine.com/articles/4-2009-25/leon-bakst-dress-flower>
- Léon Bakst (Russian) – Lev Bakst: “Odevaytes kak tsvetok!” [Léon Bakst: “Dress Up Like a Flower!”]. *The Tretyakov Gallery Magazine*. URL: <https://www.tg-m.ru/articles/4-2009-25/lev-bakst-odevaytes-kak-tsvetok>
- Die Magie der «Ballets Russes» – Wittwer B.-A., Troynikowa T., Jahn Sh. *Die Magie der «Ballets Russes»*. München, MIR e.V., Zentrum russischer Kultur in München, 2021. 30 S.
- Russische Revolution – Sergej Djagilew: Russische Revolution der Kunst. *Russia Beyond*. URL: https://de.rbth.com/longreads/sergej_djagilew/

SOURCES

- Diaghilev, 2016 – Diaghilev P.S. *International Festival of Arts*. Saint Petersburg, 2016. URL: <https://www.diaghilev-ps.ru/programs/2016/>
- Diaghilev, 2021 – Diaghilev P.S. *International Festival of Arts*. Saint Petersburg, 2021. URL: <https://www.diaghilev-ps.ru/programs/2021/>

Information About the Authors

Marina Yu. Fadeeva, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Institute of Philology and Intercultural Communication; Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, fadeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

Irina D. Volkova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, romadina-irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Информация об авторах

Марина Юрьевна Фадеева, кандидат филологических наук, директор Института филологии и межкультурной коммуникации; доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, fadeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

Ирина Дмитриевна Волкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, romadina-irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5718-9479>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

– комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

– поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

– расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

– повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

– поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года
2610 руб. 33 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the Journal is aimed at achieving the objectives set:

– comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

– supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

– expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

– enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

– supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out through "The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals". Vol. 1. The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023 is 2610.33 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics

is indexed by:

